

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ВЕСТНИК
Уфимского юридического
института МВД России

№ 3 (97)

BULLETIN
of the Ufa Law Institute
of MIA of Russia

Издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

The journal is included into the list of the reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in which the main results of theses for the degrees of Doctors and Candidates of Sciences must be published

Уфа – 2022

12+

Научно-практический журнал

Издается с июня 1998 года ежеквартально

Учредитель и издатель – ФГКОУ ВО УЮИ МВД России

Главный редактор:

Терехов Алексей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России (по научной работе).

Заместитель главного редактора:

Рахимов Эльдар Харисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Члены редакционной коллегии:

Абдраязпов Ранис Ришатович – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Авдеева Ольга Анатольевна – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского юридического института МВД России.

Аничкин Евгений Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права Алтайского государственного университета.

Анохин Юрий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, заместитель начальника Барнаульского юридического института МВД России (по научной работе).

Баишева Зилия Вагизовна – доктор филологических наук, доцент, заслуженный учитель Республики Башкортостан, профессор кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета.

Бакирова Лена Рифхатовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Барков Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Военного университета имени князя Александра Невского Министерства Обороны Российской Федерации.

Беглова Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России.

Бикнин Ирек Анасович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Буканова Роза Гафаровна – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, Почетный работник выс-

шего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Варданян Акоп Варазатович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, начальник кафедры криминологии и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России.

Васильев Антон Александрович – доктор юридических наук, доцент, директор юридического института Алтайского государственного университета.

Вилкова Алевтина Владимировна – доктор педагогических наук, профессор, заместитель начальника Научно-исследовательского института ФСИН России.

Газизов Рафаэль Аркадьевич – доктор филологических наук, доцент, декан факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета.

Гейжан Наталья Федоровна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России.

Грачев Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Джоробекова Арзыгуль Мамаюновна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кыргызской Республики, заместитель начальника Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора милиции Э.А. Алиева (по учебной и научной деятельности).

Дивасва Ирина Рафаэловна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Дизер Олег Александрович – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина (по научной работе).

Емелин Сергей Михайлович – доктор юридических наук, доцент, профессор РАН, действительный член Академии военных наук Российской Федерации, директор Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН.

Ендольцева Алла Васильевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Заурова Эльвира Викторовна – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России.

Иванов Дмитрий Александрович – доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, начальник кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Илакавичус Марина Римантасовна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета.

Искандарова Гульнара Рифовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Каац Марина Эвальдовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Казамиров Анатолий Иванович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Каримов Рим Римович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Каримова Гульназ Юрисовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Кархалев Денис Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета.

Ковтуненко Любовь Васильевна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педа-

гогики и педагогической психологии Воронежского государственного университета.

Латыпов Вадим Сагитьянович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Макарейко Николай Владимирович – доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России.

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Башкортостан, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, заведующая кафедрой криминологии Института права Башкирского государственного университета.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мамлеева Дилара Радиковна – кандидат юридических наук, начальник кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Мартынов Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского.

Мичурин Оксана Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Морозов Сергей Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, декан юридического факультета Ульяновского государственного университета.

Муравьев Кирилл Владимирович – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова (по научной работе).

Надтачаев Павел Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Небратенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России.

Нухов Салават Жавдатович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета.

Овсепян Жанна Иосифовна – доктор юридических наук, профессор, академик Российской акаде-

мии наук, заведующая кафедрой государственного (конституционного) права Южного федерального университета.

Орехова Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П.А. Леканта Московского государственного областного университета.

Осокин Роман Борисович – доктор юридических наук, профессор, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Петрова Елена Александровна – доктор филологических наук, доцент, Отличник образования Республики Башкортостан, заведующий кафедрой иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Петрянин Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, директор Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Победкин Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оператив-

но-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Пономарева Екатерина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета.

Химичева Ольга Викторовна – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Ходякова Наталия Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России.

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института (по научной работе).

Шайхуллин Марат Селирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Рег. №: ПИ № ФС77-75866 от 24 мая 2019 г.

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) научной электронной библиотеки «eLIBRARY».

Подписной индекс: распространяется по договору подписки с ООО «Агенство «Книга-Сервис», 39481.

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

Литературный редактор Л. Р. Байдавлетова, Р. Р. Гафарова, Э. Р. Ишемгулова, Е. А. Карамзина.

Техническая верстка А. Ф. Чиняева.

Телефон/факс: (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru, gio_uyi@mvd.gov.ru.

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России.

Подписано в печать: 23.09.2022. Дата выхода в свет: 30.09.2022.

Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 22,5. Гарнитура Times. Тираж 1000 экз. Первый завод 60 экз.

Заказ № 66. Цена свободная.

Scientific and practical journal

Published since June 1998 quarterly

Founder and publisher – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editor-in-chief:

Terekhov Alexey Yurievich – Candidate of Law, Associate Professor, the Deputy Chief (for scientific work) of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Deputy editor-in-chief:

Rakhimov Eldar Kharisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Members of the editorial board:

Abdrazyapov Ranis Rishatovich – Candidate of Law, Deputy Head of the Department of Criminal Procedure of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Avdeeva Olga Anatolyevna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the East Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Anichkin Evgeniy Sergeevich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Altai State University.

Anokhin Yury Vasilyevich – Doctor of Law, Professor, Honored Officer of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Deputy Head of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work).

Baisheva Zilya Vagizovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Honored Teacher of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Bakirova Lena Rifkhatovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign and Russian Languages of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Barkov Aleksey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Beglova Elena Ivanovna – Doctor of Philology, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Foreign Language and Speech Culture of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bikkinin Irek Anasovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bukanova Roza Gafarovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the

Department of History and Theory of State and Law of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vardanyan Akop Varazdatovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Criminalistics and Investigative Activities of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vasiliev Anton Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Law Institute of Altai State University.

Vilkova Alevtina Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Deputy Head of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Gazizov Rafael Arkadievich – Doctor of Philology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Romano-Germanic Philology of the Bashkir State University.

Geizhan Natalya Fedorovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grachev Nikolai Ivanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.

Dzhorobekova Arzygul Mamayunusovna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Kyrgyz Republic, Deputy Head of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic named after Major General of Militia E.A. Aliyev (for educational and scientific activities).

Divaeva Irina Rafaelovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Dizer Oleg Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin (for scientific work).

Emelin Sergey Mikhailovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Russian Academy of Sciences, full member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, Director of the Institute of Ethnological Studies named after R.G. Kuzeev of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Endoltseva Alla Vasilievna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.

Zautorova Elvira Viktorovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Corresponding Member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Ivanov Dmitry Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.

Iiakavicius Marina Rimantasovna – Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ilyashenko Aleksey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Kuban State University.

Iskandarova Gulnara Rifovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Foreign and Russian Languages of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kaats Marina Evaldovna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kazamirov Anatoly Ivanovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional Law of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimov Rim Rimovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of History and Theory of State and Law of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimova Gulnaz Yurisovna – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karkhalev Denis Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Kovtunen Lyubov Vasilievna – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology of the Voronezh State University.

Latypov Vadim Sagityanovich – Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makareiko Nikolai Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of

Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makarenko Ilona Anatolyevna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of Criminalistics, Institute of Law, Bashkir State University.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mamleeva Dilara Radikovna – Candidate of Law, Head of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Martynov Aleksey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky.

Michurina Oksana Valerievna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.

Morozov Sergey Yurievich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Dean of the Faculty of Law of Ulyanovsk State University.

Muravyov Kirill Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov (for scientific work).

Nadtachayev Pavel Valerievich – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nebratenko Gennady Gennadievich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nukhov Salavat Zhavdatovich – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Language and Intercultural Communication of the Faculty of Romano-Germanic Philology of the Bashkir State University.

Ovsepyan Zhanna Iosifovna – Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of State (Constitutional) Law of the Southern Federal University.

Orekhova Elena Nikolaevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Modern Russian Language named after Professor P.A. Lekant of the Moscow State Regional University.

Osokin Roman Borisovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Faculty for the Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.

Petrova Elena Alexandrovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Excellence in Education of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of Foreign and Russian Languages of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Petryanin Aleksey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Director of the Nizhny Novgorod branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Pobedkin Alexander Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezzhalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ponomareva Ekaterina Vladimirovna – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tarasov Alexander Alekseevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and

Procedure of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Khimicheva Olga Viktorovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.

Khodyakova Natalia Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with Personnel of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tsukanov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Siberian Law Institute (for scientific work).

Shaikhullin Marat Selirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, information technologies and mass communications.

Reg. №.: PI № FS77-758669 24.05.2019.

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».

The subscription index circulates according to the subscription contract with «Agency «Kniga-Servis», Ltd. 39481.

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103, the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

The copy editor L. R. Baidavletova, R. R. Gafarova, E. R. Ishemgulova, E. A. Karamzina.
Layout A. F. Chinyaeva.

Tel./fax (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru, rio_uyi@mvd.gov.ru.

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Signed for publishing: 23.09.2022. Release date: 30.09.2022.

Format 60x84 1/8. Conv. print sheets 22,5. Typeface Times.

Circulation: 1000 copies. The first plant is 60 copies. Order № 66. Free price.

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретико-исторические правовые науки

(Теория и история права и государства; история правовых учений)

<i>Гарипов Р. Ф., Тухватуллин Р. Р.</i> Поправки к Конституции США 1-й трети XX в. (1900–1933 гг.)	12
<i>Фомичев А. А.</i> О сущности и исторической роли полицейских образований в России	19

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

(Конституционное право; муниципальное право; Административное право; административный процесс; Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности)

<i>Аверьянова Н. Н., Тюменева Н. В., Якушева С. Е.</i> Конституционно-правовое содержание категории «достойная жизнь человека»	29
--	----

Частно-правовые (цивилистические) науки

(Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право)

<i>Фазлиева Л. К., Комлев Н. Ю.</i> Договор каршеринга в гражданско-правовом обороте: проблемы и направления развития законодательства	36
<i>Федосеев П. С.</i> К вопросу об обязательности назначения и проведения судебной экспертизы по гражданским делам, рассматриваемым в порядке искового производства	42

Уголовно-правовые науки

(Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; Уголовный процесс; Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-разыскная деятельность)

<i>Алафьев М. М.</i> Дифференциация уголовной ответственности за мелкое взяточничество	48
<i>Долгополов А. А., Белоконь А. В., Кустова Н. К.</i> О проблемах противодействия проявлениям экстремизма в Российской Федерации	56
<i>Кобец П. Н.</i> Истоки информационного противоборства, современное состояние и важность подготовки специалистов МВД России по его противодействию	62
<i>Уфимцев И. А.</i> К вопросу о назначении наказания за незаконную охоту	71
<i>Григорьев В. Н., Тарасов М. Ю.</i> Новое в процедуре объявления лица в международный розыск	78
<i>Гурдин С. В.</i> Уголовное судопроизводство как средство профилактики преступлений в сфере незаконной миграции	85
<i>Квасников Е. С.</i> Потерпевший в результате нарушения требований охраны труда (ст. 143 УК РФ): вопросы уголовно-правовой оценки	91
<i>Земскова А. В., Химичева О. В., Мотякова О. А.</i> Некоторые замечания о влиянии контроля суда на усмотрение следователя	96
<i>Игнатьева М. С.</i> Уведомление о подозрении в совершении преступления как форма приобретения лицом процессуального статуса подозреваемого	102
<i>Горбенко Т. В.</i> Проблема криминалистического взаимодействия при дистанционном проведении поисково-познавательных следственных действий	107
<i>Мосина С. В., Андроник Н. А.</i> Актуальные проблемы расследования жестокого обращения с животными на первоначальном этапе: теоретико-прикладной анализ	115
<i>Янин С. А.</i> Криминалистическое обеспечение расследования преступлений в отношении культурного наследия народов России	122

Общие вопросы языкознания. Лингводидактика. Юрислингвистика

<i>Байбурина Р. З.</i> Методика экспериментального исследования английской глагольной лексики	130
---	-----

<i>Науразбаева Л. В.</i> Использование видео на занятиях по русскому жестовому языку в учебном процессе	136
<i>Сенина И. В., Бережных Н. Ю., Новолодская Н. С.</i> Мотивированность, экспрессивность и стилистическая нейтральность термина (на основе терминологии диалектологии немецкого языка).....	141

Общая педагогика, история педагогики и образования.

Методология и технология профессионального образования

<i>Бородавко Л. Т., Чимаров С. Ю.</i> Анализ современных научных положений о концептуальных основах цифровой педагогики	148
<i>Гричанов А. С., Малетин С. В.</i> К вопросу о необходимости совершенствования технико-тактических действий и боевых приемов борьбы, используемых сотрудниками полиции в ситуациях, связанных с задержанием правонарушителя в водной среде	156
<i>Исхаков Э. Р.</i> Учет Рекомендаций Европейского Совета по реанимации 2021 года в преподавании дисциплины «Первая помощь» обучающимся образовательных организаций системы МВД России	163
<i>Кузнецова Л. В., Федяев Е. А.</i> Организационно-методические условия педагогической подготовки адъюнктов в системе высшего юридического образования	169
Памятка	179

CONTENTS

Theoretical and historical legal sciences

(Theory and history of law and the state; history of legal doctrines)

- Garipov R. F., Tukhvatullin R. R.* The U.S. constitutional amendments at 1st third of the XX century (1900–1933)..... 12
- Fomichev A. A.* On the essence and historical role of police in Russia 19

Public law (state law) sciences

(Constitutional law; municipal law; Administrative law; administrative process;

Judicial activities, prosecutorial activities, human rights and law enforcement activities)

- Averyanova N. N., Tyumeneva N. V., Yakusheva S. E.* Constitutional and legal content of the category “decent human life” 29

Private law (civil law) sciences

(Civil law; business law; family law; private international law)

- Fazlieva L. K., Komlev N. Yu.* Carsharing contract in civil law turnover: problems and directions of development of legislation 36
- Fedoseev P. S.* On the issue of the obligation to appoint and conduct a forensic examination in civil cases considered in the order of claim proceedings 42

Criminal law sciences

(Criminal law and criminology; penal law; Criminal process;

Criminalistics; forensic activities; investigative activities)

- Alafyev M. M.* Differentiation of criminal liability for petty bribery 48
- Dolgoplov A. A., Belokon A. V., Kustova N. K.* On the problems of countering manifestations of extremism in the Russian Federation 56
- Kobets P. N.* The origins of the information confrontation, the current state and the importance of training specialists of the Ministry of internal affairs of Russia to counter it 62
- Ufimtsev I. A.* On the issue of sentencing for illegal hunting 71
- Grigoryev V. N., Tarasov M. Yu.* New in the procedure of declaration of a person in the international wanted 78
- Gurdin S. V.* Criminal proceedings as a means of preventing crimes in the sphere of illegal migration 85
- Kvasnikov E. S.* The victim as a result of violation of labor protection requirements (article 143 of the Criminal Code of the Russian Federation): issues of criminal law assessment 91
- Zemskova A. V., Khimicheva O. V., Motyakova O. A.* Some remarks on the impact of court control on the discretion of the investigator 96
- Ignatieva M. S.* Notification of suspicion of committing a crime as a form of acquisition by a person of the procedural status of a suspect 102
- Gorbenko T. V.* The problem of forensic interaction in the remote conduct of search and cognitive investigative actions 107
- Mosina S. V., Andronik N. A.* Actual problems of the investigation of cruelty to animals at the initial stage: theoretical and applied analysis 115
- Yanin S. A.* Criminalistic support for the investigation of crimes in regard to the cultural heritage of the peoples of Russia 122

General questions of linguistics. Linguodidactics. Legal linguistics

- Bajburina R. Z.* Methods of experimental research of english verbal vocabulary 130
- Naurazbaeva L. V.* The use of videos on the Russian sign language in the teaching and learning process 136

Senina I. V., Berezhenykh N. J., Novolodskaya N. S. Motivation, expressiveness and stylistic neutrality of the term (based on the terminology of the German dialectology)..... 141

General pedagogy, history of pedagogy and education.

Methodology and technology of vocational education

Borodavko L. T., Chimarov S. Yu. Analysis of modern scientific provisions on the conceptual foundations of digital pedagogy..... 148

Grihanov A. S., Maletin S. V. On the need to improve the tactical and combat techniques used by police officers in situations involving the detention of an offender in the aquatic environment..... 156

Iskhakov E. R. European resuscitation council guidelines for resuscitation 2021 in teaching «First aid» in education organizations of the MIA of Russia..... 163

Kuznetsova L. V., Fedyaev E. A. Organizational and methodological conditions of pedagogical training of adjuncts in the system of higher legal education..... 169

Instruction 179

Научная статья
УДК 342.4(73)"1900/1933"

ПОПРАВКИ К КОНСТИТУЦИИ США 1-Й ТРЕТИ XX В. (1900–1933 ГГ.)

Рустэм Фаритович Гарипов¹, Рустэм Расфарович Тухватуллин²

¹ Уфимский государственный нефтяной технический университет,
Уфа, Россия, gar.rustem@mail.ru

² Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, rtuhvatullin21@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются поправки к Конституции США в период от принятия Билля о правах 1791 г. до первой трети XX в. Анализируются определенные циклы в конституционных нововведениях США. Сделан акцент на попытках принятия новых поправок начала 1920-х гг. и предложениях о запрете всяких новых поправок в будущем. Освещаются также поправки к Конституции периода «Нового курса» Ф. Д. Рузвельта.

Ключевые слова: Конституция США, конституционные поправки, «Прогрессивная эра», «сухой закон», женское избирательное право, детский труд

Для цитирования: Гарипов Р. Ф., Тухватуллин Р. Р. Поправки к конституции США 1-й трети XX в. (1900–1933 гг.) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 12–18.

Original article

**THE U.S. CONSTITUTIONAL AMENDMENTS AT 1ST THIRD
OF THE XX CENTURY (1900–1933)**

Rustem F. Garipov¹, Rustem R. Tukhvatullin²

¹ Ufa State Petroleum Technical University, Ufa, Russia, gar.rustem@mail.ru

² Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, rtuhvatullin21@mail.ru

Abstract. The article discusses amendments to the U.S. Constitution in the period from the adoption of the Bill of Rights of 1791 to the first third of the XX century. Certain cycles in the constitutional innovations of the USA are analyzed. Emphasis is placed on attempts to adopt new amendments in the early 1920s and proposals to ban any new amendments in the future. The amendments to the Constitution of the period of the “New Deal” by F. D. Roosevelt are highlighted.

Keywords: Constitution of the USA, constitutional amendments, Progressive era, prohibition, women suffrage, child labor

For citation: Garipov R. F., Tukhvatullin R. R. The U.S. constitutional amendments at 1st third of the XX century (1900–1933) // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 3 (97). P. 12–18.

В свете произошедших недавно в нашей стране конституционных изменений весьма актуальным представляется изучение аналогичных процессов в других странах мира. Тем более интересен опыт крупнейшей страны западного мира – США, имеющей к тому же самый длительный в мире «стаж» писаной конституции.

Как известно, Конституция США 1787 г. является «жесткой». Назревшие изменения в ней производятся путем принятия дополнительных статей. Официально они называются «дополняющие статьи и поправки к Конституции США, предложенные Конгрессом и ратифицированные Законодательными собраниями различных

штатов, в соответствии с V статьей Конституции» [1, с. 72].

Согласно указанной статье V с инициативой принятия поправки выступают обе палаты Конгресса США (большинством в 2/3 голосов в каждой палате) либо Законодательные собрания 2/3 различных штатов. Затем после одобрения Конгресса таким же большинством в 2/3 голосов в каждой палате необходима ратификация Законодательными собраниями 3/4 различных штатов или Конвентами в них. В обязательном голосовании штатов по конституционным поправкам проявляются принципы федерализма.

В принятии поправок прослеживаются определенные политические циклы. Первый цикл поправок (с I по X), или так называемый Билль о правах, был одобрен в 1791 г., вскоре после принятия Конституции. В продолжение Билля затем была принята XI поправка (1795 г.). Она установила судебный иммунитет штатов. Согласно ей, иски, поданные против какого-либо штата, должны рассматриваться не федеральным судом, а судом этого штата [1, с. 75]. XII поправка (1804 г.) изменила процедуру голосования выборщиков на президентских выборах.

Так называемый «второй цикл поправок» к Конституции стал результатом Гражданской войны 1861–1865 гг. и Реконструкции Юга. XIII поправка (1865 г.) отменяла рабство в США. Прокламация об освобождении рабов (1862 г.) получала теперь конституционное оформление. Новая поправка закрепляла важнейший результат гражданской войны.

XIV поправка (1868 г.) была довольно объемной. Она предоставляла права гражданства США и штата проживания всем родившимся в США или натурализованным жителям. Это означало признание гражданских прав за бывшими рабами-афроамериканцами. Штаты не могли ограничивать свободы граждан США. Без законного судебного разбирательства нельзя было лишать кого-либо жизни, свободы или собственности. Гражданам была гарантирована равная защита законов. Каждому штату были предоставлены места в палате представителей

Конгресса США пропорционально их населению. Но эти места сокращались при дискриминации какой-либо группы граждан в данном штате. К избирателям не относились индейцы, не платившие налогов, женщины, лица младше 21 года, мятежники [1, с. 82–83]. Впервые четко было закреплено избирательное право только для мужчин, хотя уже 20 лет как действовало суфражистское движение, требовавшее избирательных прав для женщин. Наследием только что завершившейся гражданской войны стал запрет занимать гражданские или военные должности для участников мятежа против США, а также возмещать им убытки при освобождении рабов.

XV поправка (1870 г.) запрещала лишать граждан права на участие в выборах «под предлогом расы, цвета кожи или прежнего рабского состояния» [1, с. 84]. Это означало предоставление избирательных прав афроамериканцам. Таким образом, избирательная система США подверглась глубокой демократизации.

Однако мощный демократический импульс этих поправок вскоре фактически иссяк. После компромисса 1877 г. бывшие мятежники-южане были восстановлены в гражданских и избирательных правах, прекратилась оккупация южных штатов федеральными войсками. Там стали принимать так называемые «черные кодексы», ограничивавшие права афроамериканцев. Под предлогом цензов имущества, грамотности, так называемых «дедушкиных поправок» освобожденные рабы, неграмотные, не имеющие необходимого недвижимого имущества, не допускались к выборам по формальным причинам. Широко развернулась террористическая деятельность Ку-клукс-клана и других подобных организаций. В южных штатах открыто процветали расизм и беззаконие, чему содействовали федеральные власти.

Несмотря на прямое и недвусмысленное требование XV поправки, законодательные собрания различных штатов, а затем Верховный суд США одобрили доктрину «равных, но отдельных прав». В 1882 г. высшая

судебная инстанция страны признала законными запреты южных штатов на межрасовые браки. В 1883 г. Верховный суд, фактически являющийся и Конституционным судом США, объявил федеральный закон о гражданских правах 1875 г. неконституционным. Он заявил, что XIV поправка охраняла гражданские права от посягательств государственных властей, но не частных лиц. Поэтому расовая сегрегация в частных ресторанах, больницах, на железных дорогах признавалась допустимой и не противоречила конституционной поправке. В 1896 г. Верховный суд признал закон штата Луизиана о раздельном проезде черных и белых граждан в общественном транспорте не противоречащим Конституции США и XIV поправке, так как такая сегрегация не отрицает равенства в условиях обслуживания [2, с. 55].

В результате этих решений появились различные сегрегационные законы и ограничения прав афроамериканцев (разные школы, вагоны, места в автобусах, парках и т. д. с надписями «Только для белых» и т. п.). Многие американские юристы справедливо говорили: «Конституция США – это то, что скажет о ней Верховный суд США». Только в 1954 г. Верховный суд США под председательством Э. Уоррена отменил доктрину «равных, но раздельных прав» как противоречащую Конституции США.

Далее наступил более чем 40-летний период затишья в конституционном законодательстве, чему способствовала изменившаяся социально-экономическая обстановка. Последняя четверть XIX в. стала временем стремительного экономического роста США, мощного притока иммигрантов из Южной и Восточной Европы, образования трестов. В это время государство открыто служило монополиям и защищало, прежде всего, их интересы в ущерб всему обществу. Бесконтрольное господство крупного капитала в экономике и политике, обусловившее высокую коррупцию государственного аппарата, вызывало глубокое недовольство большинства американцев. Ответом на настойчивые требования общества стали важ-

ные демократические реформы многих государственных институтов США в период «Прогрессивной эры» (начало XX в.).

Широкие народные массы в это время требовали ввести подоходный налог, который должен был затронуть, прежде всего, богатых граждан. За него уже давно выступали различные демократические организации фермеров, рабочих, прогрессивной интеллигенции, а вслед за ними Демократическая и Прогрессивистская партия.

XVI поправка к Конституции США, одобренная Конгрессом в 1909 г. и ратифицированная штатами к февралю 1913 г., закрепила право Конгресса США на взимание подоходного налога. Фактически эта норма стала уточнением ст. I (разд. 8, п. 1), которая давала Конгрессу право на взимание налогов, пошлин, податей и акцизных сборов. В октябре 1913 г. Конгресс по новому тарифному закону Андервуда установил ставку налога в 6 % на доход свыше 500 тыс. долл. в год [3, с. 116].

В целом же подоходный налог с самого начала стал важнейшим источником доходов федеральной казны. Так, в 1989 г. на долю подоходного налога приходилось 34,4 % всех налоговых поступлений в США или 10 % от валового национального продукта [4, с. 23]. Он исчисляется по прогрессивной шкале и играет большую роль в более справедливом перераспределении национального богатства. Данный налог (вместе с другими) позволяет финансировать резко возросшую в XX в. деятельность федерального правительства.

В том же 1913 г. была ратифицирована давно назревшая XVII поправка, одобренная обеими палатами Конгресса в 1911–1912 гг. Она вводила прямые выборы в Сенат США. Теперь уже не законодательные собрания штатов, а сам народ избирал по два сенатора от штата, представлявших его интересы [1, с. 207]. Не партийные боссы и не аппарат партийных организаций штатов, контролировавшие местные законодательные собрания, а сами избиратели влияли на принятие политических решений через выбранных ими представителей не только в нижней па-

палате Конгресса, но и в верхней палате. Поэтому они начинали активнее участвовать в выборах. Это был следующий значительный шаг по демократизации избирательной системы США, расширивший права граждан. За данный закон уже давно выступали все прогрессивные силы страны.

Политика уступок требованиям широких народных масс в это время сочеталась с усилением борьбы с рабочим и социалистическим движением. Усилилась официальная пропаганда «американизма» (т. е. традиционного американского образа жизни), индивидуализма, религиозно-морального фундаментализма, изоляционизма, ненависти к социализму, неприязни к иммигрантам как носителям чуждых ценностей. В такой атмосфере в США в начале XX в. стали набирать мощную силу крайне консервативные настроения, выразившиеся, в частности, в стремлении запретить употребление спиртных напитков (как противоречащих религиозным нормам).

Дело в том, что в XIX – начале XX вв. проблема пьянства стала общенациональным бедствием, так что американцев даже стали называть в печати «нацией алкоголиков». Еще в 1810 г. среднестатистическое потребление спиртного (включая женщин и младенцев) составляло 5 галлонов в год (около 19 литров) [5]. К началу XX в. проблема усугубилась многократно. Еще в 1826 г. возникло Американское общество трезвости, в 1869 г. – Национальная партия сухого закона, а в 1893 г. – Антисалунная лига. При поддержке различных христианских обществ, женских организаций, многих фермеров и части предпринимателей они начали борьбу против спиртных напитков. Причины участия различных сил в этом движении трезвости (Prohibition) были разными. Так, владельцы предприятий нуждались в трезвых рабочих для увеличения производительности труда. Фермеры и экспортеры продовольствия увидели возможность увеличения экспорта зерна, являвшегося сырьем для производства алкогольных напитков, в нуждавшуюся Европу в связи с Первой мировой войной. К тому же в условиях войны

«сухой закон» выглядел и патриотическим, «подлинно американским», антигерманским мероприятием, т. к. производство и продажа спиртного в основном находились в руках выходцев из Германии. Христианские протестантские и женские организации боролись с пьянством под лозунгами защиты семьи и нравственности. Даже обе главные партии разделились на «сухих» и «мокрых» (сторонников и противников запрета).

В атмосфере войны они быстро добились больших успехов. Еще в 1881 г. штат Канзас первым запретил спиртные напитки. К 1914 г. 1/4 штатов, а к 1917 г. – уже 3/4 штатов запретили у себя производство и продажу алкоголя [6]. К декабрю 1917 г. обе палаты Конгресса США значительным большинством голосов приняли «сухой закон» в качестве XVIII поправки к Конституции. Она гласила: «В США запрещается производство, продажа, перевозка, а также ввоз опьяняющих напитков для потребления» [1, с. 298]. Вето президента В. Вильсона было быстро преодолено, что говорит об особой актуальности закона. В дополнение к поправке в январе 1920 г. вступил в силу закон Волстеда, установивший, что опьяняющими напитками (intoxicating liquors) считаются те, которые содержат более 0,5 объемных процента алкоголя (в том числе пиво). К январю 1919 г. поправка была ратифицирована 3/4 штатов (36 из 48), а через год она вступила в законную силу. Чаще всего она стала называться законом Волстеда, что в целом некорректно.

Хорошо известны результаты данной поправки. Значительно снизилась смертность, травматизм, бытовая преступность, укрепились семьи, здоровье, нравственность, стали расти сбережения населения. Однако при этом буйно процветали нелегальное производство и контрабанда спиртного (бутлегерство), безмерно обогатившие мафию, широкая коррупция чиновников и полиции, наркомания, массовый правовой нигилизм, сложилась организованная преступность, резко снизилась поступления налогов.

Последней по счету конституционной поправкой времен затухающей «Прогрес-

сивной эры» стала не менее известная, чем «сухой закон», XIX поправка. Она гласила: «Право граждан США на участие в выборах не должно отрицаться или ограничиваться в связи с их полом» [1, с. 298]. Более чем 70-летняя борьба американских феминисток за свои права, наконец, увенчалась успехом в 1920 г. Несмотря на растущую занятость женщин в экономике страны, особенно во время Первой мировой войны, их финансовую самостоятельность, практически половина населения страны по-прежнему не могла участвовать в федеральных выборах. На местном уровне первыми предоставили избирательные права женщинам законодатели штатов Вайоминг (1869 г.), затем Колорадо (1893 г.), Айдахо и Юта (1896 г.). К 1919 г. 21 штат (почти половина штатов) признал политическое равноправие женщин и мужчин. В федеральном же Конгрессе после 14 неудачных попыток принять поправку она была одобрена в июне 1919 г. В августе 1920 г. было получено согласие 36 штатов на ее вступление в силу.

Правда, вскоре выяснилось, что XIX поправка мало что дала женщинам. Их политическое, да и экономическое равноправие во многом было формальным. Чаще всего женщины были политически пассивны и голосовали по примеру своих мужей или отцов. Они были лишены многих гражданских и имущественных прав. Поэтому уже в феврале 1921 г. радикальные феминистки решили бороться за принятие следующей, XX поправки. Она должна была гласить: «Мужчины и женщины будут иметь равные права на всей территории США» [7, с. 116]. Однако рассмотрение этого конституционного закона в Конгрессе было заблокировано другими, более умеренными женскими организациями.

Вновь в законодательную повестку поправка о равных правах мужчин и женщин (под номером XXVII) вернулась только к началу 1970-х гг. и даже была принята Конгрессом США, но не получила квалифицированного большинства в штатах и в итоге была отвергнута.

Любопытно далее выяснить содержание других законов, претендующих на роль

XX поправки к Конституции США. К началу XX в. одной из привлекающих внимание проблем общественной жизни было широкое использование детского труда в промышленности в тяжелых условиях без всякой охраны труда. Так, в 1910 г., по официальным (и очень неполным) данным, работало около 2 млн. детей младше 16 лет [8, с. 337]. Начиная с 1909 г., отдельные штаты начали запрещать труд детей, не достигших 12 лет (а кое-где и 14). Однако вскоре крупные корпорации стали вынуждать местных законодателей отказаться от этих законов. Проблема требовала решения на федеральном уровне. Под давлением прогрессистов и женских организаций Конгресс в 1916 г., а затем в 1918 г. принимал законы о запрете труда детей до 14 лет, а президент В. Вильсон подписывал их. Однако Верховный суд США дважды за 4 года (в 1918 и 1922 гг.) отменял эти законы как неконституционные.

После таких провалов прогрессисты решили добиться принятия конституционной поправки. В 1924 г. обе палаты Конгресса приняли XX поправку. Она гласила: «Конгресс будет иметь полномочия ограничивать, регулировать и запрещать труд детей, не достигших 18-летнего возраста» [9, с. 7166]. Однако, несмотря на одобрение президента К. Кулиджа, 22 штата провалили ратификацию поправки. Значительная часть граждан усмотрела в ней вторжение государства в семью, в родительскую власть над детьми. Как известно, американцы всегда были крайне чувствительны к вмешательству в свою частную жизнь. А ведь еще недавно были приняты XVIII и XIX поправки, установившие «сухой закон» и избирательные права для женщин. Один из конгрессменов ясно выразил недовольство консервативных избирателей: «Они забрали у нас наших женщин с помощью конституционной поправки, они забрали наши спиртные напитки, теперь они хотят забрать у нас наших детей» [10, с. 171].

Консервативные силы вообще относились крайне негативно к любым конституционным изменениям, нарушавшим, по их словам, права штатов и резко усиливавшим

роль федерального правительства. После нескольких неудачных попыток провалить ратификацию XIX поправки сенатор Дж. Уодсуорт (Нью-Йорк) и конгрессмен Ф. Гарретт (Теннесси) в апреле 1921 г. предложили свой вариант XX поправки, которая вообще запрещала принятие всяких поправок к Конституции в будущем [11, с. 241]. Многие конгрессмены готовы были голосовать за их предложение. Однако прогрессисты в обеих главных партиях, либеральная пресса, профсоюзы не допустили его рассмотрения.

XX поправка была принята уже на новом этапе конституционных изменений. Во время «Великой депрессии» в марте 1932 г. Конгресс одобрил сокращение сроков вступления Президента и членов Конгресса в должность. Теперь вновь избранный президент начинал осуществление своих полномочий 20 января (а не в марте, как раньше), а сенаторы и члены палаты представителей – 3 января. Также был определен порядок замещения должности Президента Вице-президентом или другим лицом, избранным Конгрессом [1, с. 298–299]. Ратификация поправки была закончена в январе 1933 г.

Наконец, следует вернуться к «сухому закону», оформленному как XVIII поправка и являвшемуся неотъемлемой частью Конституции. Несмотря на высшую юридическую силу этой нормы, она нарушалась повсеместно и в массовом порядке. Уже в 1920-е гг. становилось все более очевидным, что ее несоблюдение можно устранить только отменой этого неэффективного за-

кона. Но сложный механизм самой ратификации конституционной поправки не давал возможности просто ее отменить. Поэтому еще в самом начале «Нового курса» президент-реформатор Ф. Д. Рузвельт решил пойти на популярные в народе и не обременительные для бюджета, а даже, наоборот, прибыльные шаги. Был применен необычный, но юридически грамотный механизм отмены конституционной поправки через последующую, отменяющую действие предыдущей. По предложению Ф. Д. Рузвельта Конгресс США принял XXI поправку, гласившую, что «XVIII поправка к Конституции США настоящим отменяется» [1, с. 299]. Уже к декабрю 1933 г. специально созданные конвенты, а не законодательные собрания в 36 из 48 штатов быстро одобрили новую поправку. XVIII и XXI поправки взаимно утратили силу, но порядковые номера за ними сохранились.

Следующий этап конституционных изменений наступил уже после Второй мировой войны, в 1947 г., когда XXII поправка запретила одному лицу избираться президентом более двух раз.

Таким образом, конституционная история США подтверждает, что изменения в Конституции происходят обычно в периоды крупных социально-политических реформ. Правда, иногда эти новации бывали непродуманными. Верно и обратное утверждение: консервативный внутривластный курс чаще всего не влечет конституционных изменений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. Т. 2 / под ред. К. И. Батыра и Е. В. Поликарповой. М. : Юрист, 1996.
2. История США : в 4-х т. Т. 2 / под ред. Г. Н. Севостьянова. М. : Наука, 1985.
3. Link A. S., Catton W. B. American Epoch. Vol. I. N. Y., 1974.
4. Все начиналось с десятины : пер. с нем. / под общ. ред. Б. Е. Ланина. М. : Прогресс, 1992.
5. Руденко Д. «Сухой закон» в США. URL: <https://web.archive.org/web/20130601143808/http://www.terra-america.ru/suhoi-zakon-v-usa.aspx> (дата обращения: 07.05.2022).
6. «Сухой закон» в США. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 06.05.2022).
7. Sochen J. Movers and shakers. American women activists and thinkers. 1900–1970. N. Y. : Quadrangle – New York Times Book Co., 1973.
8. Statistical Abstract of the United States. 1922–1925. Wash. : Gov. print. off., 1926.

9. U. S. Congress. Congressional Record. Proceedings and Debates. Vol. 65. Wash. : Gov. print. off., 1924.
10. Trattner W. I. Crusade for the children. A history of the National Child Labor Committee and child labor reform in America. Chicago: Quadrangle Books, 1970.
11. Lemons J. S. The woman citizen. Social feminism in the 1920s. Urbana : Univ. of Illinois press, 1973.

REFERENCES

1. Reader on the general history of state and law. Vol. 2 / ed. K. I. Batyr and E. V. Polikarpova. M. : Lawyer, 1996. (In Russ.)
2. History of the USA : in 4 volumes. T. 2. / ed. G. N. Sevostyanova. M. : Nauka, 1985. (In Russ.)
3. Link A. S., Catton W. B. American Epoch. Vol. I. N. Y., 1974.
4. It all started with tithing: Per. with him. / under total ed. B. E. Lanina. M. : Progress, 1992. (In Russ.)
5. Rudenko D. “Dry Law” in the USA. URL: <https://web.archive.org/web/20130601143808/http://www.terra-america.ru/suhoi-zakon-v-usa.aspx> (date of access: 07.05.2022). (In Russ.)
6. Prohibition in the USA. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (date of access: 06.05.2022). (In Russ.)
7. Sochen J. Movers and shakers. American women activists and thinkers. 1900–1970. N. Y. : Quadrangle – New York Times Book Co., 1973.
8. Statistical Abstract of the United States. 1922–1925. Wash. : Gov. print. off., 1926.
9. U. S. Congress. Congressional Record. Proceedings and Debates. Vol. 65. Wash. : Gov. print. off., 1924.
10. Trattner W. I. Crusade for the children. A history of the National Child Labor Committee and child labor reform in America. Chicago : Quadrangle Books, 1970.
11. Lemons J. S. The woman citizen. Social feminism in the 1920s. Urbana : Univ. of Illinois press, 1973.

Информация об авторах:

Гарипов Р. Ф., кандидат исторических наук, доцент;
Тухватуллин Р. Р., кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors:

Garipov R. F., Candidate of History, Associate Professor;
Tukhvatullin R. R., Candidate of History, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.02.2022; одобрена после рецензирования 15.07.2022; принята к публикации 23.09.2022.

The article was submitted 20.02.2022; approved after reviewing 15.07.2022; accepted for publication 23.09.2022.

Научная статья
УДК 351.74/(470)(091)

О СУЩНОСТИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ РОЛИ ПОЛИЦИИ В РОССИИ

Андрей Андреевич Фомичев

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
Орел, Россия, andry2453@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена полиции, ее сущности и исторической роли. Анализируется понятие и содержание полиции. Рассматриваются ее институциональные формы, существовавшие в российском государстве. Выявляется их влияние на общество, государство, социально-политическую обстановку в различных периодах истории России. Определяются основные закономерности функционирования и развития полиции, ее историческая роль и значимость для личности, общества и государства.

Ключевые слова: полиция, полицейские образования, институциональные формы полиции, полицейская деятельность, сущность полиции, история полиции, роль полиции, значение полиции

Для цитирования: Фомичев А. А. О сущности и исторической роли полиции в России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 19–28.

Original article

ON THE ESSENCE AND HISTORICAL ROLE OF POLICE IN RUSSIA

Andrey A. Fomichev

Orel Law Institute Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov,
Orel, Russia, andry2453@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the police, its essence and historical role. The concept and content of the police are analyzed. Its institutional forms that existed in the Russian state are considered. Their influence on society, the state, the socio-political situation in various periods of the history of Russia is revealed. The basic laws of the functioning and development of the police, its historical role and significance for the individual, society and the state are determined.

Keywords: police, police formations, institutional forms of police, police activity, the essence of the police, the history of the police, the role of the police, the meaning of the police

For citation: Fomichev A. A. On the essence and historical role of police in Russia // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 3 (97). P. 19–28.

В условиях стремительно изменяющейся социально-политической обстановки, реформирования и модернизации государственной системы, решения конституционно заданных целей актуальным продолжает оставаться вопрос о сущности, месте, роли и характеристиках полиции в структуре государства.

Являясь многосторонним социоюридическим и институционально-историческим феноменом, полиция представляет иссле-

довательский интерес не только сама по себе, но и в силу объективных условий социальной практики. Президент Российской Федерации В. В. Путин на расширенном заседании коллегии МВД России отметил, что в целом поставленные задачи успешно решаются полицией, однако российские граждане ждут большей эффективности и потому необходимо в полной мере использовать имеющийся потенциал, выйти на новый уровень борьбы с криминальной угро-

зой, обеспечения безопасности личности и надежной защиты ее прав и свобод [1].

Исследование сущности и исторической роли полицейских образований покажет неотъемлемые, наиболее важные свойства полиции, ее вклад и индивидуальную значимость на каждом из этапов развития отечественного государства, позволит сделать вывод о закономерностях между ее функционированием и преодолением общественно-политических проблем.

Исследование термина «полиция» показывает необходимость его рассмотрения в широком и узком смыслах:

1. В широком смысле полиция представляет собой учение о государственном управлении, связанном с достижением максимального блага для наибольшего количества граждан. Сюда же входит практическое воплощение данного учения в деятельности государства, его организации и правовой системе, позволяющих рассматривать полицию в качестве системы однородных правовых актов, государственных органов и практики их функционирования.

2. Полиция в узком смысле есть государственный орган, противодействующий преступности, охраняющий общественный порядок и обеспечивающий общественную безопасность.

Формирование и становление полицейской теории (полицистики), то есть полиции в широком смысле, принято относить к XVIII в. Ее основоположниками стали И. Г. Г. фон Юсти, Н. Де-ла-Мар, Й. фон Зонненфельс, Х. фон Вольф [2, с. 37–38]. Полиция включала в себя всю деятельность по управлению обществом и государством с помощью культурной, экономической и социальной политики. Широкое толкование полиции как совокупности государственных учреждений и действий, осуществляемых с помощью государственной силы и направленных на устранение внешних препятствий, мешающих всестороннему развитию общества, поддерживалось всеми ведущими исследователями XVIII в. [3, с. 102].

Полицистика состояла из двух основных блоков: полиции благосостояния и

полиции безопасности [4, с. 113]. Отсюда вытекала положительная и отрицательная деятельность государства, воздействовавшая на внешние условия человеческой жизни. Первая предполагала развитие образования, культуры, науки; вторая – установление и обеспечение запретов и ограничений [5, с. 12].

Вместе с развитием теории правового государства в общественно-политической мысли значение термина «полиция» планомерно сужалось. В процессе бурной полемики ее содержание, с одной стороны, ограничивалось охраной общественного порядка и безопасности, а с другой стороны, ассоциировалось с укреплением правовых начал государственности. При этом существенным признаком полиции признавалась принудительная деятельность, осуществляемая от имени государства. Забота о благосостоянии, чуждая принуждению, постепенно была исключена из полицейской сферы [3, с. 103].

Расширение свободы индивидов, активизация общественных союзов и объединений, популяризация новых взглядов и принципов государственного управления обусловили трансформацию восприятия полиции, понимание которой сводилось к одному из органов аппарата принуждения [6, с. 106]. Так возникло ее современное толкование, связанное со специфической государственной деятельностью по поддержанию общественного порядка [3, с. 103].

Полиция в узком смысле обычно рассматривается через институциональный план, позволяющий охарактеризовать ее как государственный орган [7, с. 15], исполнительно-распорядительный орган государственной власти [8, с. 5–6], ведомство, государственную структуру [3, с. 104, 106], систему государственных органов [5, с. 10], подразделение органа исполнительной власти [9, с. 8]. Наиболее рациональным в данном случае представляется признание полиции государственным институтом [10, с. 34], охватывающим содержание вышеприведенных характеристик и устраняющим существующие между ними противоречия.

Являясь институтом государства, полиция функционирует для реализации поставленных целей и решения возложенных на нее задач. Отсюда вытекают два основных, имманентно присущих ей аспекта – целевой и функциональный. К целевому аспекту полиции относят противодействие преступности, обеспечение общественного порядка и общественной безопасности [3, с. 102–106; 5, с. 10; 7, с. 15; 9, с. 8]. Дополнительно сюда также включают защиту государственного строя [5, с. 10], охрану и поддержание правопорядка [3, с. 104–106; 8, с. 5–6], защиту жизни, здоровья и собственности человека [3, с. 102–106; 9, с. 8]. Функциональный аспект полиции составляют власть и принуждение, то есть возможность осуществления легитимного насилия от имени государства в процессе властно-распорядительной деятельности [3, с. 102–103; 7, с. 15; 9, с. 8].

Так, полиция в узком смысле представляет собой государственный институт, обеспечивающий общественный порядок и общественную безопасность, противодействующий преступности, охраняющий жизнь, здоровье и собственность человека на основе легитимного насилия, осуществляемого от имени государства в процессе властно-распорядительной деятельности.

Государственный орган, официально названный полицией, в российском государстве появился лишь в XVIII в., однако и до этого момента в России существовали государственные институты, которые, несмотря на другое название, осуществляли полицейскую деятельность и выполняли полицейскую функцию. В рамках настоящей статьи данные институты предлагается охватить и именовать термином «полицейские образования». Это позволит, с одной стороны, избежать смысловых противоречий, а с другой стороны – проследить смену, эволюцию и индивидуальный вклад различных институциональных форм полиции в историческое развитие Российского государства.

Исследователи истории отечественной полиции признают доказанным факт одновременного возникновения государства и полиции в ее различных институциональ-

ных формах. Р. С. Мулукаев по данному поводу отмечает: «Функция государства по обеспечению внутренней упорядоченности общественной жизни возникает вместе с рождением государства и становится важнейшим ее предназначением» [11, с. 37]. С. П. Матвеев подчеркивает неразрывную связь между, с одной стороны, генезисом полиции, а с другой стороны – формированием и становлением государственности [6, с. 99]. Относительно российской государственности Н. С. Нижник и Е. С. Гугасари также указывают, что ее зарождение непосредственно связано с полицейской деятельностью и формами ее реализации [5, с. 10]. Следовательно, именно с момента образования отечественного государства следует вести отсчет истории российской полиции.

Выявляя историческую роль полиции, ее влияние на общество и государство, необходимо поставить вопрос о том, почему она возникает одновременно с образованием государства, чем обусловлена данная закономерность? Р. С. Мулукаев обосновывает указанную закономерность появлением преступности, которая рождается вместе с государством и угрожает установленному им порядку. Создание специального аппарата, противодействующего преступности, становится объективной реакцией государства на возникшую угрозу [11, с. 37]. Отсюда следует, что, устраняя опасности, связанные с преступностью, полиция выполняет обеспечивающую роль, создает условия для образования государства. С другой стороны, государство образуется под воздействием множества факторов и немаловажную роль среди них играет потребность общества в порядке и безопасности. Принимая во внимание, что удовлетворение этой потребности происходит вследствие реализации полицейской деятельности, вполне логичен вывод о государствообразующей роли и значении последней. Иными словами, осуществление полицейской деятельности является не только одним из важнейших условий образования государства, но и ядром, составляющим основу государственного функционирования.

Следует подчеркнуть, что на этапе своего формирования государственный аппарат не имеет четкой структуризации. Его органы синкретичны, специализированные полицейские образования отсутствуют, но, несмотря на это, большинство государственных элементов осуществляют полицейскую деятельность [5, с. 10–11; 12, с. 73–74], что свидетельствует о ее фундаментальной природе по отношению к государству.

Так, на этапе возникновения Древнерусского государства полицейскую деятельность осуществляла княжеская дружина [12, с. 74], а также представители князя на местах – посадники и волостители [13, с. 10]. Преследование преступников ими возлагалось на общины; поимку и преследование воров, пресечение преступлений, применение принудительных мер к виновным, оказание помощи частному лицу в наказании обидчика, тайный розыск преступников они осуществляли самостоятельно [15, с. 13]. Составляя властный аппарат, представители княжеской власти обладали организованной силой, которая позволяла на определенной территории противодействовать хаосу, угрозам и опасностям и тем самым обеспечивать порядок и безопасность общества.

Благодаря полицейской деятельности, с одной стороны, устраняющей негативные факторы в виде преступности и беспорядка, а с другой стороны – упорядочивающей общественные отношения и внедряющей вырабатываемые нормы права, происходило дальнейшее становление российского государства. Княжеская власть при этом была гарантом правопорядка [15, с. 14].

По мере развития общества развивался и государственный аппарат. Княжеская власть, проникая в общинное управление и замещая выборные должности подконтрольными должностными лицами, все более укреплялась и расширялась создавая хорошо организованный аппарат [15, с. 13]. Полицейская функция частично возлагалась на должностных лиц княжеской администрации – мечников и вирников [14, с. 6], а в больших городах на тысяцких, предотвращавших серьезные преступления и бунты [15, с. 12].

В период феодальной раздробленности существенных изменений в осуществлении полицейской функции не происходило (XII–XIV вв.). Ее роль значительно возросла вместе со вступлением российского государства в новую фазу развития – централизацию государственной власти. Образование Русского централизованного государства (XIV–XVI вв.) требовало усиления полицейской деятельности. Расширение территории, подконтрольной централизованной власти, не только обуславливало, но и стало возможным благодаря укреплению полицейских образований на местах. Осуществляемая ими деятельность по охране порядка и борьбе с преступностью внедряла и поддерживала новый правопорядок, продиктованный централизованной властью. Тем самым полицейские образования создавали необходимые условия для формирования и функционирования государства нового типа.

Институциональным выражением полиции, помимо существовавших ранее должностных лиц, стали «объезжие головы», следившие за порядком в Москве [13, с. 10]; «особые обыщики», которых присылали из столицы в случае роста преступности в какой-либо местности; «губные избы», учреждаемые на местах для розыска воров, разбойников и осуществления иных судебно-полицейских функций [14, с. 7].

Осознавая серьезность исходившей от преступности угрозы порядку и безопасности общества, государственной властью создавались полицейские органы, призванные устранять возникавшие опасности. К ним относились Разбойный приказ (Сыскной приказ, Приказ сыскных дел), выступавший в качестве центрального полицейско-судебного органа, который рассматривал разбойные и воровские дела на территории всего государства, кроме Москвы; Земский приказ – занимался охраной порядка и розыском преступников в Москве и Московском уезде; Стрелецкий приказ – направлял своих должностных лиц (стрельцов) на розыск и задержание воров, грабителей и разбойников [14, с. 8]. Основным звеном местного управления, в компетенцию которого входило

ла полицейская функция, выступал воевода [15, с. 22–23]. Он принимал необходимые меры на подконтрольной территории для охраны общественного порядка, розыска и задержания разбойников, воров, осуществления иной полицейской деятельности [12, с. 75].

В XVIII в. со вступлением государства в новую фазу развития – эпоху абсолютизма, полицейская деятельность обрела новую форму, соответствующую тенденциям времени, общественным и государственным потребностям. Ее институциональным носителем стал регулярный государственный орган – полиция.

Укрепление государственной власти было обусловлено целым рядом внешних и внутренних факторов, среди которых наиболее заметное действие оказывали классовые противоречия внутри общества и военная угроза со стороны соседних государств. Преодоление данных вызовов требовало прочной опоры как для самой власти, так и для реализации ее решений. Такой опорой стала полиция [13, с. 10; 14, с. 16; 15, с. 29]. Ее учреждение в качестве специализированного государственного органа по осуществлению полицейской функции повлекло за собой качественные изменения в государственном аппарате. С одной стороны, сама полицейская деятельность стала более упорядоченной, организованной и эффективной [15, с. 29], с другой стороны – это послужило основой модернизации российского государства.

В создании абсолютной монархии полиции отводилась ключевая роль [15, с. 29]. Помимо самой полицейской функции, на нее возлагалось осуществление культурно-воспитательной и административно-хозяйственной деятельности. Ее обязанности сводились к охране общественного порядка и борьбе с преступностью; обеспечению пожарной безопасности; надзору за санитарией и благоустройством, а в целом – к обеспечению порядка и процветанию городов [13, с. 13; 14, с. 17].

В следующей стадии государственного развития, получившей название «про-

свещенного абсолютизма», полицейская деятельность и ее институциональный носитель снова обрели новое оформление и первостепенную значимость в вопросах преобразования общества и государства. Реализация поставленных Екатериной II задач по просвещению и воспитанию подданных во многом возлагалась на полицию. Она рассматривалась как многофункциональный орган широкой компетенции, занимавшийся не только охраной порядка и борьбой с преступностью, но и всем тем, «что служит сохранению благочиния в обществе» [13, с. 14].

В рамках реформы местных органов власти происходило укрепление полиции в уездах (1775 г.). Формируя нижний земский суд, выполнявший полицейские и административно-судебные функции, центральная власть более эффективно контролировала обстановку и осуществляла планируемые преобразования на местах. Данный орган обеспечивал «благочиние, добронравие и порядок», надзирал за безопасностью, контролировал исполнение законов [15, с. 45], предупреждал и пресекал преступления, принимал меры по поимке воров и разбойников и истреблению их шаек [14, с. 21].

На основе Устава благочиния (1782 г.) также была усовершенствована и унифицирована организация деятельности городской полиции [13, с. 17]. На нее, как на один из основных инструментов реализации политики просвещенного абсолютизма, возлагались особые задачи и требования: обеспечение справедливости, доброго гражданского согласия, общего добра и спокойствия, мира и тишины между гражданами, защиты и покровительства невиновных, добропорядочных, исправление «недоброхотных». Сами полицейские при этом должны были иметь здравый рассудок, добрую волю, хранить верность службе, проявлять честность, бескорыстие, усердие к общему добру, воздерживаться от взяток, ослепляющих глаза и развращающих сердце [16, с. 332–339].

Следуя тенденции общественно-политического развития начала XIX в., вместе с реформированием системы государствен-

ного управления изменилась институциональная форма полиции. Историческое веяние централизации государственной власти, выразившееся в учреждении министерств, не могло не отразиться на полиции, которая вошла в состав Министерства внутренних дел (далее – МВД). Оно представляло собой многоотраслевой орган, выполнявший разнородные функции. Помимо охраны общественного порядка и спокойствия в государстве, данное ведомство ведало вопросами здравоохранения, государственного строительства, промышленности, хозяйственными и почтовыми делами, обеспечивало прочность и незыблемость государственного устройства [14, с. 36]. В 30–40-е гг. XIX в. контролирующая деятельность МВД усилилась, а Департамент полиции стал его основным структурным подразделением [15, с. 73].

Несмотря на укрупнение государственных структур, во второй половине XIX в. деятельность их подразделений начала профилироваться и специализироваться, что отразилось и на полиции. Открывались специальные школы для обучения полицейских служащих, в губернских городах формировались резервы кандидатов на службу в полиции, организовывалась их первоначальная подготовка. В 60-е гг. была учреждена сыскная полиция – специальный аппарат по раскрытию, пресечению и предупреждению преступлений. В соответствии с «Основными началами реформы полиции», утвержденными Александром II 25 марта 1859 г., из компетенции полиции исключалась следственная и хозяйственно-распорядительная деятельность, более точно определялся круг прав и обязанностей, действующих в обычное время и в чрезвычайной обстановке [15, с. 76, 82–83].

Преобразования полиции, безусловно, положительно отразились на эффективности и качестве ее деятельности. Однако колоссальный рост преступности в последней четверти XIX в., вызванный новыми реалиями социально-экономического положения общества, показал неспособность правительства повлиять на ее причины и вести с

ней продуктивную борьбу [14, с. 53]. В сложившихся условиях полиция, ограждая общество и государство от погружения в хаос, выполняла роль главного инструмента по сохранению внутренней целостности государства.

Несвоевременность, недостаточная продуманность государственной политики и проводимых реформ усиливали поляризацию общества, борьбу между противоположными идеями, социальными классами, обуславливали возникновение и обострение общественных противоречий. Социальная напряженность росла и вследствие усиления полицейских мер, ставших ответом правительства на рост преступности. Результатом стало общественное недовольство, неудовлетворенность самодержавием, сформировались политические объединения, стремящиеся к управлению государством и к устранению полицейского контроля [15, с. 91].

Общественная ненависть к власти отражалась, прежде всего, на полиции, непосредственно контактировавшей с населением. В годы первой российской революции полиция стала объектом настоящего террора [15, с. 93]. Тем не менее, ее значимость продолжала оставаться первостепенной. Осуществляемая полицией деятельность по поддержанию общественного порядка, безопасности и борьбе с преступностью оказывала стабилизирующее воздействие на целостность государства. Поэтому революционная обстановка 1905–1907 гг. была успешно обуздана полицией и Министерством внутренних дел в целом под эффективным руководством П. А. Столыпина [17, с. 127].

Несмотря на успехи в борьбе с восставшими в период первой российской революции, Февральская революция 1917 г. стала роковой для царской России. Полиция при этом оказалась единственной опорой самодержавия, которая до конца сохраняла свою верность [14, с. 126–127]. Однако изменить ход революции ей было не под силу. Полиция была ликвидирована вместе с монархизмом. Полицейские участки громились и

поджигались, а полицейские служащие арестовывались [14, с. 127; 15, с. 104].

Устранив инструмент прежней власти, новое правительство нуждалось в решении фундаментальных задач по обеспечению внутреннего порядка и безопасности. Неотъемлемость полицейской деятельности от государства определяла потребность в учреждении ее институционального носителя. В период советского государства институциональной формой полицейской деятельности становится народная (рабочая, рабоче-крестьянская) милиция, вошедшая в состав НКВД СССР. Формируясь на добровольных началах, милиция не могла ни эффективно выполнять свои функции, ни служить полноценным проводником и опорой государственных преобразований. В ее ряды попадали непригодные для службы лица и даже криминальный элемент [15, с. 111]. Однако тяжелая ситуация с преступностью, задачи по строительству нового государства обусловили профессионализацию милицейской службы [17, с. 128].

Профессиональная деятельность милиции по охране внутреннего порядка, безопасности и борьбе с преступностью была необходима как в мирное время, так и в кризисных периодах советского государства. Построение нового государственного механизма требовало эффективного устранения возникающих препятствий. Милиция выступала основным средством, избавлявшим общество и государство от их наиболее крайних проявлений. Неоценимо важную роль милиция сыграла в военное время. Ее перестройка на военный лад работы началась с момента объявления войны. На казарменном положении жил весь оперативный состав. В этот период огромное значение имела борьба с преступностью. В то же время перед милицией стояли задачи по обороне государства, содействию фронту и укреплению тыла. Кроме того, она ликвидировала диверсионные группы, десант, регулярные части противника, выполняла боевые задания на фронте и в тылу врага [14, с. 227–228].

Организационной и контрольно-надзорной деятельностью милиции во многом

обеспечивалось восстановление целостности государства от урона, причиненного Великой Отечественной войной. К задачам этого государственного органа были отнесены: охрана государственных границ; борьба с преступностью и бандитизмом; охрана общественного порядка и безопасности граждан; выполнение оборонных и народнохозяйственных заданий правительства; изоляция и трудовое использование преступников; борьба с беспризорностью и безнадзорностью детей; охрана железнодорожных сооружений и особо важных предприятий промышленности, а также выполнение иных правительственных заданий [15, с. 170–171].

С приходом новых лидеров к руководству страной милиция рассматривалась в качестве основного инструмента борьбы как с социальными деструкциями и девиациями в целом, так и с их отдельными проявлениями в частности. Так, Л. И. Брежнев начинал свое правление с проведения кампании по борьбе с хулиганством (1966 г.), Ю. В. Андропов – с нарушениями трудовой дисциплины (1982–1983 гг.), М. С. Горбачев – с пьянством (1985 г.) и нетрудовыми доходами (1986 г.) [15, с. 195–196].

Определяя политический курс и социально-экономическую стратегию государства, М. С. Горбачев значительную роль отводил милиции. [15, с. 195]. Ею была проведена существенная работа по преодолению пьянства и алкоголизма, выступающих питательной средой преступности. Итогом стало ее общее снижение на 4,6 %, тяжких преступлений – на 15,6 %, преступлений, совершаемых на фоне пьянства – на 26%. Однако в 2 раза выросло число преступлений, связанных с незаконными самогонованием и продажей спиртных напитков (260 тыс. преступлений) [14, с. 298].

В период перестройки милиция, как и государство в целом, шла по пути демократизации, либерализации и гласности своей деятельности. Оказавшись в условиях кризиса общественно-политической обстановки в стране, она попала в эпицентр социальной борьбы и противоречий. Плюрализм,

свобода слова, напряженность в обществе влекли за собой демонстрации, митинги и беспорядки, которые требовалось не только разгонять и подавлять, но и охранять, выступать в качестве наблюдателя. Последнее являлось новшеством для милиции, к которой она еще не была адаптирована [15, с. 199–200].

Особо важное значение приобрела деятельность милиции после распада СССР и образования Российской Федерации в 90-е гг. Страну захлестнула уличная преступность, криминальные войны, борьба за сферы влияния, серии заказных убийств, рэкет [17, с. 129]. Лишь в 2002 г. благодаря усиленной работе милиции, стабилизации политической и экономической ситуации, укреплению центральной власти началась положительная динамика в борьбе с преступностью – ее количество было впервые снижено за последние годы на 14,9 % до 2,5 млн преступлений [14, с. 327].

Следуя курсу построения правового государства и гражданского общества, демократизации и либерализации общественных отношений, полиция в современный период становится основным инструментом обеспечения не только правопорядка в целом, но и прав человека в частности. Стремясь к должной реализации и охране правовых норм, она сама основывается на законе и потому представляет собой неотъемлемую часть современного государственно-правового механизма, ориентированного на признание, соблюдение и защиту прав и свобод личности.

Таким образом, необходимо сделать следующие выводы:

1. Полицию следует рассматривать в узком и широком смысле. В максимальном обобщении под полицией понимается учение о государственном управлении, связанное с достижением блага для наибольшего количества граждан.

2. В узком смысле полицию необходимо рассматривать в интеграции институционального, целевого и функционального аспектов, позволяющих определить ее как государственный институт, обеспечиваю-

щий общественный порядок и общественную безопасность, противодействующий преступности, охраняющий жизнь, здоровье и собственность человека на основе легитимного насилия, осуществляемого от имени государства в процессе властно-распорядительной деятельности.

3. Полиция проявляется в различных институциональных формах государства и возникает одновременно с его образованием.

4. На этапе формирования государства полиция выполняет структурообразующую роль в силу удовлетворения ею фундаментальных потребностей общества в порядке и безопасности.

5. На этапе становления государства полиция, обладая организованной материальной силой, противодействует хаосу, угрозам и опасностям в обществе и тем самым выполняет фундаментально-обеспечивающую роль, становится гарантом внутреннего порядка.

6. На каждом историческом этапе полиция выступает одним из основных инструментов государственной власти. Она активно участвует в решении наиболее острых социально-политических проблем, служит проводником общественных и государственных преобразований, в силу имеющихся возможностей отвечает на вызовы как внутреннего, так и внешнего характера, устраняет наиболее серьезные угрозы и опасности.

7. На каждом историческом этапе полиция отражает в себе тенденции эволюционного развития государства. Она специализируется, профилируется, дифференцируется, организационно совершенствуется, законодательно регламентируется. Изменяются ее права и обязанности, цели, задачи, принципы деятельности, основные идеи и ориентиры функционирования. Неизменной остается силовая природа полиции – возможность применения государственного принуждения, а также фундаментальный характер решаемых ею задач.

8. Помимо силового характера деятельности, специфика полиции в государственном функционировании определяется постоянным контактом с населением, ее

нахождением в центре социальных противоречий, что позволяет ей оперативно реагировать на возникающие угрозы – с одной

стороны, а также определяет ее роль посредника между властным аппаратом и обществом – с другой стороны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Владимир Путин принял участие в ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации // Официальный сайт Администрации Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/65090> (дата обращения: 10.02.2022).
2. Нижник Н. С., Дергилева С. Ю. Систематизация знаний об управлении обществом и становление науки полицейского права в Западной Европе в XVIII веке // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3. С. 37–43.
3. Ещенко И. Н. Понятие полиции, ее социальное назначение, цели и задачи // Аграрное и земельное право. 2012. № 3. С. 102–109.
4. Киселев А. К. Теоретические и методологические основы современной европейской полицейской науки // Современное право. 2008. № 8. С. 113–117.
5. Нижник Н. С., Гугасари Е. С. Министерство внутренних дел и проблемы институционализации полицейской деятельности в Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 1. С. 10–18.
6. Матвеев С. П. Эволюция полицейской деятельности: теоретико-правовой анализ // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 1. С. 99–113.
7. Матвеев С. П. Трактовка полицейской деятельности в советский и постсоветский период // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 4. С. 13–24.
8. Адмиралова И. А. Статус субъектов административной деятельности полиции и проблемы его реализации в сфере обеспечения прав и свобод граждан // Государство и право. 2015. № 8. С. 5–12.
9. Виравов В. С. Правовые основы деятельности полиции в современных условиях: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2014. 32 с.
10. Андреева И. А. Полиция Франции: генезис, формирование, развитие (вторая половина XVII – начало XXI века) : автореф. дис. ... док. юрид. наук. Омск, 2015. 52 с.
11. Мулукаев Р. С. Эволюция системы пресечения и раскрытия преступлений Российской империи // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 4. С. 37–42.
12. Лысенко В. В. Полиция в дореволюционной России и противоправные проявления в области общественной нравственности (теоретический и историко-правовой анализ) : дис. ... док. юрид. наук. СПб., 1998. 396 с.
13. Мулукаев Р. С. История органов внутренних дел. М. : Академия управления МВД России, 2015. 321 с.
14. Мулукаев Р. С., Малыгин А. Я., Епифанов А. Е. История органов внутренних дел. М. : NOTA BENE Медиа Трейд Комания, 2005. 336 с.
15. Андреева И.А., Зайцева А.С. История органов внутренних дел России. Омск : Омская академия МВД России, 2017. 276 с.
16. Российское законодательство X–XX веков. В 9-ти тт. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М. : Юрид. лит., 1987. 528 с.
17. Румянцев Н. В. Российская полиция: историко-правовой анализ // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 1. С. 126–129.

REFERENCES

1. Vladimir Putin took part in the annual extended meeting of the collegium of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // Official website of the Administration of the President of the Russian Federation. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/65090> (date of access: 10.02.2022). (In Russ.)

2. Nizhnik N. S., Dergileva S. Yu. Systematization of knowledge about the management of society and the formation of the science of police law in Western Europe in the 18th century // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 3. P. 37–43. (In Russ.)
3. Yeshchenko I. N. The concept of the police, its social purpose, goals and objectives // Agrarian and land law. 2012. No. 3. P. 102–109. (In Russ.)
4. Kiselev A. K. Theoretical and methodological foundations of modern European police science // Modern law. 2008. No. 8. P. 113–117. (In Russ.)
5. Nizhnik N. S., Gugasari E. S. Ministry of Internal Affairs and problems of institutionalization of police activity in the Russian Empire // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 1. P. 10–18. (In Russ.)
6. Matveev S. P. Evolution of police activity: theoretical and legal analysis // Law and order: history, theory, practice. 2015. No. 1. P. 99–113. (In Russ.)
7. Matveev S. P. Interpretation of police activity in the Soviet and post-Soviet period // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 4. P. 13–24. (In Russ.)
8. Admiralova I. A. The status of subjects of administrative activity of the police and the problems of its implementation in the sphere of ensuring the rights and freedoms of citizens // State and Law. 2015. No. 8. P. 5–12. (In Russ.)
9. Virabov V. S. Legal foundations of the police activity in modern conditions: theoretical and legal aspect: author. dis. ... cand. legal sciences. N. Novgorod, 2014. 32 p. (In Russ.)
10. Andreeva I. A. Police of France: genesis, formation, development (second half of the 17th – early 21st century) : author. dis. ... doc. legal sciences. Omsk, 2015. 52 p. (In Russ.)
11. Mulukaev R. S. Evolution of the system of suppression and disclosure of crimes of the Russian Empire // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 4. P. 37–42. (In Russ.)
12. Lysenko V. V. Police in pre-revolutionary Russia and illegal manifestations in the field of public morality (theoretical and historical and legal analysis) : dis. ... doc. legal sciences. St. Petersburg, 1998. 396 p. (In Russ.)
13. Mulukaev R. S. History of internal affairs bodies. – M. : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. 321 p. (In Russ.)
14. Mulukaev R. S., Malygin A. Ya., Epifanov A. E. History of internal affairs bodies. M. : NOTA BENE Media Trade Company, 2005. 336 p. (In Russ.)
15. Andreeva I. A., Zaitseva A. S. History of internal affairs bodies of Russia. Omsk : Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. 276 p. (In Russ.)
16. Russian legislation of the X–XX centuries. In 9 vols. T. 5. Legislation of the heyday of absolutism. M. : Jurid. lit., 1987. 528 p. (In Russ.)
17. Rumyantsev N. V. Russian police: historical and legal analysis // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 1. P. 126–129. (In Russ.)

Информация об авторе:

Фомичев А. А., кандидат юридических наук.

Information about the author:

Fomichev A. A., Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 15.05.2022; одобрена после рецензирования 02.09.2022; принята к публикации 23.09.2022.

The article was submitted 15.05.2022; approved after reviewing 02.09.2022; accepted for publication 23.09.2022.

Научная статья
УДК 342.41(470)

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ КАТЕГОРИИ
«ДОСТОЙНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА»**

**Наталья Николаевна Аверьянова¹, Наталья Владимировна Тюменева²,
Светлана Евгеньевна Якушева³,**

^{1,2} Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия

³ Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, don800@rambler.ru

¹ averyanovann@mail.ru

² tumeneva82@mail.ru

Аннотация. Содержание конституционно-правовой категории «достойная жизнь человека» исследуется с позиции формально-юридического подхода, то есть на основании буквального толкования статьи 7 Конституции Российской Федерации. Обозначается, что категория «достойная жизнь человека» отражает степень его социальной защищенности, зависящей от эффективности обеспечения социальных прав и реализации социальной политики государства. Более глубокий анализ указанной категории позволил сформулировать аксиологический подход, на основе которого выявляется формально не закрепленное в тексте Конституции Российской Федерации право человека на достойную жизнь, в содержание которого должны включаться все аспекты человеческой жизни и деятельности, а не только социальные, гарантированность которых обеспечивает ему такое качество жизни, которое позволит определить его жизнь как достойную. Право на достойную жизнь определяется как право-цель, а иные конституционные права в данном контексте понимаются как права-средства, направленные на ее обеспечение.

Ключевые слова: права человека, достойная жизнь человека, социальное благополучие

Для цитирования: Аверьянова Н. Н., Тюменева Н. В., Якушева С. Е. Конституционно-правовое содержание категории «достойная жизнь человека» // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 29–35.

Original article

**CONSTITUTIONAL AND LEGAL CONTENT OF THE CATEGORY
“DECENT HUMAN LIFE”**

Natalia N. Averyanova¹, Nataliya V. Tyumeneva², Svetlana E. Yakusheva³,

^{1,2} Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia,

³ Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, don800@rambler.ru

¹ averyanovann@mail.ru

² tumeneva82@mail.ru

Abstract. The content of the constitutional and legal category “decent human life” is studied from the standpoint of a formal legal approach, that is, based on a literal interpretation of Article 7 of the Constitution of the Russian Federation. It is indicated that the category “decent human life” reflects the degree of his social security, depending on the effectiveness of ensuring social rights and the implementation of social policy of the state. A deeper analysis of this category allowed us to formulate an axiological approach, on the basis of which the human right to a decent life, not formally enshrined in the text of the Constitution of the Russian Federa-

© Аверьянова Н. Н., Тюменева Н. В., Якушева С. Е., 2022

tion, is revealed, the content of which should include all aspects of human life and activity, and not only social, the guarantee of which provides him with a quality of life that will allow him to define his life as worthy. The right to a decent life is defined as a right-goal, and other constitutional rights in this context are understood as rights-means aimed at ensuring it.

Keywords: human rights, decent human life, social well-being

For citation: Averyanova N. N., Tyumeneva N. V., Yakusheva S. E. Constitutional and legal content of the category “decent human life” // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 3 (97). P. 29–35.

«Достойная жизнь человека» – важнейшая социальная и общественная категория, в современных условиях является и правовым феноменом, нашедшим регламентацию на высшем конституционном уровне. В статье 7 Конституции Российской Федерации определено, Россия является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Как верно отмечает Н. А. Касавина, «ценность достойной жизни выступает как предмет длительной борьбы человека и общества за утверждение гуманизма вопреки социальному неравенству, властному произволу и тоталитаризму» [1, с. 23].

Между тем, в науке конституционного права «достойная жизнь человека» как правовая категория не получила достаточного научного анализа и осмысления, хотя представляется, что сегодня ее исследование является актуальной задачей конституционно-правовой науки, расширяющей в том числе методологический аппарат научных исследований, может стать эффективным инструментарием при исследовании различных фундаментальных категорий конституционного права, с ее помощью можно определить суть правовых явлений и феноменов.

Поскольку человек, его права и свободы объявлены Конституцией Российской Федерации высшей ценностью, то вся дальнейшая деятельность государства и его органов должна быть направлена на обеспечение этой ценности. Категория же «достойная жизнь и деятельность человека» является метрическим критерием эффективности осуществления целого ряда конституционно обусловленных государственных задач, прежде всего, соблюдения принципа социаль-

ного государства и эффективности реализации прав человека, которые и обеспечивают его достойную жизнь и деятельность.

Безусловно, «достойная жизнь человека» является в большей степени оценочной категорией, на содержание которой оказывает влияние целый ряд факторов. И все же представляется, что можно сделать попытку определить ее содержание и с формально юридической позиции. Итак, «достойная жизнь человека» является определенным состоянием личности, отражающим высокую степень качества его жизни и деятельности. При этом стоит особо подчеркнуть, что категория «достойная жизнь и деятельность» должна пониматься как объективно складывающаяся категория, обусловленная только объективными показателями, которыми, как уже отмечалось, является эффективность деятельности государства, направленная на реализацию прав человека. Субъективные состояния личности, то есть степень личной удовлетворенности человека его жизнью, не могут входить в содержание исследуемой категории как конституционной. Даже в самом благополучном государстве человек может ощущать себя вне состояния достойной жизни, у него может сформироваться собственное представление о качестве жизни, которые могут, в том числе, противоречить правам и интересам иных лиц. Однако это субъективное восприятие объективной реальности не может отражаться на понимании конституционной категории «достойная жизнь человека» и служить толчком для переоценки и переосмысления ее содержания.

Безусловно, категория «достойная жизнь человека» непосредственно связана с правами человека (и в этой связи – признание и универсализация установленной на международном уровне системы прав и

свобод), получила свое отражение в Основных законах государств, в которых не только закреплена система прав и свобод, но и в целом закреплено стремление обеспечивать своим гражданам достойную жизнь как важнейший ориентир и цель деятельности государства. Отмечается, что подобные формулировки содержатся в Конституциях Японии, Кореи, Бутана, что позволяет сделать вывод о том, что «политико-правовая традиция декларирования перспективных (стратегических) целей как высших ценностей общества и государства представляет собой неотъемлемую составляющую практики конституционализма» [2, с. 29].

Что же такое «достойная жизнь человека»? В. Н. Барсукова предлагает понимать под достойной жизнью человека «состояние комплексной реализации его биологических, социальных и духовных потребностей, обеспечиваемой человеком как самостоятельно, так и при помощи государства и определяемой такими критериями, как достойный уровень, качество и образ жизни» [3, с. 7]. Стоит согласиться с данным определением, но все же отметить, что оно отражает в большей степени содержание исследуемой категории как социально-общественной, не затрагивая ее правовых характеристик.

По смыслу ст. 7 Конституции Российской Федерации на обеспечение достойной жизни человека оказывает влияние, прежде всего, социальная политика государства, реализуемая посредством системы социальных прав, установленных и гарантированных Конституцией Российской Федерации. Верно отмечается, что «социальные права обеспечивают и гарантируют достойные человека уровень жизни и социальную защищенность» [4, с. 4].

Следовательно, основным содержательным критерием достойной жизни человека с формально-юридической стороны является его социальная защищенность. Как известно, к основным конституционным социальным правам относят право на труд, жилище, медицинскую помощь, образование, социальное обеспечение, бесплатную юридиче-

скую помощь. То есть, исходя из буквального конституционно-правового смысла, гарантированность этих прав и обеспечивает человеку достойную жизнь.

Нельзя не сказать, что правоприменительная практика широко использует конституционную категорию «достойная жизнь человека» в качестве мотивационного аргумента при принятии решений. Однако конституционное закрепление категории «достойная жизнь человека» через призму реализации принципа социального государства отражается и на ее понимании правоприменителями. То есть через данную категорию всегда обосновывается необходимость эффективной реализации социальных прав человека, что с формально-юридической стороны является оправданным и неоспоримым [5].

Таким образом и Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривая различные категории дел о защите прав граждан, опирается при этом на категорию «достойная жизнь человека» как универсальную правовую конструкцию, отражающую необходимость обеспечить гражданам те или иные социальные права: права на жилище [6], трудовые права [7] и другие.

Поэтому «достойная жизнь человека», исходя из буквального текста статьи 7 Конституции Российской Федерации, – это состояние его социальной защищенности, выраженное в доступности важнейших социальных благ, таких как: социальное обеспечение, собственность, жилище, труд, образование, медицинское обслуживание и других, являющееся итогом эффективной реализации государственной социальной политики.

Между тем, не можем не согласиться с мнением известного правоведа Н. С. Бондаря, что «большим может оказаться соблазн впасть в формально-юридические, чисто текстовые оценки отдельных статей Конституции, без учета ее сегодняшнего социокультурного духа» [8, с. 15].

Кроме того, неизбежно возникает вопрос: достаточно ли государству эффективно реализовывать лишь социальную политику

для обеспечения своим гражданам достойной жизни. Представляется, что раскрыть содержание конституционной категории «достойная жизнь человека» только через эффективность реализации его социальных прав, невозможно. Хотя, справедливости ради стоит отметить, что для большинства граждан именно социальное благополучие становится решающим критерием достойной жизни. И в целом этот вывод коррелируется с устойчивым и прочно укоренившимся в обществе стереотипом о том, когда «богатство», «благополучие» и «достойная жизнь» воспринимаются как синонимы.

Но не хлебом единым жив человек. Прежде всего, представляется, что достойную жизнь человека обеспечивает система личных прав, которые являются первичными перед иными правами, в том числе социальными. Комитет ООН по правам человека отмечает «что право на жизнь не может толковаться ограничительно и включает также право людей на достойную жизнь, то есть защиту от неестественной или преждевременной смерти» [9]. Таким образом, соответствующее обеспечение права на жизнь, достоинство, неприкосновенность личной и частной жизни являются важнейшими условиями достойной жизни человека. Следовательно, личная защищенность человека является исходным критерием его достойной жизни.

Кроме того, потребности и интересы человека выходят за рамки социальной и бытовой удовлетворенности своей жизнью. Так, на качество жизни человека оказывает влияние состояние окружающей среды. «Достойная жизнь человека» не может осуществляться в условиях неблагоприятной экологической обстановки. Исходя из этого в Конституции Российской Федерации закреплена система экологических прав, важнейшим из которых является право на благоприятную окружающую среду. «Достойная жизнь человека» возможна только в условиях благоприятной окружающей среды. Таким образом, благоприятная окружающая среда также является абсолютным критерием достойной жизни человека.

Ощущать себя в состоянии достойной жизни человек не может без реализации своих культурных потребностей. Поэтому в содержании конституционной категории «достойная жизнь человека» должна быть включена и эффективная реализация культурных прав: право исповедовать различные религии, право на доступ к культурным ценностям, право на культурный досуг и так далее. Таким образом, доступная культурная среда также является критерием достойной жизни человека.

Человек не может достойно существовать и вне политических процессов, происходящих в государстве. Исходя из этого, на формирование достойной жизни человека оказывает влияние доступность и свобода реализации политических прав граждан: избирательных прав, права на участие в управлении делами государства, право свободно выражать свои мысли и мнение. А сама политическая свобода является критерием достойной жизни человека.

Таким образом, содержание категории «достойная жизнь человека» комплексно отражает высший уровень качества его жизни и не может обосновываться только через систему гарантированности социальных прав. Так и социологи, например, определяют смысл жизни человека «как цели-принципы человеческой жизнедеятельности, которые реализуются в основных сферах современного общества: экономической, социальной; политической и духовно-культурной» [10, с. 59]. Те же критерии, согласно исследованиям, отражают и такую непосредственно связанную с достойной жизнью человека категорию, как «качество жизни» [11, с. 144].

Исходя из сказанного, помимо формально юридического аспекта, на исследуемую конституционную категорию можно взглянуть и под иным углом, а именно с точки зрения конституционной аксиологии.

Действующая Конституция Российской Федерации в целом взяла за основу ценноориентированный подход, в соответствии с которым все конституционно-значимые категории, явления и процессы необходимо рассматривать через призму высшей кон-

ституционной ценности: человека, его прав и свобод. Таким образом, если конституционную категорию «достойная жизнь человека» анализировать с этих позиций, то можно сделать вывод о наличии такого конституционного права человека, как право на достойную жизнь.

«Право на достойную жизнь» уже выделяли исследователи-правоведы. В частности, о наличии такого «неконституированного права» говорил В. В. Невинский. Он подчеркивал его «собираемый, доктринально-конституционный характер, вытекающий из провозглашения и реализации установленных в этой области конституционных ориентиров» [12, с. 60].

С точки зрения конституционной аксиологии, то есть оценочной деятельности органов конституционной юстиции, у права на достойную жизнь человека и иных конституционных прав различная правовая природа, между ними существует некое иерархическое соотношение. Первое является высшей целью деятельности органов публичной власти и в целом государства, вторые в данном контексте являются одновременно и самостоятельными конституционными правами,

и конституционными средствами достижения данной цели.

Таким образом, право на достойную жизнь человека стоит понимать как право-цель, а иные конституционные права, причем не только социальные, - как единство двух начал: как самостоятельные основные права и в то же время как права-средства, обеспечивающие право-цель и являющиеся частью конституционно-установленного механизма ее достижения. Право на достойную жизнь человека можно определить как конституционное право-цель, обеспеченное системой взаимосвязанных и взаимообусловленных конституционных прав, призванное комплексно гарантировать человеку личную защищенность, социальное благополучие, безопасность окружающей среды, доступность культурной среды и политическую свободу.

Данный вывод, расширяя теоретико-аксиологическое представление о правах человека, имеет определенное значение для развития теоретических и практических основ теорий о социальном государстве, о конституционных принципах, ценностях и других.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Касавина Н. А. Феномен достойной жизни в контексте проблемы социального государства // Вопросы философии. 2019. № 11. С. 22–27.
2. Ким Ю. В. О понятиях правозащитной деятельности и правозащитной системы или же к вопросу об организационно-правовых предпосылках «всенародного счастья» // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 27–35.
3. Барсукова В. Н. Право человека на достойную жизнь: общая характеристика // Современное право. 2016. № 1. С. 5–10.
4. Чупилин Д. А. Социальные споры в цивилистическом процессе: к проблеме понятия // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 8. С. 3–8.
5. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с реализацией мер социальной поддержки отдельных категорий граждан // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 11.
6. По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 1 статьи 2-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в связи с жалобой гражданина Н. Н. Марасанова : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 ноября 2016 г. № 23-П // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2016. № 47. Ст. 6724.
7. По делу о проверке конституционности части пятой статьи 157 Трудового кодекса РФ в связи с жалобой гражданки Л. А. Мининой : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 октября 2021 г. № 43-П // Российская газета. 13.10.2021. № 233.
8. Бондарь Н. С. Ценность Конституции России как юридического акта и социокультурного явления (к 20-летию юбилею) // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 6. С. 13–24.

9. Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица на жизнь (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 2021 г. // официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации https://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/30129/ (дата обращения: 20.03.2022).

10. Кранзеева Е. А., Головацкий Е. В., Орлова А. В., Бурмакина А. Л. Смыслы жизни в оценках и ожиданиях жителей региона (результаты фокус-групп в Кемеровской области) // Социологические исследования. 2020. № 11. С. 58–67.

11. Ильиных С. А. Качество жизни по данным опроса в Новосибирске // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 140–145.

12. Невинский В. В. Право человека на достойную жизнь в системе конституционных ценностей России (не взятый рубеж постсоветской истории) // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 12. С. 56–65.

REFERENCES

1. Kasavina N. A. The phenomenon of a decent life in the context of the problem of the social state // Questions of Philosophy. 2019. No. 11. P. 22–27. (In Russ.)

2. Kim Yu. V. On the concepts of human rights activities and the human rights system, or on the issue of organizational and legal prerequisites for “nationwide happiness” // Constitutional and municipal law. 2021. No. 1. P. 27–35. (In Russ.)

3. Barsukova V. N. The human right to a decent life: general characteristics // Modern law. 2016. No. 1. P. 5–10. (In Russ.)

4. Chupilin D. A. Social disputes in the civil process: to the problem of the concept // Arbitration and civil process. 2020. No. 8. P. 3–8. (In Russ.)

5. Overview of the practice of courts considering cases on disputes related to the implementation of social support measures for certain categories of citizens // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2020. No. 11. (In Russ.)

6. In the case of checking the constitutionality of the provisions of the second paragraph of paragraph 1 of Article 2-FZ “On state registration of rights to real estate and transactions with it” in connection with the complaint of citizen N. N. Marasanov : Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 10, 2016 No. 23-P // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 47. Art. 6724. (In Russ.)

7. In the case of checking the constitutionality of the fifth part of Article 157 of the Labor Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen L. A. Minina: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 6, 2021 No. 43-P // Rossiyskaya Gazeta. 13.10.2021. No. 233. (In Russ.)

8. Bondar N. S. The value of the Constitution of Russia as a legal act and a socio-cultural phenomenon (to the 20th anniversary) // Journal of Constitutional Justice. 2013. No. 6. P. 13–24. (In Russ.)

9. Generalization of the practice and legal positions of international treaty and non-treaty bodies operating in the field of protecting human rights and freedoms on the protection of a person’s right to life (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation in 2021 // official website of the Supreme Court of the Russian Federation https://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/30129/ (date of access: 20.03.2022). (In Russ.)

10. Kranzeeva E. A., Golovatsky E. V., Orlova A. V., Burmakina A. L. Meanings of life in the assessments and expectations of residents of the region (results of focus groups in the Kemerovo region) // Sociological research. 2020. No. 11. P. 58–67. (In Russ.)

11. Ilyinykh S. A. Quality of life according to a survey in Novosibirsk. Sotsiologicheskie issledovaniya. 2019. No. 6. P. 140–145. (In Russ.)

12. Nevinsky V. V. The human right to a decent life in the system of constitutional values of Russia (not a taken boundary of post-Soviet history) // Constitutional and municipal law. 2018. No. 12. P. 56–65. (In Russ.)

Информация об авторах:

Аверьянова Н. Н., доктор юридических наук;

Тюменева Н. В., кандидат юридических наук;
Якушева С. Е., кандидат юридических наук.

Information about the authors:

Averyanova N. N., Doctor of Law;
Tyumeneva N. V., Candidate of Law;
Yakusheva S. E., Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 15.05.2022; одобрена после рецензирования 02.09.2022; принята к публикации 23.09.2022.

The article was submitted 15.05.2022; approved after reviewing 02.09.2022; accepted for publication 23.09.2022.

Научная статья
УДК 347.453.1:347.763(470)

**ДОГОВОР КАРШЕРИНГА В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОМ ОБОРОТЕ:
ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Лилия Канзеловна Фазлиева¹, Николай Юрьевич Комлев²

^{1,2} Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия

¹ LKFaz@mail.ru,

² kolkomlev@yandex.ru

Аннотация. Отмеченный в настоящее время процесс реформирования гражданского законодательства, затрагивающий буквально все сферы применения гражданского права, не уделил должного внимания каршерингу, что порождает серьезные проблемы в данной области. Поэтому актуальность темы обусловлена трудностями в понимании природы заключаемого договора каршеринга и отсутствием его нормативного регулирования на федеральном уровне. В статье выделены проблемные аспекты правовой природы договора каршеринга: публикация информации владельцем агрегатора, исчисление срока аренды, отсутствие единого реестра каршеринговых компаний и недобросовестных клиентов-арендаторов, установление ограничений для заключения договора. Аргументировано, что разработка законодательных положений, регулирующих каршеринговые отношения, позволит устранить многие проблемные ситуации и предоставит их участникам возможность обеспечить защиту законных прав и интересов.

Ключевые слова: каршеринг, аренда транспортного средства, защита прав потребителей, реестр недобросовестных клиентов-арендаторов, технология смарт-контракта

Для цитирования: Фазлиева Л. К., Комлев Н. Ю. Договор каршеринга в гражданско-правовом обороте: проблемы и направления развития законодательства // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 36–41.

Original article

**CARSHARING CONTRACT IN CIVIL LAW TURNOVER:
PROBLEMS AND DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF LEGISLATION**

Liliya K. Fazlieva¹, Nikolai Yu. Komlev²

^{1,2} Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian, Kazan, Russia

¹ LKFaz@mail.ru,

² kolkomlev@yandex.ru

Abstract. The currently noted process of reforming civil legislation, affecting literally all areas of application of civil law, has not paid due attention to carsharing, which creates serious problems in this area. Therefore, the relevance of the topic is due to the difficulties in understanding the nature of the concluded car sharing agreement and the lack of its regulatory regulation at the federal level. The article highlights the problematic aspects of the legal nature of the car sharing agreement: the publication of information by the owner of the aggregator, the calculation of the lease term, the lack of a unified register of car sharing companies and unscrupulous tenant clients, the establishment of restrictions for concluding an agreement. It is argued that the development of legislative provisions governing car sharing relations will eliminate many problematic situations and provide their participants with the opportunity to ensure the protection of legitimate rights and interests.

Keywords: carsharing, vehicle rental, consumer protection, register of dishonest tenant clients, smart contract technology

For citation: Fazlieva L. K., Komlev N. Yu. Carsharing contract in civil law turnover: problems and directions of development of legislation // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 3 (97). P. 36–41.

Шеринг (sharing economy) является категорией экономической, но он требует закрепления и в праве, поскольку в современном обществе развивается экономика совместного пользования. Для людей перестают быть ценностями владение вещами и право собственности на них, растет количество краткосрочных использований вещей для достижения какой-то цели. Расширение таких потребностей требует более точного правового регулирования в целях минимизации возможных конфликтных ситуаций.

В стратегии развития автомобильной промышленности России на период до 2025 г. [1] говорится о применении продукта совместного потребления товаров (sharing economy) для удовлетворения личных (индивидуальных) потребностей пользователей в легковых автомобилях – каршеринга (п. 3 разд. IV). В Плане мероприятий «Автонет» (приложение № 2 к протоколу заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации от 24 апреля 2018 г. № 1) указывается на необходимость развития каршеринга. По экспертным прогнозам к 2025 году доля автомобилей, используемых в рамках каршеринга, увеличится до 10 % (более 200 тыс. штук (для сравнения в 2020 г. – более 30000)). При этом каршеринг позволяет реализовывать различные цели: сократить расходы на содержание личного автотранспорта посредством использования каршеринговых машин, уменьшить наполненность автомобильных дорог и, как следствие, улучшить дорожную ситуацию.

Однако, несмотря на столь высокую степень полезности и все возрастающую популярность данного договора, правовая регламентация в этой сфере практически отсутствует. Кроме этого, проведенная Роспотребнадзором горячая линия по услугам такси и каршеринга зафиксировала в период с 27 декабря 2019 г. по 15 января 2020 г. 1976 обращений с жалобами на этот вид деятельности [2]. О необходимости законодательно-

го закрепления отношений в сфере каршеринга указывают статистические данные о нарушениях Правил дорожного движения. Так, каждое десятое дорожно-транспортное происшествие (далее – ДТП) с участием пьяного водителя (всего 4000 ДТП) за 2020 г. в Москве произошло с участием машины из каршеринга: водители, берущие автомобиль в краткосрочную аренду [3, с. 55]. За первое полугодие 2021 г. было совершено правонарушений с участием автомобилей поминутной аренды на 33 % больше, чем за аналогичный период в 2020 г.

Внесенные изменения в Закон о защите прав потребителей [4], касающиеся установления обязанностей интернет-агрегаторов, не решили проблемы при заключении договора каршеринга, где клиентом является гражданин (потребитель). Согласно этим изменениям владелец агрегатора (юридическое лицо или индивидуальный предприниматель) обязан предоставлять потребителям достоверную и полную информацию о себе, продавцах и товарах. В противном случае он (владелец агрегатора) возмещает убытки, понесенные потребителем на основании предоставленной неверной информации. Однако, если информация, предоставленная продавцом (подрядчиком, исполнителем), публикуется в неизменном виде, агрегатор ответственности не несет.

Несовершенство действующего гражданского законодательства относительно правового регулирования каршеринга проявляется в следующем.

Во-первых, каршеринг представляет собой краткосрочную (поминутную) аренду транспортного средства, что не согласуется с правилами исчисления сроков, предусмотренными в ст. 190 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

Во-вторых, отсутствует единый реестр как организаций, целью создания которых является деятельность по предоставлению продукта совместного потребления товаров

(транспортных средств) во временное владение и пользование, так и недобросовестных арендаторов (клиентов) целью которого является формирование ответственного поведения контрагентов. Поэтому требования к организациям и арендаторам (клиентам) требуют дополнительной правовой регламентации. Обратимся к материалам правоприменительной практики. Так, в решении от 25 апреля 2017 г. судебного участка № 231 Чертановского судебного района г. Москвы было установлено, что А. А. Даньшин, управляя транспортным средством на основании договора «Делимобиль», заключенного с ООО «Каршеринг Руссия», совершил правонарушение. По этой причине он был привлечен к административной ответственности по ч. 6 ст. 12.19 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а источник повышенной опасности был перемещен на специализированную стоянку. Однако иски о возмещении стоимости перемещения (хранения) транспортного средства в размере 14 тыс. руб., неустойки в размере 459,5 руб., суммы уплаченной госпошлины в размере 578,38 руб. были предъявлены к сотруднику ООО «Каршеринг Руссия» А. В. Сапронову. Судебный орган не поддержал иски о возмещении истца ГКУ г. Москвы «Администратор Московского парковочного пространства» [5].

В-третьих, заключение договора каршеринга осуществляется с помощью технологий искусственного интеллекта оператором информационной системы без непосредственного участия контрагентов в юридически значимых действиях по передаче (принятию) транспортного средства. В литературе обсуждается возможность использовать положения закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» в случае нарушения прав арендаторов (клиентов) – физических лиц. В то же время каршеринг не является публичным договором и к нему не применимы положения ст. 626 ГК РФ. Отсутствие прямых законодательно установленных норм в регулировании отношений по договору кар-

шеринга позволяет организациям (арендодателям) определять свои условия (правила). Ярким примером, подтверждающим такой факт, являются существующие ограничения по возрасту (каршеринговая организация «Делимобиль»: 26 лет – при аренде Mercedes-Benz E200; 24 года – при аренде BMW, Audi, Fiat, Mini Cooper) и стажу вождения для арендаторов (клиентов). Правоприменительная практика подтверждает возможность арендодателя (каршеринговой организации) применять ограничительные меры в отношении арендатора (клиента). Так, при рассмотрении дела № 33-19520/2019 истец привел довод о том, что правила дорожного движения не содержат каких-либо ограничений в отношении управления транспортным средством соответствующей категории лицом, имеющим право на такое управление, в зависимости от его водительского стажа. Судебный орган признал возражение несостоятельным, поскольку отсутствие ограничений в правилах не исключает права арендодателя как собственника (владельца) источника повышенной опасности устанавливать для арендаторов дополнительные требования при заключении такого рода договоров, в том числе по возрасту и водительскому стажу [6].

Однако мы считаем, что компетенцию (знания, умения, навыки) водителя не следует определять по такому критерию, как стаж вождения, так как это второстепенный признак, не учитывающий действий водителя и фактического времени управления транспортным средством, а только де-юре позволяющий определить момент получения водительских прав.

Индикатором квалификации водителей может стать коэффициент бонус-малус (далее – КБМ), поскольку данный показатель зависит от двух величин: количества заключенных договоров страхования транспортного средства и страховых случаев по ним. Использование КБМ благоприятно для контрагентов: для арендодателя (каршеринговой организации) это снизит риски заключения договора с недобросовестными и некомпетентными арендаторами (клиентами) вследствие возможности их объективного

оценивания, для арендатора (клиента) даст возможность предоставления скидок, стимулирующих осуществление безопасного вождения.

Кроме этого, реализация КБМ ускорит процесс формирования единого реестра лиц, осуществляющих управление источником повышенной опасности – объектом каршеринговых отношений, исключаящих их дополнительную регистрацию в других аналогичных каршеринговых организациях.

В-четвертых, нормами гражданского законодательства (ст. 633 ГК РФ) и условиями договора предусмотрена обязанность арендатора возвратить арендодателю по окончании срока аренды имущество в том состоянии, в котором оно было получено, с учетом нормального износа. В каршеринговых отношениях при попадании арендованного транспортного средства в ДТП арендатор (клиент) обязан выплатить помимо ущерба штрафы (в каршеринговой организации «Делимобиль» – от 70 000 до 100 000 руб., в BelkaCar – до 150 000 рублей), предусмотренные договором в зависимости от марки транспортного средства. В некоторых случаях указанные размеры штрафов несоизмеримы упущенной выгоде каршеринговых организаций и приводят к ущемлению законных прав и интересов арендатора (клиента).

На наш взгляд, применение КБМ как гарантирующего условия для ограничения размера штрафа, установленного каршеринговой организацией при наступлении страхового случая (дорожно-транспортного происшествия), создадут справедливые отношения между контрагентами.

Следовательно, решением обозначенных проблем может стать закрепление в законодательстве положений, регламентирующих основные сроки, тарифы, способы оплаты, ответственность арендатора (клиента) за причинение вреда транспортному средству или третьим лицам, ответственность каршеринговой организации за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства, определенные ограничения и запреты при заключении краткосрочной (поминутной) аренды транспортного средства и т. д.

Следует отметить, что регионы осуществляют опережающее правовое регулирование каршеринга. Данный фактор является превентивной мерой предотвращения возможных нарушений прав и законных интересов лиц. Однако гражданское законодательство в соответствии со ст. 71 Конституции Российской Федерации относится к исключительному ведению Российской Федерации. Поэтому следует предусмотреть отдельные положения о каршеринге в п. 2.1 Краткосрочная аренда транспортного средства (каршеринг) § 3 гл. 34 ГК РФ, так как существуют видовые отличия каршеринга от аренды транспортного средства без экипажа и проката при наличии единого объекта договора – движимого имущества [7]. Наиболее рациональным, на наш взгляд, будет дополнение ст. 642.1 ГК РФ в следующей редакции:

«1. По договору каршеринга одна сторона (арендодатель) предоставляет другой стороне (арендатору – физическому лицу) транспортное средство во временное владение и пользование без оказания услуг по управлению им и его технической эксплуатации за плату на основе поминутной тарификации, заключение которого осуществляется с помощью смарт-устройств и специальных электронных приложений в дистанционной форме.

2. В каршеринге может содержаться указание на действия, совершение которых будет считаться акцептом ее условий. В этих случаях письменная форма договора считается соблюденной.

3. Транспортное средство предоставляется для целей, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности».

Хотя применение конструкции каршеринга способно автоматизировать внесение платежей, не исключается возможность нарушения арендатором данной обязанности. В связи с чем полагаем необходимым предусмотреть в ст. 642.1 ГК РФ положение следующего содержания: «Уведомление об отказе от договора может быть направлено арендатором посредством информационных технологий, использованных при заключении каршеринга и (или) размещении ее условий,

предусмотренных абз. 2 ст. 309 ГК РФ, если иное не предусмотрено договором».

Таким образом, разработка законодательных положений, регулирующих карше-

ринговые отношения, позволит устранить многие проблемные ситуации и предоставить их участникам возможность обеспечить защиту своих прав и интересов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Об утверждении Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации на период до 2025 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2018 г. № 831-р // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2018. № 19. Ст. 2804.

2. Об итогах горячей линии по услугам такси и каршеринга. URL: https://www.rosпотребнадзор.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=13683&spphrase_id=2239021 (дата обращения: 27.02.2022).

3. Любко К. С. Проблемные аспекты развития каршеринга в России // Национальные приоритеты социально-экономического развития России : сборник материалов II Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. 2020. С. 55.

4. О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» : Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 250-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 31. Ст. 4839

5. Решение от 25 апреля 2017 г. судебного участка № 231 Чертановского судебного района г. Москвы. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 27.02.2022).

6. Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 26 апреля 2019 г. по делу № 33-19520/2019. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 27.02.2022).

7. Комлев Н. Ю., Фазлиева Л. К. Каршеринг как продукт совместного потребления товаров (sharing economy) и цифровизации гражданского права России // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 1 (25). С. 36–39.

REFERENCES

1. On approval of the Strategy for the development of the automotive industry of the Russian Federation for the period up to 2025 : Decree of the Government of the Russian Federation dated April 28, 2018 No. 831-r // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 19. Art. 2804. (In Russ.)

2. On the results of the hotline for taxi and car sharing services. URL: https://www.rosпотребнадзор.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=13683&spphrase_id=2239021 (date of access: 27.02.2022). (In Russ.)

3. Lyubko K. S. Problematic aspects of the development of carsharing in Russia // National priorities of the socio-economic development of Russia : a collection of materials of the II All-Russian (national) scientific and practical conference. 2020. P. 55. (In Russ.)

4. On Amendments to the Law of the Russian Federation “On the Protection of Consumer Rights” : Federal Law of July 29, 2018 No. 250-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 31. Art. 4839. (In Russ.)

5. Judgment dated April 25, 2017 court district no. 231 of the Chertanovsky judicial district of Moscow. URL: <https://sudact.ru> (date of access: 27.02.2022). (In Russ.)

6. Appeal decision of the IC in civil cases of the Moscow City Court dated April 26, 2019 in case No. 33-19520/2019. URL: <https://sudact.ru> (date of access: 27.02.2022). (In Russ.)

7. Komlev N. Yu., Fazlieva L. K. Car sharing as a product of joint consumption of goods (sharing economy) and digitalization of civil law in Russia // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 1 (25). P. 36–39. (In Russ.)

Информация об авторах:

Фазлиева Л. К., кандидат химических наук, доцент;

Комлев Н. Ю., кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors:

Fazlieva L. K., Candidate in Chemistry, Associate Professor;

Komlev N. Yu. Candidate in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 27.05.2022; одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 23.09.2022.

The article was submitted 27.05.2022; approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 23.09.2022.

Общеисследовательская статья
УДК 347.922:347.948(470)

К ВОПРОСУ ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ, РАССМАТРИВАЕМЫМ В ПОРЯДКЕ ИСКОВОГО ПРОИЗВОДСТВА

Петр Сергеевич Федосеев

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, civilp@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена отдельным вопросам, касающимся необходимости применения экспертного исследования и степени его доказательственной силы по делам, рассматриваемым в порядке искового производства. В связи с имеющейся дискуссией автор приходит к выводу, что судья не обязан прибегать к экспертному исследованию в каждом случае рассмотрения в деле вопросов, содержание которых не относится к юридическому знанию и не является так называемым «обыденным знанием». По мнению автора, экспертное исследование часто носит удостоверительный характер и способствует верной интерпретации выводов суда лицами, заинтересованными в судебном разбирательстве по иску.

Ключевые слова: экспертиза, гражданское судопроизводство, исковое производство, экспертное заключение

Для цитирования: Федосеев П. С. К вопросу об обязательности назначения и проведения судебной экспертизы по гражданским делам, рассматриваемым в порядке искового производства // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 42–47.

General Research article

ON THE ISSUE OF THE OBLIGATION TO APPOINT AND CONDUCT A FORENSIC EXAMINATION IN CIVIL CASES CONSIDERED IN THE ORDER OF CLAIM PROCEEDINGS

Petr S. Fedoseev

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Volgograd, Russia, civilp@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to certain issues concerning the need for the use of expert research and the degree of its evidentiary force in cases considered in the order of claim proceedings. In connection with the existing discussion, the author comes to the conclusion that the judge is not obliged to resort to expert research in each case of consideration of issues in the case, the content of which does not relate to legal knowledge and is not so-called “ordinary knowledge”. According to the author, expert research is often of a certifying nature and contributes to the correct interpretation of the court’s conclusions by persons interested in the lawsuit proceedings.

Keywords: expertise, civil proceedings, claim proceedings, expert opinion

For citation: Fedoseev P. S. On the issue of the obligation to appoint and conduct a forensic examination in civil cases considered in the order of claim proceedings // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 3 (97). P. 42–47.

Название настоящего краткого исследования выбрано не случайно. Гражданский процесс как форма осуществления правосудия, основанная на принципе диспозитивности и состязательности, предполагает

предоставление доказательств сторонами процесса под руководством судьи, но по своей инициативе, в соответствии с личным усмотрением. Поэтому большинство процессуальных действий участников процес-

са, связанных с поддержанием их правовой позиции, носят желательный, но не обязательный характер, в том числе и ходатайство о назначении и проведении экспертизы.

Задачей суда при осуществлении гражданского судопроизводства является правильное рассмотрение и разрешение гражданских дел. Оценочная категория «правильность» может быть интерпретирована как верное применение норм материального и процессуального права, а также как всестороннее и полное исследование судом фактических обстоятельств дела, ведущее к вынесению судебного решения, обладающего законной силой. В свою очередь, законная сила судебного решения представляет собой акт правоприменения, в котором отсутствуют логические, юридические и языковые пороки.

В данной работе мы сосредоточим основное внимание на обязательности экспертного исследования исключительно в рамках искового производства, поскольку такой объект исследования обусловлен смыслом и объемом настоящей статьи. Кроме того, по нашему мнению, именно исковое производство, в силу своей состязательности, является наиболее характерным видом гражданского судопроизводства, нагляднее остальных демонстрирующим все особенности процесса доказывания. Также следует уточнить, что в настоящей статье мы не будем специально исследовать порядок применения норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), прямо устанавливающих необходимость проведения экспертизы, например, судебно-психиатрического исследования состояния лица по делам об ограничении или лишении дееспособности.

Наконец, определяя границы нашего краткого исследования, следует указать, что в нем речь пойдет о судебной экспертизе, то есть о процессуальном действии, реализуемом на этапе судебного заседания, проводимом по инициативе суда или по заявленному ходатайству лица, участвующего в деле. Заключение досудебного экспертного исследования может быть представлено в качестве

одного из средств доказывания, предъявляемого наравне с иными источниками информации по делу.

Гражданский процесс как деятельность суда, развивающаяся в соответствии с диалектикой исследования обстоятельств юридического спора, ставшего предметом искового производства, предполагает последовательное инициативное представление лицами, участвующими в деле, доказательств, формирующих у суда убеждение в обоснованности или, напротив, беспочвенности исковых требований. Надлежащее формирование убеждения возможно исключительно в условиях соблюдения судьей не только требований процессуального законодательства при рассмотрении и разрешении дела, но и правильности применения методов судебного познания в рамках каждого гражданского дела.

Судебное познание как целенаправленная интеллектуальная деятельность должна осуществляться в соответствии с правилами логики, в гносеологических пределах, обусловленных фактическими обстоятельствами рассматриваемого иска. В связи с этим отправной точкой судебного познания следует признать предмет доказывания, а установление и детализацию входящих в него событий – целью, определяющей границы доказывания.

Исследование судьей доказательств, представленных участниками процесса, должно основываться на применении к полученным сведениям об искомых в процессе фактах их качественных и количественных характеристик, задающих границы знания об обстоятельствах, имеющих значение для дела.

Качественные характеристики доказательств отражают пригодность информации, содержащейся в средствах доказывания, к использованию судьей для реконструкции событий, входящих в предмет доказывания. Среди такого рода характеристик доказательств следует назвать их относимость, допустимость и достоверность.

Относимость доказательств означает наличие логической связи у предоставляе-

мой средствами доказывания информации с доказываемыми событиями. В современной парадигме доказательственного права, в условиях господства так называемой теории свободной оценки доказательств, основанной на внутреннем убеждении судьи, степень относимости информации, содержащейся в средстве доказывания, определяет сам судья [2, с. 130].

Установленная связь между предметом доказывания и информацией, содержащейся в средствах доказывания, должна отражать процесс получения нового знания на основе уже имеющихся фактов, относимость к предмету доказывания которых у судьи не вызывает сомнения. Таким образом, свойство относимости должно означать не только содержательную соотнесенность получаемых сведений, но и их новизну, дающую возможность расширить круг сведений о доказываемых фактах.

П. М. Филиппов и А. А. Мохов предлагают сведения, относящиеся к предмету доказывания, в зависимости от содержания и способа получения классифицировать на обыденные или общеизвестные и специальные, те, которые выходят за рамки общеобразовательной программы и не являются общеизвестными, доступные для наблюдения и оценки без применения дополнительных знаний, умений или навыков [5, с. 21]. Следует в целом согласиться с высказанной точкой зрения, однако, мы полагаем, что речь идет не о специальных знаниях, которые с содержательной точки зрения являются информацией, а о способе их получения.

В зависимости от степени сложности эвристического процесса доказательственную информацию можно разделить на получаемую обыденным, чаще всего эмпирическим путем, и сведения, получаемые посредством применения специальных методов – научных или профессиональных.

Традиционно в философских исследованиях, под обыденным знанием понимается не только накопленный опыт, полученный из жизни или школьного минимума, но и мнение, основанное на эмпирических данных и здравом смысле, который иногда прямо

отождествляется с обыденным знанием [3, с. 9]. Со времен античной философии обыденное знание сравнивалось с научным знанием, и не всегда в пользу последнего. По мнению Аристотеля, именно разумность, рассудительность, здравый смысл и наличие практического опыта в определенной сфере деятельности позволяют принимать верные решения в вопросах государственной или повседневной социальной активности.

В то же время большинство знаний не могут быть получены из жизненного опыта или минимума образования, преподаваемого в рамках школьной программы. Очевидно, что развитие материальной жизни общества неотделимо от специализации научных знаний, но познать закономерности их развития невозможно без частной научной методологии, применять которую могут только получившие специальную подготовку исследователи.

Научное знание отличается от иных видов сведений по значительному ряду критериев, ставящих научное знание на более высокий качественный уровень по сравнению с другими видами информации. Например, одним из неотъемлемых признаков научного знания является его новизна, однако речь идет о степени новизны в контексте отрасли науки, а не о результате применения научной методики или инструментария для подтверждения или опровержения выдвинутой в процессе судебного разбирательства гипотезы.

Таким образом, очевидно, что специальные познания не всегда приобретают характер научного знания, поскольку их содержание может не отвечать требованиям, традиционно предъявляемым к информации, относящейся к научным знаниям, что и следует из формулировки, содержащейся в ст. 79 ГПК РФ, где научное знание перечислено в качестве одного из возможных видов источника доказательственной информации.

Представляется обоснованным вывод о том, что экспертное исследование представляет собой не столько научное изыскание в направлении, обозначенном судьей и обусловленном обстоятельствами конкретного

гражданского дела, сколько профессиональное применение полученных знаний, компетенций, методов и инструментов для подтверждения или опровержения суждений о фактах или обстоятельствах дела, входящих в предмет доказывания. Следует согласиться с А. А. Эйсманом, утверждавшим, что перед экспертом стоит задача установления новых фактов путем применения специальных познаний к имеющимся в деле фактам и установления между ними связей, обуславливающих динамику процесса доказывания [6, с. 3].

Ряд исследователей указывает на то, что к специальным познаниям не относятся общеизвестные сведения и данные правового характера. Необходимо задать вопрос: что означает общеизвестность сведений – их эмпирическая наблюдаемость, их вхождение в содержание курса школьной программы или что-то иное? Все признаки обыденного знания в принципе дискуссионные, и очевидные знания могут стать такими же неочевидными, как и любые другие.

Сведения правового характера не относятся к нуждающимся в экспертном исследовании, поскольку со времен римского права действует презумпция «суд знает право». Однако, как и любая презумпция она может быть опровергнута, более того, возможность ее опровержения потенциально содержится в нормах ГПК РФ, предоставляющих право обжаловать судебные решения по причине их незаконности [4, с. 195].

Как следует из установленного российским законодательством порядка назначения граждан на должность судей, ими являются специалисты в юриспруденции высшей квалификации, не только глубоко знающие теорию права, но и имеющие достаточный стаж юридической практики. Следовательно, большинство вопросов, возникающих в процессе судопроизводства по гражданским делам, судьи могут разрешить, используя собственные познания, не обращаясь к помощи специалистов [1]. Таким образом, для судей как профессионально подготовленных и житейски опытных людей многие знания могут носить характер обыденных. Однако

суд в процессе познания действительности, формирующей предмет доказывания, может столкнуться с многокачественными явлениями, связь которых с исходными фактами не однозначна. В связи с этим, требуется обращение к специалисту, знания которого позволяют установить генетическую или причинно-следственную связь между фактами, исключив при этом их косвенные связи, а процессуальный статус указанного специалиста, сообщает выданному им заключению характер доказательства.

Таким образом, специальными познаниями в гражданском судопроизводстве следует признать сведения о фактах, неочевидных для судьи в рамках рассматриваемого гражданского дела с учетом особенностей их возникновения, получения достоверных данных о них и отсутствия возможности подтверждения или опровержения указанных сведений другими средствами доказывания, имеющимися в деле.

Исходя из диспозитивности гражданского процесса, инициатива представления доказательств должна исходить от лиц, участвующих в деле, в тех случаях, когда сведения, представленные сторонами или изыскиваемые по их инициативе, нуждаются в профессиональном исследовании и последующей интерпретации, полученной из этого исследования информации. Таким образом, экспертное заключение должно быть доступным для восприятия, в связи с этим А. А. Эйсман обоснованно утверждал, что основным адресатом информации, содержащейся в экспертном заключении, является в конечном итоге все общество, а не только профессиональные юристы.

Предпосылками проведения судебной экспертизы по гражданскому делу являются:

1. Инициатива участников процесса, направленная на изыскание, исследование и оценку обстоятельств, имеющих значение для дела путем применения специальных познаний.

2. Непреодолимая в рамках данного разбирательства неосведомленность судьи о природе или процессах происхождения, формирования или изменения феноменов,

информация о которых содержится в средствах доказывания, относимых к данному делу.

3. Невозможность интерпретировать иным, кроме экспертного исследования, способом фактов и обстоятельств, входящих в предмет доказывания и имеющих существенное значение для дела.

4. Отсутствие иных сведений, относящихся к предмету доказывания, опровергающих или подтверждающих факты, сведения о которых нуждаются в экспертном исследовании и находятся в логической связи с последними.

5. Характер рассматриваемого дела, отнесенность рассматриваемых обстоятельств к подлежащим обязательному экспертному исследованию, например, дела о признании лица недееспособным в связи с имеющимся у него психиатрическим заболеванием.

В соответствии с основной задачей судопроизводства по гражданским делам – правильного рассмотрения и разрешения гражданских дел – следует признать, что назначение экспертного исследования в рамках искового судопроизводства необходимо не только и не столько в тех случаях, когда в процессе рассмотрения дела возникают вопросы, выходящие за рамки

юриспруденции или специальных знаний, но и в ситуациях, когда необходимо, чтобы оценка доказательств, проведенная судом, имела свойство доступности, то есть могла быть правильно воспринята и интерпретирована участниками процесса, а также обеспечивала последовательность и непротиворечивость понимания заинтересованными лицами выводов, сделанных судьей при постановке решения.

Таким образом, в силу диалектичности развития судопроизводства по гражданскому делу, заключающейся в движении судебного познания от сведений, имеющихся на начальном этапе разбирательства, характеризующихся дефицитом информации и меньшей категоричностью суждений о фактах, к вынесению решения по делу, представляющего собой окончательный, непротиворечивый, логически аргументированный вывод о разрешении спора, судья, обеспечивая выполнение задач судопроизводства по гражданским делам, а также основываясь на принципе равной силы всех представленных доказательств, вправе самостоятельно определять степень необходимости назначения экспертизы по гражданскому делу и оценивать ее результаты без предубеждения к их доказательственной силе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О судебном решении : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 2.
2. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М. : Госюриздат, 1950.
3. Пукшанский Б. Я. Обыденное знание. Л. : Изд. ЛГУ, 1987.
4. Терентьева Л. В. Общеправовая презумпция *jura novit curia* и отраслевая презумпция *jura aliena novit curia* международного гражданского процесса // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 3. С. 195.
5. Филиппов П. М., Мохов А. А. Использование специальных знаний в судопроизводстве России. Волгоград, 2003.
6. Эйсман А. А. Заключение эксперта (Структура и научное обоснование). М. : Юридическая литература. 1967. С. 3.

REFERENCES

1. On the court decision : Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 19, 2003 No. 23 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2004. No. 2. (In Russ.)
2. Vyshinsky A. Ya. The theory of judicial evidence in Soviet law. M. : Gosjurizdat, 1950. (In Russ.)
3. Pukshansky B. Ya. Ordinary knowledge. L. : Ed. Leningrad State University, 1987. (In Russ.)

4. Terentyeva L. V. General legal presumption *jura novit curia* and branch presumption *jura aliena novit curia* of international civil procedure // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2018. No. 3. P. 195. (In Russ.)

5. Filippov P. M., Mokhov A. A. Use of special knowledge in legal proceedings in Russia. Volgograd, 2003. (In Russ.)

6. Eisman A. A. Expert opinion (Structure and scientific justification). M. : Legal literature. 1967. P. 3. (In Russ.)

Информация об авторе:

Федосеев П. С., кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

Fedoseev P. S., Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 08.07.2022; одобрена после рецензирования 02.08.2022; принята к публикации 23.09.2022.

The article was submitted 08.07.2022; approved after reviewing 02.08.2022; accepted for publication 23.09.2022.

Научная статья
УДК 343.352.4(470)

**ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА МЕЛКОЕ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО**

Михаил Михайлович Алафьев

Сибирский юридический университет, Омск, Россия, alafevmikhail@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются вопросы о возможности дифференциации уголовной ответственности за мелкое взяточничество в зависимости от формы деяния – получения и дачи взятки в размере, не превышающем 10 тысяч рублей, а также наличия квалифицирующих признаков, используемых законодателем в нормах, предусмотренных ст. ст. 290, 291, 291.2 УК РФ. Отдельное внимание уделено определению статуса состава взяточничества «за незаконные действия (бездействие)» и обоснованности установления за него уголовной ответственности. Анализ научной литературы, норм российского уголовного законодательства об ответственности за взяточничество в их историческом развитии, судебной практики и статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации позволил дать автору положительные ответы на поставленные вопросы и предложить собственный вариант ст. 291.2 УК РФ «Мелкое взяточничество».

Ключевые слова: мелкое взяточничество, дифференциация уголовной ответственности, квалифицирующие признаки, совершенствование уголовно-правовой нормы, получение взятки, дача взятки

Для цитирования: Алафьев М. М. Дифференциация уголовной ответственности за мелкое взяточничество // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 48–55.

Original article

**DIFFERENTIATION OF CRIMINAL LIABILITY
FOR PETTY BRIBERY**

Michael M. Alafyev

Siberian Law University, Omsk, Russia, alafevmikhail@mail.ru

Annotation. The article examines the issues of the possibility of differentiation of criminal liability for petty bribery depending on the form of the act – receiving and giving a bribe in an amount not exceeding 10 thousand rubles, as well as the presence of qualifying signs used by the legislator in the norms provided for in Articles 290, 291, 291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. Special attention is paid to determining the status of bribery “for illegal actions (inaction)” and the validity of establishing criminal liability for it. The analysis of the scientific literature, the norms of the Russian criminal legislation on responsibility for bribery in their historical development, judicial practice and statistical data of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation allowed the author to give positive answers to the questions posed and offer his own version of Article 291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation “Petty bribery”.

Keywords: petty bribery, differentiation of criminal responsibility, qualifying signs, improvement of the criminal law norm, taking a bribe, giving a bribe

For citation: Alafyev M. M. Differentiation of criminal liability for petty bribery // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 3 (97). P. 48–55.

Дифференциация уголовной ответственности за мелкое взяточничество является

важнейшим направлением совершенствования правовой регламентации ответственности

© Алафьев М. М., 2022

ности за данное преступление. В основном критика выделения самостоятельной нормы о мелком взяточничестве и ее действующей редакции связана именно с ненадлежащей дифференциацией уголовной ответственности [1, с. 83; 2, с. 41]. Еще в 2018 г. Президент Российской Федерации поручил подготовить предложения по совершенствованию уголовного закона в части, касающейся установления дополнительных квалифицирующих признаков мелкого взяточничества [3], однако эта задача до сих пор не решена.

Дифференциация уголовной ответственности может осуществляться путем закрепления в качестве самостоятельных преступлений однородных деяний, отличающихся одним или несколькими признаками. Применительно ко взяточничеству законодатель установил самостоятельную ответственность за получение, дачу взятки, посчитав общественную опасность указанных деяний неравнозначной. Однако в рамках мелкого взяточничества подобная дифференциация уголовной ответственности осуществлена не была, что вызывает критику в научной литературе и предложения установить ответственности за дачу взятки в части первой ст. 291.2 УК РФ с более мягкой санкцией,

чем за получение взятки, ответственность за совершение которой, в свою очередь, следует установить в ч. 2 указанной статьи [4, с. 69; 5, с. 48; 6, с. 141].

Российский законодатель в различные исторические периоды получение и дачу взятки рассматривал как самостоятельные преступления, причем за первое деяние предусматривалось более строгое наказание. Исключение составляет УК РСФСР 1926 г.: получение взятки наказывалось до 2 лет лишения свободы (ст. 117), а дача взятки – до 5 лет лишения свободы (ст. 118).

Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2021 г. о практике назначения наказания позволяют сделать вывод о том, что получение взятки наказывается строже, чем получение (при прочих одинаковых признаках состава преступления). Наглядно это можно представить в таблице 1 (сравниваем только наказания за преступления, предусмотренные теми частями статей 290 и 291 УК РФ, которые содержат сходные признаки).

Наиболее распространенными наказаниями, назначаемыми за рассматриваемые преступления, являются лишение свободы,

Таблица 1 – Количество осужденных за получение и дачу взятки с назначением конкретных видов наказаний, в том числе условно, и освобожденных от наказания в 2021 г.

Статьи УК РФ	Всего осуждено	К лишению свободы	К лишению свободы условно	К исправительным работам	К штрафу	К иным наказаниям, назначенные условно	Освобождено от наказания
ч. 1 ст. 290	30	0	1 (3 %)	3 (10 %)	21 (70 %)	1 (3 %)	4 (14 %)
ч. 1 ст. 291	277	10 (4 %)	9 (3 %)	22 (8 %)	229 (83 %)	0	7 (2 %)
ч. 2 ст. 290	138	29 (21 %)	67 (49 %)	0	41 (30 %)	0	1
ч. 2 ст. 291	109	6 (6 %)	20 (18 %)	7 (7 %)	73 (67 %)	0	2 (2 %)
ч. 3 ст. 290	450	95 (21 %)	241 (54 %)	0	114 (25 %)	0	0
ч. 3 ст. 291	1333	141 (10,5 %)	569 (43 %)	1	600 (45 %)	0	22 (1,5 %)
ч. 6 ст. 290	129	109 (85 %)	6 (5 %)	0	13 (10 %)	0	0
ч. 5 ст. 291	38	17 (45 %)	3 (8 %)		17 (45 %)	0	1 (2 %)

в том числе условно, а также штраф. Сравнение практики назначения наказания за квалифицированные виды получения и дачи взятки показывают, что доля лишения свободы (реального и условного) за первый вид преступления больше, чем за второй, а доля штрафа – наоборот, то есть получение взятки наказывается строже, чем дача (при одинаковых квалифицирующих признаках).

Практика назначения наказания за указанные преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 290 и ч. 1 ст. 291 УК РФ, не столь показательна. Штраф как более мягкий вид наказания назначается за дачу взятки чаще, чем за получение, что подтверждает ранее сделанный вывод. А вот лишение свободы более распространено, как ни странно, в отношении дачи взятки, но его доля тоже мала – 4 %.

Учитывая сказанное, можно признать, что получение взятки оценивается и законодателем, и судами как более общественно опасное деяние, чем дача взятки. Данное различие в общественной опасности должно, на наш взгляд, быть учтено в норме о мелком взяточничестве.

Наиболее перспективным средством дифференциации являются квалифицирующие признаки. В уголовно-правовой литературе основным недостатком нормы о мелком взяточничестве называют именно отсутствие квалифицирующих признаков, используемых законодателем при дифференциации уголовной ответственности за получение и дачу взятки [7, с. 133; 4, с. 69].

Квалифицирующими признаками, общими для получения и дачи взятки, не связанными с ее размером, являются:

- за незаконные действия (бездействие);
- группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

К специфическим квалифицирующим признакам только получения взятки относятся:

- совершение указанного деяния лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления;

– с вымогательством взятки.

История развития норм о взяточничестве в отечественном уголовном праве свидетельствует о том, что законодатель в разные исторические периоды устанавливал разное по тяжести наказание в зависимости от того, за законные или незаконные деяния получалась взятка. В дореволюционном праве даже существовали различные термины для обозначения указанных видов получения взятки: мздоимство и лихоимство.

Впрочем, некоторыми учеными высказываются сомнения в обоснованности дифференциации уголовной ответственности за взяточничество по данному признаку. Предлагается исключить этот признак из ст. 290 УК РФ [8, с. 19]. Основным аргумент в том, что в абсолютном большинстве случаев (97 % от изученных уголовных дел) взятка получается именно за незаконное поведение должностного лица. В виду этого степень общественной опасности основного и квалифицированного составов преступлений является идентичной [8, с. 19]. Отметим, что и законодатель некоторых зарубежных стран постсоветского пространства не выделяет рассматриваемый признак в качестве квалифицирующего либо и к получению, и даче взятки (их аналогам) (Беларусь, Украина, Молдова и др.), либо только к получению взятки (Грузия). Н. А. Бабий так объяснил исключение анализируемого квалифицирующего признака из ст. 430 УК Республики Беларусь: «...практика показала ошибочность выделения данного квалифицирующего признака, поскольку основная масса взяток дается для того, чтобы побудить чиновника обойти закон. В итоге ч. 1 ст. 430 УК Республики Беларусь оказалась редко применяемой, а наказуемость основной массы мелких взяток – существенно завышенной» [9, с. 89].

Действительно, всем известно правило: «обстоятельства, которым придается статус квалифицирующих признаков, не должны быть нормой для большинства преступлений с основным составом» [10, с. 183].

Вместе с тем, вопрос о том, являются ли получение, дача взятки за незаконные

действия (бездействие) квалифицированными составами представляется спорным. Решающим аргументом в пользу признания рассматриваемого состава квалифицированным, по мнению В. Н. Боркова, является использование законодателем в ч. 3 ст. 290 и ч. 3 ст. 291 УК РФ слова «взятка», о которой можно говорить только при условиях, описанных в ч. 1 ст. 290 УК РФ [11, с. 78].

Следует заметить, что диспозиции ч. 3 ст. 290 УК РФ и ч. 3 ст. 291 УК РФ сформулированы не как у квалифицированных составов – начинаются не со слов: «деяния, предусмотренные...», а со слов: «получение взятки...», «дача взятки...». Этот прием законодательной техники дает основание многим ученым отстаивать тезис о том, что получение и дача взятки за незаконные действия (бездействие) является основным составом взяточничества наряду с составами, предусмотренными ч. 1 ст. 290 и ч. 1 ст. 291 УК РФ. Так, П. С. Яни подчеркивает, что взяточничество за незаконные действия (бездействие) не является квалифицированным составом [12, с. 18].

Для того, чтобы признать рассматриваемый состав преступления квалифицированным, необходимо чтобы ему были присущи все признаки основных составов. Однако, очевидно, такой вид обуславливающего взятку поведения должностного лица, как действия (бездействие), входящие в служебные полномочия должностного лица, являющийся признаком основного состава взяточничества не может присутствовать в преступлении, предусмотренном ч. 3 ст. 290 или ч. 3 ст. 291 УК РФ. Попустительство и покровительство – частные случаи незаконных действий, поэтому нормы, предусмотренные соответственно ч. 1 ст. 290 и ч. 3 ст. 290 УК РФ (ч. 1 ст. 291 и ч. 3 ст. 291 УК РФ) соотносятся как специальная и общая, а не наоборот. Квалифицированный состав – это всегда специальная норма. Поэтому получение (дача) взятки за незаконные действия (бездействие) не является квалифицированной применительно к получению (даче) взятки за попустительство или покровительство. В ч. 1 ст. 290 УК РФ

не говорится, каким действиям (законным или незаконным) должностное лицо может способствовать в силу своего должностного положения. Однако, если толковать эту норму с учетом положения ч. 3 ст. 290, то ч. 1 ст. 290 УК РФ охватывает только законные действия (бездействие). Учитывая сказанное, полагаем, что ч. 3 ст. 290 и ч. 3 ст. 291 УК РФ содержат основные составы преступлений, в связи с чем высокая распространенность взяточничества за незаконные действия (бездействие) не может служить контраргументом выделения указанного деяния в самостоятельный состав, в том числе если взятка не превышает 10 тысяч рублей. К тому же приведенные выше цифры (97 % взяточничества за незаконные действия (бездействия) не соответствуют официальной статистике). Это наглядно видно из таблицы 2.

Если принять во внимание, что по чч. 1–2 ст. 290 и чч. 1–2 ст. 291 УК РФ не могут быть квалифицированы случаи взяточничества за незаконные действия, то доля получения и дачи взятки за незаконные действия не может быть выше 85 % и 80 % соответственно (если же предположить, что среди преступлений, предусмотренных чч. 4–6 ст. 290 или чч. 4–5 ст. 291 УК РФ, есть случаи получения (дачи) взятки за законные действия, то указанный процент будет еще ниже). А это уже совсем другая картина, в отличие от той, которую представил П. В. Никонов. Анализ судебной практики за мелкое взяточничество показывает, что доля данного преступления, совершаемого за незаконные действия, составила 83 %, что соответствует указанной статистике.

Принимая во внимание сказанное, считаем, что не существует препятствий для усиления уголовной ответственности за мелкое взяточничество, когда взятка в размере, не превышающем 10 тысяч рублей, дается (получается) за незаконные действия (бездействие).

Квалифицирующим признаком получения и дачи взятки является совершение указанных преступлений группой лиц по предварительному сговору или организованной

Таблица 2 – Количество осужденных по ст.ст. 290 и 291 УК РФ за 2021 г.

Статья УК РФ	Осуждено (человек)	% от общего числа осужденных за получение взятки	Статья УК РФ	Осуждено (человек)	% от общего числа осужденных за дачу взятки
ч. 1 ст. 290	30	15 %	ч. 1 ст. 291	277	20 %
ч. 2 ст. 290	138		ч. 2 ст. 291	109	
ч. 3 ст. 290	450	85 %	ч. 3 ст. 291	1333	80 %
ч. 4 ст. 290	6		ч. 4 ст. 291	178	
ч. 5 ст. 290	365		ч. 5 ст. 291	38	
ч. 6 ст. 290	129				
Итого по ст. 290	1118	100 %	Итого по ст. 291	1935	100 %

группой. Необходимость данного квалифицирующего признака применительно к мелкому взяточничеству не вызывает сомнений, поскольку совершение преступления в соучастии, безусловно, повышает его общественную опасность. Отметим, несмотря на то, что организованная группа – более общественно опасный вид соучастия, чем группа лиц по предварительному сговору, относить данные виды групп в разные части ст. 291.2 УК РФ нецелесообразно по следующим соображениям:

- в ст.ст. 290 и 291 УК РФ законодатель этого не сделал, а подход к конструированию однородных норм должен быть единым;

- данные признаки при мелком взяточничестве имеют относительно небольшую распространенность, если их разделить, то применение соответствующих пунктов будет крайне редким;

- выделение разновидностей групп в разные признаки, неоправданно усложнит структуру нормы, что ввиду отнесения мелкого взяточничества к преступлению небольшой тяжести не имеет особого смысла.

Важен вопрос о том, какое место данный признак должен занять в статье 291.2 УК РФ. В идеале он должен отягчать ответственность за мелкое взяточничество, в том числе совершенное за незаконные действия. Применительно к получению мелкой взятки (выше нами обосновывалась необходимость

дифференциации уголовной ответственности за формы данного деяния – дачу и получение) этот принцип удастся реализовать, поскольку у получения взятки есть иные квалифицирующие признаки. А вот у дачи мелкой взятки других квалифицирующих признаков нет, и для того, чтобы ст. 291.2 УК РФ не была слишком объемной, считаем возможным поместить данный признак в одну часть с признаком «за совершение заведомо незаконных действий (бездействие)». Такой вариант уже реализован законодателем в ч. 3 ст. 204 УК РФ.

Еще один квалифицирующий признак, присущий только получению взятки, в том числе мелкой, – «с вымогательством взятки».

Данный признак традиционно рассматривается в качестве квалифицирующего применительно к получению взятки. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. в ст. 377 закрепляло положение, согласно которому «высшей степенью лихоимства почитается вымогательство». Уголовное уложение 1903 г. предусматривало более строгое наказание (заключение в исправительном доме) в случаях:

- если служащим получена взятка, вынужденная им посредством притеснения по службе или угрозой таковым (ч. 3 ст. 657);

- если виновный производил незаконные поборы, вымогая оные посредством

притеснения по службе или угрозой таким (ч. 2 ст. 658).

В УК РСФСР 1922 г., 1926 г., 1960 г. рассматриваемый квалифицирующий признак был сформулирован соответственно как: «допущение вымогательства или шантажа» и «с применением со стороны принявшего взятку вымогательства», «сопряженные с вымогательством взятки».

В судебной практике по делам о мелком взяточничестве также есть случаи совершения указанного деяния с вымогательством взятки.

Так, Б., являясь должностным лицом, выполняющим организационно-распорядительные функции в Вооруженных Силах Российской Федерации, потребовал от находящегося в его подчинении командира части П. передачи денег под угрозой создания для него и его подчиненных невыносимых условий службы, а также содействия их переводу на низшие воинские должности либо вовсе увольнению с военной службы. П. неоднократно передавал требуемые суммы денег, превышающие 10 тысяч рублей. В один из дней Б. потребовал передать ему уют, повторил те же угрозы. Суд признал Б. виновным в совершении пяти преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ, и преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 291.2 УК РФ. При этом исключил из объема предъявленного Б. обвинения в совершении мелкого взяточничества сведения о том, что деяние совершено о с вымогательством взятки, объяснив это только тем, что данный признак диспозицией статьи 291.2 УК РФ либо ст. 63 УК РФ как обстоятельства, отягчающие наказание, вовсе не предусмотрен [13].

Получается, что суд при назначении наказания за мелкое взяточничество не учел факт вымогательства взятки только на основе формального момента – отсутствие такого признака в ст. 291.2 УК РФ и ст. 63 УК РФ. На наш взгляд, эта ситуация также может служить аргументом в пользу дополнения ст. 291.2 УК РФ рассматриваемым квалифицирующим признаком.

Считаем также возможным использовать при дифференциации уголовной ответ-

ственности за мелкое взяточничество в форме получения взятки совершение указанного деяния лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления. Подобное мнение высказывалось в научной литературе [14, с. 123].

Примеров мелкого взяточничества, совершенного главами органа местного самоуправления, немало [15]. Случаев совершения мелкого взяточничества лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, мы в судебной практике не нашли. Впрочем, распространенность данного признака применительно к получению взятки также не высока. Ранее мы приводили данные, что в 2021 г. по ч. 4 ст. 290 УК РФ было осуждено 6 человек. Вместе с тем, видоизменять указанный признак применительно к мелкому взяточничеству, оставляя в содержании признака только глав органа местного самоуправления, вряд ли правильно, так как применительно к составам получения взятки (ст. ст. 290 и 291.2 УК РФ) квалифицирующие признаки должны иметь одинаковую редакцию. Полагаем, что данный признак должен быть размещен в одной части 291.2 УК РФ с такими признаками, как «группой лиц по предварительному сговору или организованной группой» и «с вымогательством взятки».

Обобщая сказанное по вопросу о дифференциации уголовной ответственности за мелкое взяточничество, предлагаем следующую редакцию ст. 291.2 УК РФ.

Статья 291.2. Мелкое взяточничество.

1. Дача взятки в размере, не превышающем десяти тысяч рублей, –
наказывается...

2. Дача взятки в размере, не превышающем десяти тысяч рублей, за совершение заведомо незаконных действий (бездействие), а равно группой лиц по предварительному сговору или организованной группой –
наказывается...

3. Получение взятки в размере, не превышающем десяти тысяч рублей, – наказывается...

4. Получение взятки в размере, не превышающем десяти тысяч рублей, за совершение заведомо незаконных действий (бездействие) – наказывается...

5. Деяния, предусмотренные частями четвертой и пятой настоящей статьи, если они совершены:

а) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

б) с вымогательством взятки;

в) лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления, наказывается...

6. Деяния, предусмотренные частями первой-пятой настоящей статьи, совершенные лицом, имеющим судимость за совершение преступлений, предусмотренных статьями 290, 291, 291.1, 291.2 настоящего Кодекса, – наказывается...

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Борков В. Н. Новый способ получения взятки и реабилитации «мелких» взяточников // Современное право. 2017. № 1. С. 81–86.
2. Кондрашова Т. В. Специальные составы взятки и смежные с ними составы преступления: сходство и различие // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 1. С. 37–47.
3. Национальный план противодействия коррупции на 2018–2020 гг. : утв. Указом Президента Российской Федерации от 29 июня 2018 г. № 378 (подп. а. п. 39) // Доступ из справ.-прав. системы «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301352/68cf52fe8ff8a6a13a2b0f10d3562f77aa6019bb/ (дата обращения: 17.04.2022).
4. Никонов П. В. Некоторые проблемы квалификации мелкого взяточничества (ст. 291.2 УК РФ) // Сибирский юридический вестник. 2018. № 3. С. 67–74.
5. Коваль А. В. Дифференциация ответственности за взяточничество в Уголовном кодексе Российской Федерации: проблемы и перспективы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 3. С. 43–49.
6. Протасова А. Г. Криминализация мелкого коммерческого подкупа и мелкого взяточничества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1. С. 136–142.
7. Борков В. Н., Спиридонов А. П. Борьба с коррупцией путем ослабления уголовной репрессии не может быть успешной // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 2. С. 129–134.
8. Никонов П. В. Уголовно-правовая характеристика получения взятки : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2005. 26 с.
9. Бабий Н. А. Квалификация взяточничества по уголовному праву Беларуси и России : монография. М. : Юрлитинформ, 2014. 720 с.
10. Кругликов Л. Л., Василевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. 300 с.
11. Борков В. Н. Получение взятки: вопросы квалификации : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. 183 с.
12. Яни П. С. Вопросы квалификации взяточничества // Законность. 2013. № 3. С. 16–21.
13. Приговор Читинского гарнизонного военного суда (Забайкальский край) № 1-3/2019 1-91/2018 от 22 апреля 2019 г. по делу № 1-53/2018. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/gRtRzG6EMwYu/> (дата обращения: 17.04.2022).
14. Гришин Д. А. Вопросы уголовной ответственности за мелкое взяточничество лицами, занимающими должности государственной и муниципальной службы Российской Федерации // Муниципалитет: Экономика и управление. 2018. № 4. С. 123.
15. Приговор Алтайского районного суда (Республика Хакасия) № 1-125/2017 1-9/2018 от 4 июля 2018 г. по делу № 1-125/2017. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/MqrhHGsrWtLh/> (дата обращения: 17.04.2022).

REFERENCES

1. Borkov V. N. A new way to receive a bribe and rehabilitate “small” bribe-takers // *Modern law*. 2017. No. 1. P. 81–86. (In Russ.)
2. Kondrashova T. V. Special elements of a bribe and related elements of a crime: similarities and differences // *Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2020. No. 1. P. 37–47. (In Russ.)
3. National anti-corruption plan for 2018–2020 : approved. Decree of the President of the Russian Federation of June 29, 2018 No. 378 (signed a. p. 39) // Access from the reference-rights. “Consultant Plus” system. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301352/68cf52fe8ff8a6a13a2b0f10d3562f77aa6019bb/ (date of access: 17.04.2022). (In Russ.)
4. Nikonov P. V. Some problems of qualifying petty bribery (Article 291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) // *Siberian Legal Bulletin*. 2018. No. 3. P. 67–74. (In Russ.)
5. Koval A. V. Differentiation of liability for bribery in the Criminal Code of the Russian Federation : problems and prospects // *Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2017. No. 3. P. 43–49. (In Russ.)
6. Protasova A. G. Criminalization of petty commercial bribery and petty bribery // *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019. No. 1. P. 136–142. (In Russ.)
7. Borkov V. N., Spiridonov A. P. The fight against corruption by weakening criminal repression cannot be successful // *Bulletin of the Siberian Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019. No. 2. P. 129–134. (In Russ.)
8. Nikonov P. V. Criminal-legal characteristics of receiving a bribe : auto-ref. dis. ... cand. legal sciences. Irkutsk, 2005. 26 p. (In Russ.)
9. Babiy N. A. Qualification of bribery in the criminal law of Belarus and Russia : monograph. M. : Yurlitinform, 2014. 720 p. (In Russ.)
10. Kruglikov L. L., Vasilevsky A. V. Differentiation of responsibility in criminal law. SPb. : Publishing House “Legal Center Press”, 2002. 300 p. (In Russ.)
11. Borkov V. N. Receiving a bribe: questions of qualification : dis. ... cand. legal Sciences. Omsk, 2002. 183 p. (In Russ.)
12. Yani P. S. Questions of qualification of bribery // *Legitimacy*. 2013. No. 3. P. 16–21. (In Russ.)
13. Judgment of the Chita Garrison Military Court (Trans-Baikal Territory) No. 1-3/2019 1-91/2018 dated April 22, 2019 in case No. 1-53/2018. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/gRtRzG6EMwYu/> (date of access: 17.04.2022). (In Russ.)
14. Grishin D. A. Issues of criminal liability for petty bribery by persons holding positions of state and municipal service of the Russian Federation // *Municipality: Economics and Management*. 2018. No. 4. P. 123. (In Russ.)
15. Sentence of the Altai District Court (Republic of Khakassia) No. 1-125/2017 1-9/2018 dated July 4, 2018 in case No. 1-125/2017. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/MqrhHGsrWtLh/> (date of access: 17.04.2022). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.07.2022; одобрена после рецензирования 02.08.2022; принята к публикации 23.09.2022.

The article was submitted 06.07.2022; approved after reviewing 02.08.2022; accepted for publication 23.09.2022.

Научная статья
УДК 343.974:343.34(470)

О ПРОБЛЕМАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОЯВЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Александр Александрович Долгополов¹, Анна Викторовна Белоконь²,
Надежда Константиновна Кустова³

¹ Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина,
Краснодар, Россия, aadolgopolov1@mail.ru

^{2,3} Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия

² avbelokon1@mail.ru

³ raf-83@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы противодействия проявлениям экстремизма в Российской Федерации. Приводятся угрожающие факторы распространения экстремизма. Авторы обращают внимание на меры, направленные на профилактику преступлений данной категории в Краснодарском крае.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, экстремистские проявления, противодействие экстремизму

Для цитирования: Долгополов А. А., Белоконь А. В., Кустова Н. К. О проблемах противодействия проявлениям экстремизма в Российской Федерации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 56–61.

Original article

ON THE PROBLEMS OF COUNTERING MANIFESTATIONS OF EXTREMISM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Alexander A. Dolgoplov¹, Anna V. Belokon², Nadezhda K. Kustova³

¹ Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin,
Krasnodar, Russia, aadolgopolov1@mail.ru

^{2,3} Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

² avbelokon1@mail.ru

³ raf-83@mail.ru

Abstract. The article deals with the problems of countering manifestations of extremism in the Russian Federation. Threat-forming factors to counter extremism are given. The authors draw attention to measures aimed at preventing crimes of this category in the Krasnodar Territory.

Keywords: extremism, terrorism, extremist manifestations, countering extremism

For citation: Dolgoplov A. A., Belokon A. V., Kustova N. K. On the problems of countering manifestations of extremism in the Russian Federation // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 3 (97). P. 56–61.

В результате политико-экономических событий, лавинообразной миграции из зон военных конфликтов в мире значительно обострились межнациональные отношения. Ситуация осложняется попытками

проникновения на территорию России различных групп и организаций, занимающихся экстремистской и террористической деятельностью. Эта проблема особенно актуальна в Краснодарском крае, который

© Долгополов А. А., Белоконь А. В., Кустова Н. К., 2022

является одним из самых многонациональных регионов России и мира. Кроме того, экономические, социальные и политические факторы на фоне проведения специальной военной операции в Украине могут быть использованы некоторыми социальными группами в целях осложнения межнациональных отношений.

Правовую основу противодействия экстремизму составляет, прежде всего, законотворческая деятельность государства. основополагающими документами в сфере борьбы с экстремизмом на федеральном уровне являются Федеральные законы от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [1], от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [2], которые раскрывают понятие «экстремизм», «терроризм», определяют правовые и организационные основы по противодействию такого рода преступлениям и правонарушениям.

В 2012 году Указом Президента Российской Федерации была утверждена Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года [3], которая в качестве центрального направления деятельности государства в сфере национальной безопасности Российской Федерации определила деятельность по гармонизации межнациональных (межэтнических) отношений, профилактику экстремизма и предупреждение конфликтов на национальной и религиозной почве.

Кроме того, в 2020 году Указом Президента Российской Федерации утверждена Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года [4], установившая приоритетные направления по борьбе с указанными преступлениями и правонарушениями. Внесены соответствующие изменения и дополнения в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, предусматривающие ответственность за противоправные действия экстремистского и террористического характера.

Кроме федерального уровня, весьма значимой деятельностью является организация противодействия экстремизму в регионах страны, которая позволяет привлечь к борьбе с экстремизмом и терроризмом широкие круги населения, обеспечить профилактику таких видов преступлений и правонарушений. Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации наделены рядом полномочий в области противодействия терроризму. В частности, к ним относятся полномочия по организации разработки и реализации мер, а также государственных программ субъекта Российской Федерации в области профилактики терроризма, минимизации и ликвидации последствий его проявлений. Органы местного самоуправления также являются субъектами противодействия экстремистской деятельности. Они в пределах своей компетенции осуществляют профилактические, в том числе воспитательные, пропагандистские меры, направленные на предупреждение экстремистской деятельности, а также реализуют муниципальные программы в области предупреждения терроризма.

В решении названных проблем органы региональной и муниципальной власти Краснодарского края во взаимодействии с правоохранительными органами проводят значительную работу. Вопросы противодействия терроризму и экстремизму на территории края находятся под постоянным контролем различных силовых структур, органов государственной власти и местного самоуправления. К примеру, в 2014 году принято постановление администрации муниципального образования города Краснодара от 15 октября 2014 г. № 7471 «Об утверждении муниципальной программы муниципального образования город Краснодар «Развитие гражданского общества», которое утвердило три подпрограммы, одной из которых является «Гармонизация межнациональных отношений и профилактика терроризма и экстремизма».

Основная цель данной подпрограммы состоит в гармонизации межнациональных отношений и профилактике терроризма и

экстремизма, участия в мероприятиях по обеспечению соблюдения населением и организациями на территории муниципального образования города Краснодара требований законодательства. Для достижения этой цели подпрограммой предусматривается решение следующих задач: распространение идей гражданского единства российской нации, межнационального мира и согласия, укрепление общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания); воспитание у молодежи культуры межнационального общения, формирование гражданской ответственности, чувства гордости за историю России; взаимодействие с институтами гражданского общества в области гармонизации межнациональных отношений, профилактики проявлений экстремизма, сохранения и развития национальных культур народов, проживающих в муниципальном образовании городе Краснодаре; создание условий для укрепления правопорядка, профилактики правонарушений и терроризма.

В крае, в связи с проведением специальной военной операции в Украине, осуществляются дополнительные меры, направленные на противодействие проявлениям терроризма и экстремизма, которые, в частности, отражены в решениях Антитеррористической комиссии в Краснодарском крае от 2 марта 2022 г. № 125. Так, приняты решения о необходимости разработки дополнительных мер, направленных на обеспечение антитеррористической и противодиверсионной защиты стратегически важных объектов, в том числе отраслей топливно-энергетического комплекса, жилищно-коммунального хозяйства и транспорта, а также корректировки выработанной в регионе методики профилактической работы, в том числе в молодежной среде.

Об актуальности проблем, связанных с противодействием экстремизму и терроризму в Краснодарском крае, свидетельствуют результаты этой работы в прошедшем году. Так, на территории Краснодарского края в 2021 году выявлено 26 преступлений экстремистской направленности, расследовано

и направлено в суд 22 уголовных дела по преступлениям экстремистского характера, объявлено 3 официальных предостережения за участие в деятельности организации, признанной террористической в соответствии с законодательством Российской Федерации. Также в 2021 году в крае возбуждено 37 уголовных дел по фактам совершения деяний террористической направленности. В процессе проводимой работы по информационному противодействию экстремистским проявлениям в открытых информационно-телекоммуникационных источниках выявлено 350 материалов экстремистского содержания, в том числе 57 материалов, ранее внесенных в федеральный список Минюста России по решениям судов [5].

Кроме того, на территории края в ходе мероприятий по розыску в пассажиропотоке задержаны 7 выходцев из Центральной Азии, причастных к деятельности международных террористических организаций. Фигуранты выдворены в страны исхода с информированием национальных спецслужб и закрытием им дальнейшего въезда в Россию. Пресечена деятельность 2 лиц, готовивших активные акции террористического и экстремистского характера «колумбайновской» направленности (другое название – «Скулшутинг»). Первый подозреваемый в г. Сочи собирался подорвать в учебном заведении самодельное взрывное устройство, второй подозреваемый в г. Анапа планировал застрелить одноклассников из огнестрельного оружия. Здесь следует подчеркнуть, что в сети Интернет выявлено почти 700 сообществ, созданных для пропаганды движение «Колумбайн» (запрещено и признано террористическим в Российской Федерации) [6]. Об этом 25 апреля 2022 года на расширенной коллегии Генпрокуратуры России сообщил Генеральный прокурор Российской Федерации И. В. Краснов.

Кроме того, постановлением главы администрации (губернатора) Краснодарского края и постановлениями муниципальных образований Краснодарского края созданы соответствующие антитеррористические комиссии, решения которых являются обя-

зательными для исполнения гражданами, должностными и юридическими лицами. Важно отметить, что неисполнение или нарушение решений Антитеррористической комиссии в Краснодарском крае и антитеррористических комиссий в муниципальных образованиях Краснодарского края, принятых в пределах их компетенции, предусматривает административную ответственность по ст. 4.16 Закона Краснодарского края от 23 июля 2003 г. № 608-КЗ «Об административных правонарушениях» и влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей, на должностных лиц – от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей, на юридических лиц – от ста пятидесяти тысяч до пятисот тысяч рублей [7].

К сожалению, несмотря на принимаемые меры, в Краснодарском крае сохраняется угроза радикализации населения, наблюдается рост протестных настроений и активизация радикальных экстремистских сообществ по подготовке и совершению террористических посягательств.

Формы и методы вовлечения граждан Российской Федерации в преступную деятельность, связанную с экстремизмом, можно рассмотреть на примере жительницы Кубани гражданки Т., ставшей на преступный путь, решив вступить в запрещенную террористическую организацию «Хайят Тахрир-Шам» (запрещенная в Российской Федерации). Морально-психологическое воздействие на эту женщину со стороны экстремистски настроенных субъектов привело к тому, что она пыталась вовлечь в преступную деятельность своего несовершеннолетнего сына. С помощью соответствующего аудио-видео-контента из интернета, тематической литературы и личных бесед склоняла мальчика вступить в ряды террористов. Купив авиабилеты из Краснодара в Стамбул, она с сыном планировала отправиться далее в Сирию. Сделать это фигурантке уголовного дела не удалось, в ходе проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий она была задержана сотрудниками УФСБ России по Краснодарскому краю. Как

установило следствие, женщина также была причастна к финансированию террористов, на банковские счета которых неоднократно переводила средства. Гражданка Т. признана виновной по статьям 150 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления» и 205 «Содействие террористической деятельности» УК РФ и приговорена к 10 годам лишения свободы с отбыванием срока в исправительной колонии общего режима.

Анализ сложившейся социальной, экономической и политической обстановки на примере Краснодарского края позволяет выделить следующие угрожающие факторы распространения экстремизма и терроризма:

1) сохранение в регионе угроз безопасности, исходящих от международных террористических организаций, членов Северо-Кавказского бандподполья и представителей украинских националистических структур, деятельность которых связана с планированием, подготовкой и совершением преступлений террористической направленности, а также вовлечением в них жителей Кубани, в первую очередь молодежи;

2) растущие миграционные потоки трудовых мигрантов из стран Центрально-Азиатского региона и Ближнего Востока, стремящихся к созданию закрытых анклавов по этническому и религиозному признакам, противопоставляемых местному населению с иными культурологическими особенностями;

3) применение современных технологий и сети Интернет для формирования и конспирации экстремистских ячеек, в том числе так называемых спящих ячеек международных террористических организаций, преимущественно из числа представителей этнических групп, а также для вербовки лиц, придерживающихся радикальных взглядов, для совершения террористических актов;

4) опасность распространения идей радикального ислама в исправительных учреждениях, вовлечения лиц, отбывающих наказание, в террористическую и экстремистскую деятельность и роста числа исламских «неофитов» среди заключенных;

5) попытки инспирирования отдельными представителями иностранных некоммерческих неправительственных организаций и международных объединений межнациональных конфликтов и протестных настроений.

Для повышения эффективности борьбы с проявлениями экстремизма и терроризма, на наш взгляд, органам государственной власти необходимо обратить особое внимание на информационно-профилактическую работу (выпуск социальных видеороликов, издание книг, брошюр, агитационных листовок и т. п.). Важное место в этой деятельности должно занимать патриотическое воспитание граждан, повышение уровня правового сознания, формирование правовой культуры, воспитание чувства профес-

сионального достоинства, ответственности и уважения к закону и, безусловно, любви к Родине.

Вместе с тем следует использовать современные способы распространения информации и доведения ее до целевой аудитории (социальные сети, интернет-мессенджеры, видеохостинги). Данная работа должна охватывать все сферы жизни общества (культурную, политическую, экономическую, социальную и др.), начиная с детских садов до трудовых коллективов. Необходимо вести борьбу с проявлениями экстремизма на всех платформах сети Интернет, совершенствуя меры информационно-пропагандистского характера и защиты информационного пространства от распространения идеологии терроризма и экстремизма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.
2. О противодействии терроризму : Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35 // Российская газета. 2006. 10 марта.
3. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 22. Ст. 3475.
4. О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 52. Ст. 7477.
5. Отчет начальника Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Краснодарскому краю о деятельности полиции органов внутренних дел Краснодарского края за 2021 год // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://23.mvd.rf/action/отчеты-должностных-лиц/отчеты-должностных-лиц/отчет-начальника2021> (дата обращения: 01.05.2022).
6. Генеральная прокуратура Российской Федерации : официальный сайт. URL: genproc.gov.ru (дата обращения: 01.05.2022).
7. Об административных правонарушениях : Закон Краснодарского края от 23 июля 2003 г. № 608-КЗ // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/461606550> (дата обращения: 01.05.2022).

REFERENCES

1. On counteracting extremist activity : Federal Law of July 25, 2002 No. 114-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. Art. 3031. (In Russ.)
2. On combating terrorism : Federal Law of March 6, 2006 No. 35 // Rossiyskaya Gazeta. 2006. March 10. (In Russ.)
3. On the approval of the Strategy for countering extremism in the Russian Federation until 2025 : Decree of the President of the Russian Federation of May 29, 2020 No. 344 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 22. Art. 3475. (In Russ.)

4. On the strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period up to 2025 : Decree of the President of the Russian Federation of December 19, 2012 No. 1666 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 52. Art. 7477. (In Russ.)

5. Report of the head of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Krasnodar Territory on the activities of the police of the internal affairs bodies of the Krasnodar Territory for 2021 // Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: <https://23.mvd.rf/action/reports-of-officials/reports-of-officials/report-of-chief2021> (date of access: 01.05.2022). (In Russ.)

6. Prosecutor General's Office of the Russian Federation : official website. URL: genproc.gov.ru (date of access: 01.05.2022). (In Russ.)

7. On administrative offenses : Law of the Krasnodar Territory dated July 23, 2003 No. 608-KZ // Electronic fund of legal and regulatory documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/461606550> (date of access: 01.05.2022). (In Russ.)

Информация об авторах:

Долгополов А.А., доктор юридических наук, доцент;

Белоконь А.В., кандидат юридических наук;

Кустова Н.К., кандидат юридических наук.

Information about authors:

Dolgoplov A.A., Doctor of Law, Associate Professor;

Belokon A.V., Candidate of Law;

Kustova N.K., Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 01.07.2022; одобрена после рецензирования 02.08.2022; принята к публикации 23.09.2022.

The article was submitted 01.07.2022; approved after reviewing 02.08.2022; accepted for publication 23.09.2022.

Научная статья
УДК 343.97:[355.01:001.102]

ИСТОКИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ВАЖНОСТЬ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ МВД РОССИИ ПО ЕГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ

Петр Николаевич Кобец

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России,
Москва, Россия, pkobets37@rambler.ru

Аннотация. Особое внимание автор уделяет проблеме повышения качества государственной политики в обеспечении безопасности информационного пространства в условиях начала нового тысячелетия, а также предопределяет особую роль в нашей стране информационной сферы в социальной стабильности государства, духовного развития его общества. По причине увеличения попыток со стороны различных организаций по оказываемому воздействию на российское общество автор говорит о повышении внимания в нашей стране к исследованию таких феноменов, как террор в информационной и психологической сферах и информационное противоборство. В этой связи, им предложены меры по информационно-профилактическому воздействию, которые направлены на обеспечение информационной безопасности страны и эффективной борьбы с информационным противоборством, которые должны охватывать всю территорию страны и все жизненно важные секторы деятельности государства.

Ключевые слова: информационное противоборство, информационная безопасность, информационные войны, подготовка кадров, цифровые платформы, информационное пространство, техническая защита, превентивные меры, профилактика, борьба с преступностью

Для цитирования: Кобец П. Н. Истоки информационного противоборства, современное состояние и важность подготовки специалистов МВД России по его противодействию // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 62–70.

Original article

THE ORIGINS OF THE INFORMATION CONFRONTATION, THE CURRENT STATE AND THE IMPORTANCE OF TRAINING SPECIALISTS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA TO COUNTER IT

Petr N. Kobets

All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia, pkobets37@rambler.ru

Abstract. Significant attention to the problem of improving the quality of state policy in ensuring the security of the information space at the beginning of the new millennium determines the special role in our country, the information sphere in the social stability of the state, the spiritual development of its society, as well as increased attempts by various organizations to influence Russian society. Therefore, at present, more and more scientists and practitioners in our country are turning to the study of such phenomena as terror in the information and psychological spheres and information warfare. In this regard, the author proposes measures for information and preventive impact, which are aimed at ensuring the information security of the country and effectively combating information warfare, which should cover the entire territory of the country and all vital sectors of state activity.

Keywords: information warfare, information security, information wars, personnel training, digital platforms, information space, technical protection, preventive measures, prevention, fight against crime

© Кобец П. Н., 2022

For citation: Kobets P. N. The origins of the information confrontation, the current state and the importance of training specialists of the Ministry of internal affairs of Russia to counter it // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 3 (97). P. 62–70.

В то время как все большее число стран считают себя оснащенными наступательными средствами, уровень конфликтов между государствами все острее выражается в киберпространстве. Кроме того, массовые разоблачения практики и методов шпионажа, осуществляемых крупными государствами, усилили политическое недоверие к странам, которые являются источником этой практики, и техническое недоверие к их продуктам и услугам. Параллельно группы лиц с различными мотивациями и поддержкой, наемники, завербованные по всему миру и связанные в соответствии с условиями, регулярно прибегают к кибератакам, чтобы попытаться дестабилизировать руководящие органы многих стран.

Всемирная история располагает множеством примеров объявления войн, но не ведения боевых действий, и при этом одной из сторон удавалось достигнуть своих целей. С древнейших времен к правителям стран и полководцам их армий приходило понимание того, что окончательная победа над противником возможна тогда, когда удалось сломить его волю к дальнейшему сопротивлению. Поэтому с давних времен стало очевидно, что окончательного победного результата в имеющемся военном конфликте проще добиться, используя методы информационно-психологического воздействия на врага. В истории зафиксировано не мало отдельных примеров сломленного сопротивления у противоборствующей стороны еще до начала военных битв [1, с. 23]. В таких поединках решающую роль играли информационные методы ведения войны. Так, около 500 лет до н. э. китайским полководцем Сунь-Цзы в «Трактате о военном искусстве» отмечалось, что государства нужно захватывать целостными не разрушая их, а армию противника не уничтожать, а брать в плен. Одержанье победы в сотнях сражениях не является пределом военного искусства, венцом военного искусства, по его мнению, яв-

лялось покорение противников без ведения сражений [2, с. 22]. Таким образом, обозначенные положения свидетельствуют о том, что еще в древние времена понималось значение роли информационного противоборства.

Законы Ману, являющиеся древнеиндийским правовым сборником, которые по мнению историков сложились в период II в. до н. э. – II в. н. э., содержали в том числе теоретическое обобщение информационного противоборства. Помимо изложения аспектов военного противоборства в указанном древнеиндийском сборнике предписаний достаточно неплохо были изложены первоначальные положения, связанные с информационными основами по ведению военных действий. В частности, в дефинициях Законов Ману, содержались положения, в соответствии с которыми противоборствующей стороне надлежало провоцировать на мятеж ту часть войск, которая была склонна к этим действиям [3, с. 46].

В первые этапы феодального периода информационные формы воздействия на противников активно использовались «славянскими племенами, арабами, татаро-монголами, и при вооруженных столкновениях на Европейской и Азиатских территориях, во время крестовых походов, тридцатилетней, столетней войн и др., например, приемы информационного противоборства использовались киевским князем Святославом, применявшим потерю элементов внезапности, подавляя моральные возможности врага, и тем самым обеспечивая свое превосходство» [4, с. 18]. Также уместно привести пример о том, как «византийские греки распространяли слухи о своих силах, приобретенных благодаря греческому огню, распускаемые ими слухи о том, что благодаря огню происходит превращение камней в пепел, запугивали противника и соответственно уменьшали его возможности, об эффективности данных слухов свидетельству-

ют воспоминания, использованные автором «Слова о полку Игореве» [5, с. 189].

Завершение феодального периода было ознаменовано «эпохами крестьянских войн, во времена которых теория информационного воздействия на противников пополнилась некоторыми нововведениями, среди которых следует отметить вкрапление в информационно-пропагандистские материалы тем, разжигающих религиозные, правовые и имущественные противоречия» [6, с. 62].

В начале XIX века ведение информационно-психологических войн имело достаточно высокий уровень. Важно подчеркнуть, что особые национальные черты отличали информационно-пропагандистскую деятельность молодых Соединенных Штатов Америки во время ведения различных военных действий. Во время войны США за независимость, помимо оказываемого воздействия на военнослужащих из Великобритании и Германии, развернулось воздействие на «третьи, нейтральные страны в целях заручиться поддержкой общественного мнения населения этих государств и получения военной и финансовой помощи от них, разработанные американцами приемы ведения информационной войны, уже в 1864 г. до начала американо-мексиканского вооруженного конфликта стали применяться мексиканским правительством, которое в приграничных с Мексикой американских гарнизонах распространяло обращения в виде листовок среди солдат неамериканской национальности с призывами перехода на мексиканскую сторону, обещав их наделить 320 акрами земли каждого» [7, р. 82], кто перейдет на сторону Мексики. В результате такой пропаганды был заметный результат, и из перебежавших солдат сформировали целый батальон.

Классическим является пример информационного противоборства, в период Англо-бурской войны 1899–1902 гг. По мнению отечественных историков, наблюдавших за Англо-бурской войной, европейцы наблюдали за проводимой бурами агитацией с большим сочувствием к ним. Бурам помогали молодежь и отставные военные

из большинства европейских государств, в том числе и из Российской Империи. Из них были организованы военные корпуса для оказания помощи бурам, в том числе российско-голландский. Эффективно проводимое информационно-психологическое противоборство оказало «такую поддержку бурам, что им удалось на протяжении трех лет сдерживать мощную военную силу Великобритании» [8, с. 323]. Армией буров было прекращено сопротивление, «но сделано это ими было на достаточно подходящих и благоприятных для них условиях, а Великобритания предстала перед всем мировым сообществом как агрессор, захватчик и поработитель, а все благодаря тому, что бурам удалось максимально использовать информационное противоборство в целях информационного воздействия по привлечению на свою сторону мировую общественность» [9, с. 323].

Одним из первых столкновений в период прошлого столетия стала Русско-японская война 1904–1905 гг. В период ведения военных действий против Российской империи «японским правительством в качестве правого финансирования российских революционеров и оппозиционеров, действовавших в армии и на флоте, было выделено около 1 млн японских йен» [10, с. 56], что сопоставимо с современным курсом порядка 35 млн долларов США. Дальнейшие многочисленные исторические расследования показали, что «привлекая на свою сторону различные периодические печатные издания еще до ведения боевых действий на Дальнем Востоке, японским правительством раздавались различные финансовые субсидии для публикации и освещения текущих событий в выгодном для Японии свете» [11, с. 36].

Рассматриваемая деятельность стала основанием при наращивании усилий по информационному противоборству в последующем и в результате в XX и XXI столетиях, достигая различные геополитические цели, отстаивая национальные интересы, обеспечивая безопасность собственных государств, а также суверенитет и территориальную целостность, многие страны прибе-

гают к информационному оружию, не ведя боевые действия. При этом важно отметить, что сегодня в противовес традиционному вооружению, информационные средства противоборства эффективно используются в мирный период. В результате сложившейся ситуации интернет-ресурсы стали рассматриваться различными организациями в качестве важнейшего ключевого инструмента по достижению своих поставленных целей, важнейшая из которых связана с завоеванием информационного поля, позволяющего в дальнейшем еще более энергичнее осуществлять информационные атаки [12, с. 6]. В этой связи важно отметить, что эволюционирование процесса разнообразных методов по информационному противоборству на неприятеля «говорит о том, что информационное противоборство в начале XXI столетия вышло на довольно высокий уровень» [13, с. 29].

Из сказанного можно сделать вывод относительно того, что одновременно с совершенствованием средств информационного воздействия трансформируются средства, способы, методы и формы информационного противоборства, превращающие его в вид деятельности, который наносит скрытый и существенный информационно-психологический вред, являясь причиной мощных социальных «взрывов» во многих странах. Поэтому в условиях 2020-х гг. возникла острейшая необходимость активизации деятельности подразделений и структур, занятых обеспечением информбезопасности [14, с. 2260].

26 марта 2021 г. В. В. Путин, проводя заседание Совета Безопасности, «в ходе которого рассматривался проект Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности, отметил, что XXI век по праву называют временем прорывного развития информационных технологий, вместе с тем новые технологические решения порождают и новые риски. Мы видим, что глобальное цифровое пространство нередко становится площадкой для жесткого информационного противоборства, для нечестной конкурен-

ции и кибератак. Все это качественно меняет ситуацию на международной арене. Цифровую среду используют международные террористы, организованная преступность. Словом, здесь много потенциальных угроз для общей, глобальной безопасности и для отдельных стран, в том числе их суверенитета и национальных интересов» [15].

В 2021 г. В. В. Путин, выступая на заседании коллегии ФСБ, в очередной раз отметил, что глобальные угрозы, среди которых можно выделить проявления киберпреступности, не снижаются. Он также подчеркнул, что для успеха рассматриваемой борьбы необходима постоянная собранность и упреждающие оперативные действия. Кроме того, президентом страны акцентировалось внимание на том, что необходимы новые подходы при обеспечении кибербезопасности, поскольку глобальное цифровое пространство превращается в жесткое поле по геополитическому сотрудничеству. Так, в 2020 г. «наиболее опасные атаки в сфере российских информационных ресурсов, включающих ресурсы органов власти, увеличились практически в три с половиной раза. Поэтому возникает необходимость долгосрочной, выверенной стратегии действий, связанных с защитой интересов нашего государства в цифровой сфере и основанных на прогнозировании ситуаций, учете потенциальных рисков и угроз, и опирающихся на передовые технологии» [16]. Президентом также отмечалось, что развитие системы по обеспечению международной информационной безопасности, должно осуществляться совместно с партнерами из других государств.

Во время доклада на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) в 2021 г. «Министр внутренних дел Российской Федерации генерал полиции Российской Федерации В. А. Колокольцев отметил, что «криминальные деяния, совершенные с использованием IT-технологий, составляют все большую долю в общей структуре преступности. Он также, отметил принимаемые меры по наращиванию усилий в данном направлении. При участии

ведомства подготовлены изменения в законодательство, совершенствуется работа по информационному обмену с кредитными организациями, интернет-провайдерами, операторами связи и иными структурами, в том числе путем перехода на электронный документооборот. В оперативных службах МВД России и его территориальных органах созданы специализированные подразделения, которые активно борются с киберпреступностью» [17].

Непосредственной целью МВД России является поддержание правопорядка и законности органами внутренних дел в рамках своих полномочий в том числе должны предотвращаться негативные последствия, связанные с использованием вредоносных информационных потоков, обеспечиваться информационное противоборство продвижению информационных исходных данных, обладающих деструктивным воздействием на российское население. В том числе и в этих целях Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» в соответствии с п. 33. ст. 13 «наделил органы внутренних дел правами по использованию в своей деятельности информационных систем, видео и аудиотехники, кино и фотоаппаратуры, равно, как и иных технических и специальных средств, которые не причиняют вред жизни и здоровью граждан, как и окружающей среде» [18].

Анализ таких документов, как: «Стратегия национальной безопасности, Доктрина информационной безопасности, Стратегия информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., дает основание утверждать, что большинство элементов, несущих угрозу общественной, национальной и кибербезопасности, во многом пересекаются и представляют из себя мощную угрозу информационно-психологической безопасности» [19, с. 161].

Еще с начала прошлого столетия не утихают споры о «двух подходах по подготовке кадров – школы знаний и школы компетенций. Первый подход, школа знаний, предусматривает, что не следует решать за обучаемого то, чем он будет заниматься после

обучения в дальнейшей жизни. Но для этого каждый член общества должен получить обязательное фундаментальное образование на основе единых унитарных программ. Более того, оно должно быть базовым, и на этой основе каждый индивид будет осознанно выбирать свой собственный путь. Суть школы компетенций заключается в том, что в ней акцентируется внимание на максимально ранний демократический выбор обучающимися, в соответствии с их будущими планами, тех групп учебных дисциплин, которые им необходимы для приобретения знаний и умений в будущем» [20, с. 26].

При этом анализ зарубежного опыта свидетельствует о том, что государства, ставящие в свои приоритеты развитие страны, скорейшую ее модернизацию, делают акцент на школе знаний. В лидирующих странах в качестве базового образования преобладают школы компетенций, при этом в этих государствах есть большой выбор получения элитного образования, высокий уровень жизни к тому же позволяет привлечь высоко подготовленных специалистов из развивающихся стран.

Если рассматривать обозначенную ситуацию в нашей стране, то важно подчеркнуть, что несмотря на ее ускоренное развитие, тем более в современных условиях, при остро возникающих проблемах, связанных с обеспечением национальной и общественной безопасности, кадры, подготовленные школой знаний, не в состоянии обеспечить переход страны на новую информационную платформу. Современное общество требует таких кадров, которые обладают не только фундаментальными знаниями, но и могут их творчески применять.

Обеспечивать информационную безопасность страны и эффективно бороться с информационным противоборством, необходимо формировать соответствующие информационные платформы кибербезопасности. В этой работе должны принимать участие и сотрудник органов внутренних дел (далее – ОВД), противодействующих рассматриваемой преступности. И тут не обойтись без «специалистов, обладающих умением полу-

чения, обработки, анализа информационных данных, владеющих способами использования технических средств и специальных технологий по защите информации» [21, с. 16]. При этом сотрудники ОВД в целях осуществления противодействия информационному противоборству должны обладать не только волевыми, моральными и физическими качествами, но иметь широкий спектр знаний, которые приобретаются в процессе специальной подготовки сотрудников ОВД.

В обязательном порядке подготовка необходимых специалистов МВД России для противодействия информационному противоборству требует овладения навыками аналитической деятельности. Поскольку работа с современными информационными ресурсами и базами данных, требует владения знаниями аналитической деятельности, целью такой работы является получение информации, которая способствует в дальнейшем противодействию информационному противоборству.

От сегодняшних специалистов в сфере противодействия информационному противоборству «требуются творческие навыки при использовании и применении технических средств, которые используются при предупреждении и блокировании всевозможных киберугроз. В целях противодействия информационному противоборству МВД России необходимы специалисты, владеющие фундаментальными, правовыми, криминологическими, криминалистическими, оперативно-розыскными, психологическими знаниями» [22, с. 20].

В этой связи важно активнее заниматься проблемами по овладению технологиями как процессуального, так и не процессуального использования информации, выражающегося в превентивных оперативно-розыскных мероприятиях по предупреждению противоправных действий. Также важно исследование средств и методов информационного противоборства, которым в обязательном порядке должны заниматься научно-исследовательские учреждения и образовательные организации МВД России. Необходимо разработать мероприятия и осуществить

комплекс мер в целях устранения факторов, оказывающих воздействие на возникновение и распространение противоборства в информационной сфере, с учетом особенностей современных угроз, возникающих в информационном пространстве.

В дальнейшем следует совершенствовать систему по информационной борьбе, при этом на регулярной основе анализируя ее сущность и содержание и в обязательном порядке учитывая современные особенности международного информационного террора. На регулярной основе проводить мониторинг причин и условий, обуславливающих возникновение и распространение терроризма в сфере информационного пространства и своевременно реализовывать меры их устраняющие, своевременно получать упреждающую информацию о планировании, направленности и характере деятельности террористических организаций в информационной сфере, связанной с распространением идеологии информационного противоборства.

Необходимо на основе научного осмысления и обоснования профилактической работы, противодействовать популяризации террористической идеологии посредством реализации мер по защите единого информационного пространства. Информационное противоборство становится для нашей страны серьезной проблемой, и поэтому только активная работа по противодействию рассматриваемого феномена обеспечит защиту российских фундаментальных интересов в киберпространстве. Совершенствование правоохранительной деятельности по борьбе с информационным противоборством укрепит цифровую безопасность российских важнейших инфраструктур и сделает все возможное для обеспечения безопасности всех основных операторов в киберпространстве. Силовым структурам в сотрудничестве с остальными субъектами по обеспечению безопасности информационных систем необходимо создавать резерв киберзащиты в оперативных целях для борьбы с серьезными кризисами в области информационных технологий.

Необходимо принять ряд мер по повышению уровня безопасности государственных информационных систем, развивать межведомственную сеть электронных коммуникаций и внедрять защищенные мобильные терминалы. Меры по управлению кризисами в области кибербезопасности, осуществляемые на национальном уровне, должны охватывать всю территорию страны и все жизненно важные секторы деятельности. Также важно укрепление безопасности наиболее чувствительных информационных систем операторов, имеющих жизненно важное значение. Эти меры, как и меры, направленные на производство средств обеспече-

ния безопасности для защиты информации, смогут мобилизовать людские и бюджетные ресурсы. Они будут способствовать обеспечению необходимого уровня безопасности, адаптированного к долгосрочному сохранению автономии страны в случае возможных серьезных кибератак, а страна будет готова к серьезным кризисам в области информационного противоборства.

В целом необходимо отметить, что сегодня нужна подготовка более безопасного цифрового мира за счет лучшего прогнозирования использования, адаптированной поддержки и информации всех заинтересованных сторон в нашей стране.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лиддел Гарт Б. Г. Вторая мировая война. М. : АСТ, СПб. : Terra Fantastica, 1999. 56 с.
2. Конрад Н. И. Сунь-Цзы. Трактат о военном искусстве. М. – Л., 1950. 43 с.
3. Разин Е. А. История военного искусства. М., 1955. Т. 1. 94 с.
4. Психолого-стратегический очерк (с планом и тремя схемами). СПб. : Тип. Т-ва п. ф. «Электро-Типография Н. Я. Стойковой», 1912. 66 с.
5. История культуры древней Руси / под общ. ред. акад. Б. Д. Грекова и проф. М. И. Артамонова; Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры им. Н. Я. Марра. Москва – Ленинград : Изд-во и 2-я тип. изд-ва Акад. наук СССР, 1948 (Москва). 1 т. 484 с.
6. Левин В. И. История информационных технологий. М. : Бином. Лаборатория Знаний, 2009. 336 с.
7. Butterfield L. H. Psychological warfare in 1778 : Th. Jefferson-Franklin in Plan to Cause Hessian Desertions // Proceedings of American Philosophical society. 1950. No. 3. P. 341.
8. Ротштейн Ф. А. Международные отношения в конце XIX века. Акад. наук СССР. Ин-т истории. Москва – Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 705 с.
9. Лайнбарджер П. Психологическая война. М. : Воениздат, 1962. 45 с.
10. Тайны русско-японской войны : сборник. М. : Прогресс : Прогресс-академия, 1993. 326 с.
11. Скосаревский Г. И. Из боевой жизни офицера-разведчика в Русско-японскую войну: психологический этюд. Штабс-ротм. Скосаревского. Санкт-Петербург : Рус. худ. тип. П. Я. Синченко, 1911. 91 с.
12. Гарев В. А. Информационные угрозы современного международного терроризма. Москва : Ин-т Африки РАН, 2010. 110 с.
13. Кобец П. Н. Совершенствование мер, осуществляемых органами внутренних дел в сфере информационно-психологического противодействия терроризму // Юридическая психология. 2021. № 3. С. 28–31. DOI 10.18572/2071-1204-2021-3-28-31.
14. Аветисянц Г. Г., Борисов В. И. Информационное противоборство и информационная война. Что это такое? // Конференциум АСОУ : сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. 2015. № 1. С. 2259–2272.
15. Заседание Совета Безопасности. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65231> (дата обращения: 03.02.2022).
16. Стенограмма выступления Путина на заседании коллегии ФСБ России. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-zasedanii-kollegii-fsb-rossii-24-02-2021.html> (дата обращения: 03.02.2021).

17. На коллегии МВД РФ рассказали о борьбе с IT-преступностью. URL: https://www.securitymedia.ru/news_one_12509.html (дата обращения: 03.02.2022).
18. О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 03.02.2022).
19. Кобец П. Н. Совершенствование комплексной безопасности Российской Федерации на основе предупреждения преступлений в сфере экономики // Теоретические и прикладные вопросы комплексной безопасности : материалы IV Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 30 марта 2021 года. Москва : Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Институт развития дополнительного профессионального образования», 2021. С. 160–162.
20. Стромов В. Ю., Сысоев П. В., Завьялов В. В. «Школа компетенций» – технология формирования дополнительных компетенций у студентов классического // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 5. С. 20–29.
21. Кобец П. Н. Выявление и мониторинг социальных сетей, используемых экстремистскими группировками, – важнейшая основа противодействия их преступной деятельности // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2017. № 2 (42). С. 13–19.
22. Иванов М. А., Овчинский А. С. Угрозы информационно-психологической безопасности в сфере образования и науки // Вопросы кибербезопасности. 2017. № 2 (20). С. 19–23.

REFERENCES

- Liddell Hart B. G. World War II. M. : AST, St. Petersburg. : Terra Fantastica, 1999. 56 p. (In Russ.)
- Konrad N. I. Sun Tzu. Treatise on the art of war. M. – L., 1950. 43 p. (In Russ.)
- Razin E. A. History of military art. M., 1955. Т. 1. 94 p. (In Russ.)
- Psychological and strategic essay (with a plan and three diagrams). SPb. : Type of. T-va p. f. “Electro-Printing House of N. Ya. Stoykova”, 1912. 66 p. (In Russ.)
- History of the culture of ancient Russia / ed. ed. acad. B. D. Grekova and prof. M. I. Artamonova; Acad. sciences of the USSR. Inst. of the History of Material Culture. N. Ya. Marra. Moscow – Leningrad : Publishing house and 2nd type. publishing house Acad. Sciences of the USSR, 1948 (Moscow). 1 v. 484 p. (In Russ.)
- Levin V. I. History of information technologies. M. : Binom. Knowledge Laboratory, 2009. 336 p. (In Russ.)
- Butterfield L. H. Psychological warfare in 1778 : Th. Jefferson-Franklin in Plan to Cause Hessian Desertions // Proceedings of American Philosophical Society. 1950 No. 3. P. 341. (In Russ.)
- Rotshtein F. A. International relations at the end of the XIX century. Acad. sciences of the USSR. Institute of History. Moscow – Leningrad : Acad. Sciences of the USSR, 1960. 705 p. (In Russ.)
- Linebarger P. Psychological warfare. M. : Military Publishing House, 1962. 45 p. (In Russ.)
- Secrets of the Russo-Japanese War : collection. M. : Progress : Progress Academy, 1993. 326 p. (In Russ.)
- Skosarevsky G. I. From the combat life of an intelligence officer in the Russo-Japanese War: a psychological study. Staff-rotm. Skosarevsky. St. Petersburg : Rus. thin type of. P. Ya. Sinchenko, 1911. 91 p. (In Russ.)
- Garev V. A. Information threats of modern international terrorism. Moscow : Inst. Africa RAS, 2010. 110 p. (In Russ.)
- Kobets P. N. Improvement of measures carried out by internal affairs bodies in the field of information and psychological counteraction to terrorism // Legal Psychology. 2021. No. 3. P. 28–31. DOI 10.18572/2071-1204-2021-3-28-31. (In Russ.)
- Avetisyants G. G., Borisov V. I. Information confrontation and information warfare. What it is? // ASOU Conference : a collection of scientific papers and materials of scientific and practical conferences. 2015. No. 1. P. 2259–2272. (In Russ.)
- Meeting of the Security Council. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65231> (date of access: 02.03.2022). (In Russ.)

16. Transcript of Putin’s speech at a meeting of the board of the FSB of Russia. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-zasedanii-kollegii-fsb-rossii-24-02-2021.html> (date of access: 03.02.2021). (In Russ.)

17. At the collegium of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, they spoke about the fight against IT crime. URL: https://www.securitymedia.ru/news_one_12509.html (date of access: 02.03.2022). (In Russ.)

18. On the police : Federal Law of February 7, 2011 No. 3-FZ // Access from the ConsultantPlus legal system. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (date of access: 03.02.2022). (In Russ.)

19. Kobets P. N. Improving the integrated security of the Russian Federation based on the prevention of crimes in the economic sphere // Theoretical and applied issues of integrated security : materials of the IV International scientific and practical conference, St. Petersburg, March 30, 2021. Moscow : Federal State Budgetary Educational Institution of Additional Professional Education “Institute for the Development of Additional Professional Education”, 2021. P. 160–162. (In Russ.)

20. Stromov V. Yu., Sysoev P. V., Zavyalov V. V. “School of competencies” – a technology for the formation of additional competencies in classical students // Higher education in Russia. 2018. V. 27. No. 5. P. 20–29. (In Russ.)

21. Kobets P. N. Identification and monitoring of social networks used by extremist groups is the most important basis for counteracting their criminal activity // Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Studies of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2017. No. 2 (42). P. 13–19. (In Russ.)

22. Ivanov M. A., Ovchinsky A. S. Threats of information and psychological security in the field of education and science // Cyber security issues. 2017. No. 2 (20). P. 19–23. (In Russ.)

Информация об авторе:

Кобец П. Н., доктор юридических наук, профессор.

Information about the author:

Kobets P. N., Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 06.02.2022; одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 23.09.2022.

The article was submitted 06.02.2022; approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 23.09.2022.

Научная статья
УДК 343./71(470)

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ ЗА НЕЗАКОННУЮ ОХОТУ

Иван Александрович Уфимцев

Договорно-правовой департамент МВД России, Москва, Россия, ivanufimcev@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрена статистическая информация МВД России и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за период с 2015 по 2021 годы о количестве зарегистрированных на территории страны преступлений, предусмотренных статьей 258 Уголовного кодекса Российской Федерации, динамике обвинительных приговоров по материалам уголовных дел, поступившим в суд, видах и размерах наказаний, а также данные о лицах, их совершивших. Описывается ряд причин высокой криминогенности данных деяний, приговоры судов и мнения ученых. Обращается внимание на принятые в указанный период меры по усилению уголовной ответственности за незаконную охоту и одновременно влияние института назначения наказания на достижение его целей, соразмерность вида и размера наказания со степенью общественной опасности совершенного деяния.

Ключевые слова: экологические преступления, незаконная охота, суд, наказание, приговор, предупреждение преступлений

Для цитирования: Уфимцев И. А. К вопросу о назначении наказания за незаконную охоту // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 71–77.

Original article

ON THE ISSUE OF SENTENCING FOR ILLEGAL HUNTING

Ivan A. Ufimtsev

Contract and Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia, ivanufimcev@gmail.com

Abstract. The article considers statistical for the time period from 2015 to 2021 of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation on the number of crimes that were registered in the territory of Russia, provided for in Article 258 of the Criminal Code of the Russian Federation, the dynamics of their detection, types and amounts of punishments, as well as data on the persons who committed them. A number of reasons for the high criminogenicity of these acts, court verdicts and opinions of scientists are described. The attention of state authorities is drawn to the measures taken during the specified period to strengthen criminal liability for illegal hunting and, at the same time, the influence of the institution of sentencing on the correction of convicts, the proportionality of the type and size of punishment with the degree of public danger of the committed acts.

Keywords: environmental crimes; illegal hunting; court; punishment; sentence; crime prevention

For citation: Ufimtsev I. A. On the issue of sentencing for illegal hunting // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 3 (97). P. 71–77.

В России, как и в большинстве стран мира, в уголовном законе имеется норма, регламентирующая ответственность за незаконную охоту, предусматривающая максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет с лишением права

занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Проведенным Всемирным фондом дикой природы исследованием, опубликованным в 2020 году, установлено, что в период

© Уфимцев И. А., 2022

с 2016 по 2018 годы на интернет-площадках России выявлено более 7000 объявлений о продаже животных, их частей и дериватов, подпадающих по действие Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящими под угрозой исчезновения, от 1 июля 1975 года. Данный факт свидетельствует о наличии огромного спроса и предложений на продукцию охоты.

Отчет опубликованного исследования свидетельствует, что Россия принимает активное участие в международной торговле не только дикими животными, но и их частями. Так, законная их реализация в нашей стране ежегодно составляет тысячи живых животных и несколько миллионов частей их тел. Однако это всего лишь малая часть легитимного оборота. Основная реализация, в том числе изделий из них, осуществляется по средствам официально не задекларированных сделок. Контрабанда диких животных в стране по количеству задокументированных случаев занимает лидирующие позиции наряду с контрабандой культурных ценностей и отстает только от контрабанды оружия [1, с. 11].

Только согласно официальным данным МВД России в 2015 году зарегистрировано 1928 преступлений, предусмотренных ст. 258 УК РФ, в 2016 – 1906, в 2017 – 1936, в 2018 – 1931, в 2019 – 1824, 2020 – 1664, 2021 – 1547 [2].

При стабильно высоких показателях криминогенности данных преступлений в целом по стране динамика обвинительных приговоров по материалам уголовных дел, поступивших в суд, с 2015 по 2020 годы имела темпы снижения. В указанный период удельный вес количества направленных уголовных дел в суд от числа находившихся в производстве снизился с 19,1 % до 18,2 %, при этом в 2019 году он составлял 13,1 %.

Несмотря на то, что в 2021 году удельный вес уголовных дел, направленных в суд с обвинительным заключением (актом, постановлением), от числа находившихся в производстве превысил рубеж в 20 % и составил 20,4 %, раскрываемость данных преступлений и привлечение виновных лиц

к ответственности по-прежнему вызывают особую озабоченность в эффективности государственной политики по сохранению благоприятной окружающей среды и разнообразия объектов животного мира для следующих поколений.

Исследование судебной практики позволяет сделать вывод, что одной из причин высокой криминогенности указанных деяний является недостаточный уровень влияния института назначения наказания на исправление осужденных.

Несомненно, при назначении наказания учитывается характер и степень общественной опасности преступления, данные о личности виновного, смягчающие и отягчающие обстоятельства, а также влияние предусмотренного наказания на исправление осужденного. Но применяемая судами индивидуализация наказания, гуманность приговоров не всегда положительно влияет на исправление осужденных.

В настоящий момент санкция ст. 258 УК РФ предусматривает 3 основных вида наказаний: штраф, исправительные работы и лишение свободы. В зависимости от соответствующей части указанная статья относится к категории небольшой и средней тяжести, и лишение свободы как мера наказания судами применяется крайне редко.

Согласно опубликованным Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации статистическим сведениям видно, что в период с 2015 по 2021 годы за совершение преступлений по исследуемой статье осуждено 2635 лица, из них к реальному лишению свободы всего 33, что составляет 1,25 % от общего количества (см. таблицу 1), из них 23 (69,7 %) – в 2020 (10) и 2021 (13) годах. При этом 168 лиц имели неснятые и непогашенные судимости, 60 – признаны совершившими преступления при рецидиве (см. таблицу 2) [3].

Изучение приговоров и постановлений судов показало, что с 2015 по 2018 годы наиболее распространенным видом наказаний по указанной категории дел являлся штраф. Удельный вес числа осужденных к данному виду наказания от общего их количества

Таблица 1 – Судебная практика назначения наказаний за незаконную охоту
(ст. 258 УК РФ)

Показатели		2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Общее количество осужденных		466	526	396	341	338	255	313
из них	лишение свободы	1	5	0	3	1	10	13
	лишение свободы условно	8	13	8	14	142	116	147
	ограничение свободы	0	3	6	2	2	3	2
	исправительные работы	49	57	29	26	40	26	30
	обязательные работы	87	133	79	67	13	2	3
	принудительные работы	0	0	2	0	0	0	0
	штраф	170	254	246	202	108	77	100
	условное осуждение к иным мерам, не связанным с лишением свободы	19	16	16	7	13	19	12
	по приговору суда освобождено осужденных от наказания или наказание не назначалось	132	45	10	20	15	2	6
Назначено наказание в виде судебного штрафа (ст. 104.4 УК РФ)		0	0	128	165	231	226	207
Конфискация имущества (ст. 104.1 УК РФ)		47	45	36	22	36	18	25
Оправдано		3	0	0	1	0	0	1
Прекращено уголовных дел и (или) уголовных преследований		226	173	128	72	298	285	268
из них	в связи с отсутствием события, состава преступления, непричастностью	0	0	0	0	7	1	1
	по другим основаниям	226	173	128	72	291	284	267

Таблица 2 – Данные о неснятых и непогашенных судимостях, рецидиве у осужденных за незаконную охоту (ст. 258 УК РФ)

Показатели		2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	
Общее количество лиц, имевших неснятые и непогашенные судимости на момент судебного рассмотрения		23	21	22	21	28	28	25	
из них	двух категорий	две судимости	3	2	2	2	1	4	5
		три и более судимостей	1	0	1	3	0	2	0
	категории	особо тяжкие	3	1	3	2	0	2	1
		тяжкие	8	10	6	7	4	5	1
		средней тяжести	3	5	6	10	6	5	15
		небольшой тяжести	9	5	7	9	11	16	8
Признаны совершившими преступления при рецидиве		10	8	5	7	12	9	9	
Юридически несудимые, имеющие снятые и погашенные судимости		77	44	42	40	40	30	41	

составлял от 36,5 % до 62,1 %. Суммы штрафных санкций варьировались в основном от 5 000 до 50 000 рублей. При этом санкции по первой части рассматриваемой статьи предусматривали штраф до 200 000 рублей, а по части 2 – от 100 000 до 300 000 рублей.

С 2019 по 2021 годы судами значительно чаще стала применяться статья 73 УК РФ (условное осуждение). Если в период с 2015 по 2018 годы данный вид наказания применялся к 8 – 14 обвиняемым, то с 2019 по 2021 годы он варьируется от 116 до 147. В среднем срок условного осуждения составлял от 1 года до 2 лет.

Распространены и другие виды наказаний, такие как ограничение свободы (в среднем от 6 месяцев до 1 года) и исправительные работы (в среднем от 4 месяцев до 1 года). Но их удельный вес в общем количестве назначенных наказаний значительно ниже и составляет, к примеру, в 2020 году 11,4 %, в 2021 году – 10,2 %.

С 2017 года, после внесения изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Российской Федерации [4], органами исполнительной и судебной власти стала активно применяться мера уголовно-правового характера – судебный штраф. В 2017 году по основаниям, предусмотренным статьями 76.2 УК РФ и 25.1 УПК РФ, прекращено уголовных дел и уголовное преследование в отношении 128 лиц, а к 2020 году их количество уже составило 226. В 2021 году отмечено незначительное снижение указанного показателя (с 226 до 207), но в целом его значение осталось на достаточно высоком уровне. Изучение постановлений судов показало, что в основном по уголовным делам в сфере незаконной охоты сумма судебного штрафа варьируется от 10 000 до 100 000 рублей.

Фактически, в настоящий момент мы наблюдаем, что лицо, имеющее определенное материальное состояние при совершении уголовно-наказуемого деяния, в случае применения к нему указанной меры уголовно-правового характера, избегает наказания. Да, данное лицо оплачивает штраф, но при этом юридически остается не судимым.

Вызывает озабоченность и тот факт, что на доказывание вины браконьеров государством ежегодно расходуются сотни миллионов рублей, из которых большая часть используется для производства дорогостоящих экспертиз. При этом объем штрафных санкций в сотни, тысячи раз ниже затраченных сумм.

Кроме того, вызывает беспокойство влияние института назначения наказания на восстановление социальной справедливости, исправление осужденных и предупреждение новых экологических преступлений.

Опубликованные МВД России и Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации статистические показатели практики привлечения лиц к уголовной ответственности за нелегитимную охоту, а также виды и размеры наказаний свидетельствуют о недостаточной эффективности принимаемых уголовно-правовых мер в области экологической безопасности.

Нельзя забывать о таких целях наказания, как общее и специальное предупреждение преступлений, направленных на нейтрализацию криминогенных факторов, снижение уровня криминогенности данных деяний, уменьшение их последствий, а также оздоровление социальной микросреды, коррекцию поведения лиц, от которых можно ожидать совершения преступления [5, с. 435–455].

Низкая эффективность уголовно-правового предупреждения подтверждается и результатами данного исследования.

Изучение постановлений и приговоров судов позволило выявить ряд «спорных» на наш взгляд судебных решений, вызывающих сомнения в соблюдении принципа справедливости и их влиянии на исправление осужденных.

1. Приговором Куйбышевского районного суда Новосибирской области от 3 июля 2019 г. З. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 258 УК РФ, за незаконную охоту на одну особь сибирской косули в составе группы лиц по предварительному сговору, и ему назначено наказание в виде 2 лет лишения свободы ус-

ловно, с испытательным сроком 1 год, при этом ранее он уже был судим за аналогичное преступление [6].

2. 18 августа 2018 г. К. совместно с З. с применением механического транспортного средства на особо охраняемой природной территории группой лиц по предварительному сговору незаконно добыли одну особь сибирской косули, после чего продолжили свои преступные действия, направленные на поиск животных. В процессе поиска и движения автомобиля З. вылез из окна транспортного средства в целях производства выстрела и добычи животного. В этот момент К. не справился с управлением, допустил опрокидывание автомобиля, в результате которого З. получил травмы несовместимые с жизнью. Приговором Шумихинского районного суда Курганской области от 2 апреля 2019 года К. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 258 и ч. 3 ст. 264 УК РФ, и ему назначено наказание в виде 4 лет лишения свободы условно, с испытательным сроком 3 года. Дополнительным наказанием явилось лишение права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, на срок 3 года и лишение права заниматься деятельностью, связанной с охотой, на срок 3 года [7]. В результате за незаконную охоту с применением механического транспортного средства на особо охраняемой природной территории группой лиц по предварительному сговору, нарушение правил дорожного движения при эксплуатации транспортного средства, повлекшие по неосторожности смерть человека, К. фактически избежал наказания.

3. Приговором Шурышкарского районного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 10 июня 2019 г. Т., ранее судимый по ч. 1 ст. 111 УК РФ и освобожденный условно-досрочно за не отбытый срок 9 месяцев 21 день, признан виновным в совершении двух преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 1 ст. 258 УК РФ и ч. 2 ст. 258 УК РФ, за незаконную добычу лося и соболя. Принимая во внимание, что преступления совершены при отягчающих обстоятельствах – рециди-

ве, в момент отбытия условно-досрочного освобождения, суд назначил наказание Т. в виде 3 лет 3 месяцев лишения свободы условно, с испытательным сроком 2 года [8].

Приведенные примеры являются не единичными фактами подобных «спорных» судебных решений, а статистические показатели свидетельствуют о необходимости принятия соответствующих мер реагирования.

28 апреля 2012 года Президентом России утверждены Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года.

Основами определены долгосрочные цели государственной политики в области экологического развития: решение социально-экономических задач, обеспечивающих сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия природных ресурсов для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, реализации права каждого человека на благоприятную окружающую среду, укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности.

Кроме того, определены основные механизмы реализации государственной политики в области экологического развития, одними из которых являются усиление ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации об охране окружающей среды и обеспечение неотвратимости наказания за экологические преступления.

Однако, спустя 9 лет с момента утверждения Основ, кардинальных изменений не видно. На законодательном уровне приняты ряд решений, в частности об усилении уголовной ответственности за незаконную охоту, в Уголовный кодекс Российской Федерации включена статья 258.1 УК РФ, приняты новые Правила охоты. Но указанных мер недостаточно. Криминогенность данных преступлений по-прежнему остается на достаточно высоком уровне. С указанного периода времени на 19 % (с 21 до 25) увеличилось количество лиц, осужденных

за незаконную охоту, имевших неснятые и непогашенные судимости, и на 28,6 % (с 7 до 9) совершивших указанные преступления при рецидиве (таблица 2).

Большинство ученых, таких как М. И. Кольцов, Т. Ф. Миняева, Д. А. Добряков, Н.И. Кузнецова и другие, в своих работах по изучению вопроса соразмерности наказаний по экологическим преступлениям отмечают необходимость в продолжении выработки соответствующих решений, повышающих эффективность работы в области противодействия экологических преступлений, в том числе по-

средством института назначения наказания [9, с. 353; 10]. Позиция указанных ученых бесспорна и подтверждается проведенным исследованием.

Таким образом, в целях повышения эффективности уголовно-правового противодействия браконьерству, предлагается обратить внимание правоохранительных органов и судов на необходимость соблюдения принципов соразмерности вида и размера наказания с характером и степенью общественной опасности совершенных деяний, достижение целей общего и специального предупреждения преступлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Коммерческий оборот диких животных в Российской Федерации / сост. В. Г. Кревер, Т. О. Иванникова. Москва, Всемирный фонд дикой природы (WWF), 2020. 328 с.
2. Данные ГИАЦ МВД России о состоянии преступности. URL: <http://10.5.0.16/csi/modules.php?name=Books&go=regl&id=491&rmb> (дата обращения: 15.02.2022).
3. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 19.03.2022).
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 04.07.2016. № 27 (часть II). ст. 4256.
5. Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2005. 912 с.
6. Приговор Куйбышевского районного суда Новосибирской области от 3 июля 2019 г. № 1-194/2019 // Доступ из АИПС «СудАкт.ру» : база судебных и нормативных актов (дата обращения: 20.03.2022).
7. Приговор Шумихинского районного суда Курганской области от 2 апреля 2019 г. № 1-16/2019 // Доступ из АИПС «СудАкт.ру» : база судебных и нормативных актов (дата обращения: 20.03.2021).
8. Приговор Шурышкарского районного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 10 июня 2019 г. № 1-19/2019 // Доступ из АИПС «СудАкт.ру» : база судебных и нормативных актов (дата обращения: 20.03.2022).
9. Кольцов М. И. К вопросу о некоторых проблемах наказуемости за совершение экологических преступлений // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 15. С. 348–353.
10. Миняева Т. Ф., Добряков Д. А. Отвечают ли установленные в главе 26 УК РФ меры наказания сущности экологических преступлений? // Евразийская адвокатура. 2018. № 5 (36). С. 94–97.

REFERENCES

1. Commercial circulation of wild animals in the Russian Federation / comp. V. G. Krever, T. O. Ivannikova. Moscow, World Wildlife Fund (WWF), 2020. 328 p. (In Russ.)
2. Data from the GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the state of crime. URL: <http://10.5.0.16/csi/modules.php?name=Books&go=regl&id=491&rmb> (date of access: 15.02.2022). (In Russ.)
3. Judicial statistics data of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (date of access: 19.03.2022). (In Russ.)
4. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation on the issues of improving the grounds and procedure for exemption from criminal

liability : Federal Law of July 3, 2016 No. 323-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 07.04.2016. No. 27 (Part II). Art. 4256. (In Russ.)

5. Criminology : a textbook for universities / under the general. ed. A. I. Dolgova. 3rd ed., revised. and additional M. : Norma, 2005. 912 p. (In Russ.)

6. Sentence of the Kuibyshev District Court of the Novosibirsk Region dated July 3, 2019 No. 1-194/2019 // Access from AIPS “SudAkt.ru” : database of judicial and regulatory acts (date of access: 20.03.2022). (In Russ.)

7. Sentence of the Shumikhinsky District Court of the Kurgan Region dated April 2, 2019 No. 1-16/2019 // Access from AIPS “SudAkt.ru” : database of judicial and regulatory acts (date of access: 20.03.2021). (In Russ.)

8. Sentence of the Shuryshkarsky District Court of the Yamalo-Nenets Autonomous District dated June 10, 2019 No. 1-19/2019 // Access from AIPS “SudAkt.ru” : database of judicial and regulatory acts (date of access: 20.03.2022). (In Russ.)

9. Koltsov M. I. To the question of some problems of punishability for committing environmental crimes // Actual problems of state and law. 2020. V. 4. No. 15. P. 348–353. (In Russ.)

10. Minyazeva T. F., Dobryakov D. A. Do the penalties established in Chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation correspond to the nature of environmental crimes? // Eurasian Advocacy. 2018. No. 5 (36). P. 94–97. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 00.00.2022; одобрена после рецензирования 00.00.2022; принята к публикации 23.09.2022.

The article was submitted 00.00.2022; approved after reviewing 00.00.2022; accepted for publication 23.09.2022.

НОВОЕ В ПРОЦЕДУРЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ ЛИЦА В МЕЖДУНАРОДНЫЙ РОЗЫСК**Виктор Николаевич Григорьев¹, Максим Юрьевич Тарасов²**¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
Москва, Россия, grigorev.viktor@gmail.com² Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина,
Москва, Россия, tarasov0123@gmail.com

Аннотация. В связи с началом Россией в соответствии с Решением Президента Российской Федерации от 24 февраля 2022 года специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины некоторыми недружественными государствами была проявлена активная инициатива по исключению России из рядов Интерпола. Параллельно с этим руководители правоохранительных органов со всего мира также обратились с просьбой о продолжении сотрудничества с Россией через Интерпол, подчеркнув серьезные проблемы безопасности в случае прекращения обмена информацией. 10 марта 2022 года в Интерполе было принято специальное Заявление Генерального секретариата Интерпола по Украине, в котором установлено, что исключать Россию из организации не станут, однако порядок рассмотрения ее запросов изменится. НЦБ Интерпола МВД России не сможет больше напрямую запрашивать страны-участницы – его запросы будут направляться в Генеральный секретариат для проверки их соответствия с правилами организации. В статье раскрыта суть изменившегося для Российской Федерации порядка объявления лица в международный розыск, его отличие от ранее установленной процедуры.

Ключевые слова: международный розыск; объявление международного розыска; Генеральный секретариат Интерпола; НЦБ Интерпола МВД России; Украина; этапы международного розыска; процедура объявления в международный розыск

Для цитирования: Григорьев В. Н., Тарасов М. Ю. Новое в процедуре объявления лица в международный розыск // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 78–84.

Original article

**NEW IN THE PROCEDURE OF DECLARATION OF A PERSON
IN THE INTERNATIONAL WANTED****Victor N. Grigoryev¹, Maxim Yu. Tarasov²**¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya,
Moscow, Russia, grigorev.viktor@gmail.com² Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Moscow, Russia, tarasov0123@gmail.com

Abstract. In connection with the start by Russia, in accordance with the Decision of the President of the Russian Federation of February 24, 2022, a special military operation to demilitarize and denazify Ukraine, some unfriendly states took an active initiative to exclude Russia from the ranks of Interpol. In parallel, law enforcement leaders from around the world have also requested continued cooperation with Russia through Interpol, highlighting the serious security concerns in the event of a halt in information sharing. On March 10, 2022, Interpol adopted a special Statement of the Interpol General Secretariat for Ukraine, which established that Russia would not be excluded from the organization, but the procedure for considering its requests would change. The NCB of Interpol of the Ministry of Internal Affairs of Russia will no longer be able to directly request the participating countries - its requests will be sent to the General Secretariat to check their compliance with the rules of the organization. The article reveals the essence of the procedure for declaring a person on

the international wanted list, which has changed for the Russian Federation, its difference from the previously established procedure.

Keywords: international search; announcement of an international wanted list; Interpol General Secretariat; NCB Interpol of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Ukraine; stages of international search; procedure for putting on the international wanted list

For citation: Grigoryev V. N., Tarasov M. Yu. New in the procedure of declaration of a person in the international wanted // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 3 (97). P. 78–84.

Основы процедуры объявления лица в международный розыск в целях ареста и выдачи для уголовного преследования или исполнения приговора определены в Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола, утвержденной совместным приказом МВД России и других правоохранительных ведомств от 6 октября 2006 г. (ред. от 22 сентября 2009 г.) [1] (далее – Инструкция по линии Интерпола). В исследованиях международного розыска порой встречается упрощенное представление о процедуре его объявления как об одномоментном решении того или иного органа, на что обоснованно обращалось внимание [2]. Подобные представления страдают неполнотой охвата предмета исследования. Дело в том, что объявление лица в международный розыск представляет собой многослойную процедуру, складывающуюся из ряда этапов, с последовательным задействованием различных российских и зарубежных правоохранительных органов и органов юстиции. Это обстоятельство часто выпадает из поля зрения исследователей, вследствие чего в литературе отсутствует более или менее полный перечень всех элементов, образующих процедуру объявления лица в международный розыск, порой позиционируется упрощенная схема действий, которая не вполне соответствует действительности [3].

Как показывает проведенный анализ, процедура объявления лица в международный розыск включает в себя следующие элементы (этапы) деятельности:

– принятие органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, которому поступило на исполнение постановление о розыске, решения об объявлении лица в международный розыск;

– проведение проверочных действий и сбор материалов для запроса об объявлении международного розыска;

– направление запроса об объявлении международного розыска в Национальное центральное бюро Интерпола МВД России;

– направление в Генеральную прокуратуру Российской Федерации запроса о намерении требовать арест и выдачу скрывшегося обвиняемого, подсудимого, осужденного на заключение;

– направление в случае положительно-го заключения Генеральной прокуратуры Российской Федерации в государства-члены Интерпола, а также в Генеральный секретариат Интерпола запроса о розыске обвиняемого, подсудимого, осужденного с целью ареста и выдачи и ходатайства об издании международных уведомлений;

– издание Генеральным секретариатом Интерпола международного уведомления о розыске;

– осуществление уведомлений о розыске правоохранительными органами иностранных государств-членов Международной организации уголовной полиции – Интерпол.

Каждое из указанных действий имеет собственное содержание, характеристика которого, субъекты, порядок и формы реализации представлены в опубликованных ранее исследованиях [4]. Однако совсем недавно в процедуре международного розыска произошли определенные изменения. Речь идет о завершающих элементах процедуры, включающих международно-правовую составляющую и связанных с направлением Российской Федерацией в государства-члены Интерпола, а также в Генеральный секретариат Интерпола запроса о розыске обвиняемого, подсудимого, осужденного с

целью ареста и выдачи и ходатайства об издании международных уведомлений.

Изменения в процедуре объявления лица в международный розыск вызваны проведением Российской Федерацией специальной военной операции на Украине. Решение о проведении специальной военной операции принято Президентом Российской Федерации 24 февраля 2022 г. в соответствии со статьей 51 части 7 Устава ООН, с санкции Совета Федерации России и во исполнение ратифицированных Федеральным Собранием 22 февраля 2022 г. договоров о дружбе и взаимопомощи с Донецкой Народной Республикой и Луганской Народной Республикой с целью защиты людей, демилитаризации и денацификации Украины, а также преданию суду тех, кто совершил многочисленные преступления против мирных жителей, в том числе и граждан России [5].

В связи с началом Россией специальной военной операции некоторыми недружественными государствами была проявлена активная инициатива по исключению России из рядов Интерпола. Так, законодатели США 11 марта 2022 г. потребовали добиться исключения России из Интерпола. Соответствующее обращение было направлено в пятницу, 11 марта, в Госдепартамент и Минюст США. Об этом сообщает ТАСС со ссылкой на CNN. По данным телекомпании, независимая Комиссия по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинкская комиссия), куда входят представители обеих палат Конгресса, считает, что членство России в Интерполе должно быть приостановлено из-за военной спецоперации на Украине. Для этого законодатели просят госсекретаря США Энтони Блинкена и генпрокурора Меррика Гарланда «воспользоваться положением США в Интерполе». Как считают авторы обращения, Вашингтон должен четко дать понять, что бездействие международной организации «серьезно скажется» на американских отчислениях в ее бюджет и на «юридической неприкосновенности» Интерпола на территории Соединенных Штатов [6]. Ранее министр внутренних дел Великобритании Прити Пател сообщила,

что Украина потребовала исключить Россию из Интерпола. Тогда она подчеркнула, что Лондон поддерживает Киев и намерен содействовать международным усилиям для реализации этого предложения [6].

Между тем, в печати представлено и противоположное мнение, опирающееся на международное право и практику борьбы с преступностью [7]. Исключение России из Интерпола обернется тем, что силовики будут вынуждены успевать добежать до границы, если они хотят реализовать какое-то уголовное дело, задержать человека. Тогда выдачи не будет вообще – ни в одну, ни в другую сторону. «Люди, которые проявляют такую инициативу, даже не представляют, какие последствия будут. (Правонарушителей) не будут выдавать ни из России, ни в Россию [8]. В случае исключения РФ из Интерпола вопрос свободы для лиц, которые скрываются от правоохранительных органов, будет решаться «просто пересечением границы», подчеркнул юрист и адвокат Сергей Бадамшин в интервью изданию «Секрет фирмы» [8].

Предотвращение обмена жизненно важной полицейской информацией какой-либо страной-членом предоставило бы преступникам явные возможности как для совершения преступлений, так и для уклонения от захвата, что создало бы брешь в глобальной безопасности и безопасности.

На сайте Интерпола представлена информация о том, что наряду с прозвучавшими на политическом уровне призывами приостановить или исключить Россию из сети Интерпола параллельно руководители правоохранительных органов со всего мира также обратились с просьбой о продолжении сотрудничества с Россией через Интерпол, подчеркнув серьезные проблемы безопасности в случае прекращения обмена информацией [9].

Помимо трагической гибели людей, конфликты неизменно приводят к росту преступности, при этом организованные преступные группы стремятся использовать отчаяние людей, ищущих безопасности, с повышенным риском злоупотреблений и не-

законного оборота, в дополнение к контрабанде оружия, товаров и лекарств. Проверки по базам данных Интерпола на контрольно-пропускных пунктах вдоль украинской границы уже привели к выявлению лиц, разыскиваемых четырьмя разными странами за ряд правонарушений. Каждую минуту производится около 9000 проверок в глобальных базах данных Интерпола, и между полицией по всему миру осуществляется обмен более чем 30 сообщениями с использованием защищенной глобальной полицейской системы связи. На сегодняшний день в 2022 году страны-члены провели около 60 000 проверок данных, предоставленных Россией [9].

В связи с поступившим обращением 10 марта 2022 года в Интерполе было принято специальное Заявление Генерального секретариата Интерпола по Украине [9], в котором, в частности, сказано, что исключать России из организации не станут, однако порядок рассмотрения ее запросов изменится. Московское бюро Интерпола не сможет напрямую запрашивать страны-участницы – его запросы будут направляться в Генеральный секретариат для проверки их соответствия с правилами организации.

В Заявлении Генерального секретариата Интерпола по Украине от 10 марта 2022 г. обращено внимание на нейтралитет, который имеет основополагающее значение для работы и существования Интерпола, особенно когда страны-члены вовлечены в конфликт. Это позиция, которую Интерпол последовательно поддерживает. Статья 2 Устава Интерпола [10; 11] призывает Организацию поддерживать сотрудничество полиции и обеспечивать, чтобы каналы связи оставались открытыми. Мандат Интерпола не включает введение санкций или принятие карательных мер, а в Уставе Интерпола нет положений о приостановлении или исключении страны-члена. Организации строго запрещается любое вмешательство или деятельность политического, военного, религиозного или расового характера. Интерпол обязуется продолжать обслуживать глобальные запросы правоохранительных органов о

сотрудничестве, обеспечивая при этом, чтобы общение через его сеть соответствовало его Уставу и правилам.

Именно по этой причине, с самого начала конфликта и после принятия Национальным центральным бюро (далее – НЦБ) в Украине решения отключиться от сети Интерпола, тем самым лишив его возможности отслеживать сообщения, Генеральный секретариат немедленно предпринял шаги для защиты обработки данных через его каналы. Чтобы предотвратить любое потенциальное неправомерное использование каналов Интерпола в отношении лиц, находящихся в пределах или за пределами конфликта в Украине, Генеральный секретарь принял усиленные меры надзора и мониторинга в отношении России, решение, которое было одобрено Исполнительным комитетом.

Суть этих мер состоит в следующем. По существующему порядку после получения заключения Генеральной прокуратуры Российской Федерации о наличии оснований и намерений запрашивать арест и выдачу скрывшегося обвиняемого, подсудимого, осужденного, оформляемого на практике в виде соответствующего письма, адресованного в НЦБ Интерпола, последнее направляет запрос о розыске в одном из трех возможных видов уведомлений об объявлении обвиняемого, подсудимого, осужденного в международный розыск, которые направляются в зарубежные государства:

- стандартизированные запросы о сотрудничестве с целью ареста, задержания или ограничения передвижения осужденного или обвиняемого (диффузии);
- запрос о розыске во все иностранные государства-члены Интерпола;
- уведомление о розыске обвиняемого, осужденного с целью его ареста и выдачи с красным углом (Red Notice).

Первый вид уведомления – процедура диффузии подразумевает прямую (минуя Генеральный секретариат Интерпола) отправку файла во все или некоторые НЦБ стран-участников Национальным Центральным Бюро страны-инициатора розыска (Правила Интерпола по обработке данных

2011/2019 г. [12], гл. II, ст. 73 и след.). В соответствии со ст. 99 Правил Интерпола по обработке данных Национальное центральное бюро должно использовать диффузии (а не уведомление), если:

– оно желает ограничить распространение своего запроса о сотрудничестве или оповещения в отдельных национальных центральных бюро или международных организациях;

– оно желает ограничить доступ к данным, содержащимся в его запросе о сотрудничестве или предупреждении, ограниченным числом национальных центральных бюро или международных организаций;

– его запрос не оправдывает или не дает права на публикацию уведомления.

Второй вид уведомления – запрос об объявлении обвиняемого, подсудимого, осужденного в международный розыск направляется в соответствии с п. 141 Инструкции по линии Интерпола во все государства-члены Интерпола через Генеральный секретариат Интерпола в том случае, если:

а) оперативно-розыскные мероприятия, проведенные на территории тех иностранных государств, где у разыскиваемого имелись связи и где он мог находиться, не дали результатов;

б) при наличии подтвержденных сведений о выезде разыскиваемого за пределы Российской Федерации, при этом информации о его возможном местонахождении и связях за рубежом не имеется.

Третий вид – уведомление с красным углом выпускает штаб-квартира в Лионе после получения документов из НЦБ Интерпола конкретной страны. Ходатайство об издании международного уведомления о розыске с красным углом (Red Notice) в соответствии с п. 142 Инструкции по линии Интерпола направляется в Генеральный секретариат через два года после направления во все государства-члены Интерпола запроса о розыске обвиняемого, подсудимого, осужденного в том случае, если принятыми мерами установить местонахождение разыскиваемого не удалось. В соответствии с п. 144 Инструкции по линии Интерпола ходатайство

об издании международного уведомления о розыске обвиняемого, подсудимого, осужденного с целью его ареста и выдачи (Red Notice) может быть направлено в Генеральный секретариат до истечения двух лет после направления во все государства-члены Интерпола запроса о розыске обвиняемого, подсудимого, осужденного, в том случае: а) если разыскиваемым совершено особо тяжкое преступление; б) если совершенным преступлением нанесен ущерб в крупном или особо крупном размере; в) если имел место рецидив преступлений.

Начиная с момента принятия Заявления Генерального секретариата Интерпола от 10 марта 2022 г. по Украине, НЦБ Интерпола России больше не может отправлять рассылки напрямую в страны-члены. НЦБ Интерпола России теперь должно направлять все рассылки в Генеральный секретариат для проверки на соответствие правилам Интерпола. Только в том случае, если распространение будет признано соответствующим, Генеральный секретариат распространит его среди стран-членов. Эта процедура является дополнением к текущему процессу Генерального секретариата по рассмотрению всех запросов на уведомление на предмет их соответствия.

Дополнительные меры могут быть приняты Генеральным секретарем в срочном порядке, если в этом возникнет необходимость.

Все запросы об уведомлении рассматриваются Генеральным секретариатом на предмет соответствия Правилам Интерпола по обработке данных. Генеральный секретариат несет ответственность за публикацию уведомлений Интерпола от имени Организации. В ст. 77 этих Правил установлено, что Генеральный секретариат не может публиковать уведомление от имени Организации, если:

– предоставленные данные не соответствуют условиям публикации уведомления;

– публикация уведомления в данном случае не представляет интереса для целей международного полицейского сотрудничества;

– публикация уведомления может нанести ущерб интересам Организации или ее членов.

В ст. 79 Правил Интерпола по обработке данных установлен порядок опубликования уведомлений. Уведомления публикуются Генеральным секретариатом для сведения всех национальных центральных бюро следующим образом: национальные центральные бюро должны быть проинформированы о публикации уведомления в день его публикации.

Национальные центральные бюро должны иметь возможность напрямую об-

ращаться ко всем опубликованным уведомлениям в базе данных Организации. Если возникает сомнение в отношении соблюдения условий обработки данных, Генеральный секретариат принимает все необходимые меры для предотвращения любого прямого или косвенного ущерба, который может быть причинен Организации, ее персоналу, ее членам, Национальным центральным бюро, национальным организациям, международным организациям или частным лицам, к которым относятся данные.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола : приказ МВД России № 786, Минюста России № 310, ФСБ России № 470, ФСО России № 454, ФСКН России № 333, ФТС России № 971 от 6 октября 2006 г. (ред. от 22 сентября 2009 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63834/ (дата обращения: 29.05.2022).
2. Ткачук Т. А. Современные проблемы межгосударственного и международного розыска и пути их решения // Бизнес в законе. 2010. № 5. С. 133–137.
3. Белов О. А. Вопросы взаимодействия ФСИН и МВД России при осуществлении международного розыска лиц, совершивших побег из исправительных учреждений // Вестник института : Научно-практический журнал Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний. 2013. № 2 (22). С. 46–49.
4. Тарасов М. Ю. О процедуре объявления лица в международный розыск // Вестник Уфимского юридического института МВД России. № 2 (92). 2021. С. 124–131.
5. Обращение Президента Российской Федерации. 24 февраля 2022 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> (дата обращения: 29.05.2022).
6. В США потребовали исключить Россию из Интерпола // Лента.Ру. 12 марта 2022. URL: <https://lenta.ru/news/2022/03/12/interpol/> (дата обращения: 29.05.2022).
7. Сергеев Н., Сергеев С. Россию вызывают в мировую полицию // Коммерсантъ. № 35. 01.03.2022. С. 4. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5238113> (дата обращения: 29.05.2022).
8. Добежать до границы // Секрет фирмы. 28 февраля 2022. URL: <https://secretmag.ru/news/dobezhat-do-granicy-yurist-obyasnil-chem-obernyotsya-isklyuchenie-rossii-iz-interpola-28-02-2022.htm> (дата обращения: 29.05.2022).
9. Украина : Заявление Генерального секретариата Интерпола. 10 марта 2022 г. URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2022/Ukraine-INTERPOL-General-Secretariat-statement> (дата обращения: 29.05.2022).
10. Constitution of the ICPO-INTERPOL [I/CONS/GA/1956 (2017)]. URL: <https://www.interpol.int/Who-we-are/Commission-for-the-Control-of-INTERPOL-s-Files-CCF/About-the-CCF> (дата обращения: 29.05.2022).
11. Устав Международной организации уголовной полиции (Интерпол) (вступил в силу 13 июня 1956 г., с изменениями по состоянию на 1 января 1986 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901939/> (дата обращения: 29.05.2022).
12. INTERPOL's Rules on the Processing of Data [III/IRPD/GA/2011 (2019)] (Правила Интерпола по обработке данных. Приняты Генеральной Ассамблеей на ее 80-й сессии (Ханой, 2011 г.) (Резолюция AG-2011-RES-07), действуют в редакции, утвержденной Генеральной Ассамблеей ICPO-INTERPOL на 88-й сессии (Сантьяго-де-Чили, 2019 г.) (Резолюция GA-2019-88-RES-02). URL: <https://www.interpol.int/Resources/Documents> (дата обращения: 29.05.2022).

REFERENCES

1. On the approval of the Instructions for organizing information support for cooperation through Interpol : order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 786, the Ministry of Justice of Russia No. 310, the Federal Security Service of Russia No. 470, the Federal Security Service of Russia No. 454, the Federal Drug Control Service of Russia No. 333, the Federal Customs Service of Russia No. 971 dated October 6, 2006 (as amended on September 22, 2009) // Access from the reference legal system “ConsultantPlus”. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63834/ (date of access: 29.05.2022). (In Russ.)
2. Tkachuk T. A. Modern problems of interstate and international search and ways to solve them // Business in law. 2010. No. 5. P. 133–137. (In Russ.)
3. Belov O. A. Issues of interaction between the Federal Penitentiary Service and the Ministry of Internal Affairs of Russia in the implementation of the international search for persons who have escaped from correctional institutions // Bulletin of the Institute: Scientific and Practical Journal of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service. 2013. No. 2 (22). P. 46–49. (In Russ.)
4. Tarasov M. Yu. On the procedure for declaring a person on the international wanted list // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 2 (92). 2021. P. 124–131. (In Russ.)
5. Address of the President of the Russian Federation. February 24, 2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> (date of access: 29.05.2022). (In Russ.)
6. In the USA, they demanded to exclude Russia from Interpol // Lenta.Ru. March 12, 2022. URL: <https://lenta.ru/news/2022/03/12/interpol/> (date of access: 29.05.2022). (In Russ.)
7. Sergeev N., Sergeev S. Russia is summoned to the world police // Kommersant. No. 35. 01.03.2022. P. 4. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5238113> (date of access: 29.05.2022). (In Russ.)
8. Run to the border // Secret of the company. February 28, 2022. URL: <https://secretmag.ru/news/dobezhat-do-granicy-yurist-obyasnil-chem-obernyotsya-isklyuchenie-rossii-iz-interpola-28-02-2022.htm> (date of access: 29.05.2022). (In Russ.)
9. Ukraine : Statement by the General Secretariat of Interpol. 10 March 2022 URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2022/Ukraine-INTERPOL-General-Secretariat-statement> (date of access: 29.05.2022). (In Russ.)
10. Constitution of the ICPO-INTERPOL [I/CONS/GA/1956 (2017)]. URL: <https://www.interpol.int/Who-we-are/Commission-for-the-Control-of-INTERPOL-s-Files-CCF/About-the-CCF> (date of access: 29.05.2022). (In Russ.)
11. Statute of the International Criminal Police Organization (Interpol) (entered into force on 13 June 1956, as amended on 1 January 1986). URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901939/> (date of access: 29.05.2022). (In Russ.)
12. INTERPOL’s Rules on the Processing of Data [III/IRPD/GA/2011 (2019)] (Resolution AG-2011-RES-07) are valid as approved by the ICPO-INTERPOL General Assembly at the 88th session (Santiago de Chile, 2019) (Resolution GA-2019-88-RES-02). URL: <https://www.interpol.int/Resources/Documents> (date of access: 29.05.2022). (In Russ.)

Информация об авторах:

Григорьев В. Н., доктор юридических наук, профессор;
Тарасов М. Ю., кандидат юридических наук.

Information about the authors:

Grigoryev V. N., Doctor of Law, Professor;
Tarasov M. Yu., Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 06.06.2022; одобрена после рецензирования 02.08.2022; принята к публикации 23.09.2022.

The article was submitted 06.06.2022; approved after reviewing 02.08.2022; accepted for publication 23.09.2022.

Научная статья
УДК 343.85:343.343.6:343.13(470)

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО КАК СРЕДСТВО ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

Сергей Валерьевич Гурдин

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя,
Москва, Россия, sgurdin@gmail.com

Аннотация. На основе глубокого анализа действующего уголовно-процессуального законодательства, всесторонне изученных мнений ведущих российских ученых-процессуалистов, обнаруженных в современной юридической литературе, посвященной проблемам уголовного судопроизводства и практических работников следственных органов, автор дает анализ роли уголовного судопроизводства как средства профилактики преступлений в сфере миграции.

Ключевые слова: профилактическая роль уголовного судопроизводства, организация незаконной миграции; обвиняемый, следователь, дознаватель профилактика преступлений, судебное разбирательство, информационные технологии

Для цитирования: Гурдин С. В. Уголовное судопроизводство как средство профилактики преступлений в сфере незаконной миграции // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 85–90.

Original article

CRIMINAL PROCEEDINGS AS A MEANS OF PREVENTING CRIMES IN THE SPHERE OF ILLEGAL MIGRATION

Sergey V. Gurdin

Moscow University of the MIA of Russia the name of V. J. Kikot,
Moscow, Russia, sgurdin@gmail.com

Abstract. From the point of view of modern criminal procedure law, the article provides a comprehensive analysis of the role of criminal proceedings as a means of preventing crimes in the field of migration.

The conclusions presented in the article are based on a deep analysis of the current criminal procedural legislation, a comprehensive study of the opinions of leading Russian scientists-proceduralists, found in modern legal literature devoted to the problems of criminal proceedings and practitioners of investigative bodies.

Keywords: preventive role of criminal justice, organization of illegal migration, accused, investigator, interrogator, crime prevention, trial, information technology

For citation: Gurdin S. V. Criminal proceedings as a means of preventing crimes in the sphere of illegal migration // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 3 (97). P. 85–90.

Перемещение людей с места на место происходило с самых давних времен и происходит до сих пор. Одни переезжают, чтобы найти новую более престижную работу, заработать больше денег и улучшить свое финансовое и материальное положение, получить образование и дать его своим детям, у других процесс переезда связан с обретен-

ем новых родственников или с воссоединением с семьей, а некоторые просто уезжают из неблагополучных стран, в которых идет гражданская война или к власти приходят представители террористических организаций и начинается серьезное претеснение прав и свобод, что побуждает людей бежать в поисках лучшей доли. Таким образом, ми-

© Гурдин С. В., 2022

грационные процессы не останавливаются ни на минуту.

Главное управление по вопросам миграции МВД России опубликовало на своем официальном сайте информацию, отражающую факт популярности Российской Федерации как страны с весьма комфортным социальным, экономическим и политическим климатом для мигрантов. Именно по этой причине число иностранных граждан и лиц без гражданства неуклонно растет, даже несмотря на пандемию, вызванную вирусом COVID-19.

Так, количество фактов постановки на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства только за январь – июль 2021 г. составило 6 475 509 случаев, а за такой же период 2020 г. случаев постановки этой категории граждан на миграционный учет всего 6 018 627, и это только официальная статистика [1]. Неофициальные статистические данные, по самым скромным подсчетам этого же ведомства, позволяют сделать вывод о том, что на территории нашего государства незаконно пребывают более двух миллионов мигрантов, которые вольготно себя чувствуют и не стремятся легализовать свой статус.

Организация незаконного въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан или лиц без гражданства, их незаконного пребывания в Российской Федерации или незаконного транзитного проезда через территорию Российской Федерации, предусмотренная ст. 322.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), стала настоящей криминальной бизнес-индустрией несмотря на уголовную наказуемость таких действий [2].

Следует еще раз отметить, что Россия, оставаясь верной своим демократическим и правовым устоям, создает для иностранных граждан и лиц без гражданства чрезвычайно комфортные условия пребывания, соответствующие самым высоким международным стандартам. Однако, государство не может не тревожить тот факт, что растет число преступлений, в том числе тяжких, вызывающих общественный резонанс, со-

вершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства, прибывшими в поисках работы.

Кроме того, вызывает беспокойство рост неподконтрольной государству, а значит и незаконной деятельности по ввозу мигрантов, осуществляемой в первую очередь различными этническими группировками и отдельными гражданами РФ с целью заработка. Безусловно, такая деятельность в случае ее обнаружения пресекается правоохранительными органами, и тем не менее, начавшись, она наносит вред как государственным интересам, так и интересам самих мигрантов, правовое положение которых на территории России не определено, и в конечном итоге порождает социальную напряженность в обществе, сказывается на безопасности россиян.

По этой причине компетентные органы страны, призванные осуществлять борьбу с преступностью, вынуждены всеми силами и средствами, предусмотренными действующим законодательством, противостоять и этой преступной деятельности, выявлять лиц ей занимающихся, доказывать их виновность и привлекать к уголовной ответственности. Немаловажное значение при этом имеет уголовное судопроизводство, которое в век цифровых технологий и информации становится одним из востребованных и достаточно мощных инструментов как в деле борьбы с преступностью вообще, так и в конкретно определенной ст. 322.1 УК РФ преступной деятельностью.

На наш взгляд, справедливо определение уголовного судопроизводства (*уголовного процесса*) профессора О. В. Мичуриной: «это осуществляемая в строго установленном законом порядке деятельность уполномоченных (компетентных) государственных органов и должностных лиц (суда, прокурора, следователя, руководителя следственного органа, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя) по возбуждению, предварительному расследованию, судебному рассмотрению и разрешению уголовных дел, а также возникающие в связи с этой де-

тельностью правовые отношения указанных государственных органов и должностных лиц как между собой, так и с другими участниками уголовного судопроизводства» [3, с. 8].

В продолжение отметим, что уже в досудебных стадиях уголовного судопроизводства начинает проявляться не только его профилактическое, но и воспитательное влияние практически на всех участвующих в деле лиц и в первую очередь на лицо, совершившее преступление, потому что в ряде случаев именно в отношении конкретного лица следователем или дознавателем выносится постановление о возбуждении уголовного дела и начинается осуществляться уголовное преследование.

В случае, если уголовное дело возбуждено по факту совершения преступления, этот факт абсолютно не снижает профилактической ценности стадии возбуждения уголовного дела. То есть досудебные стадии уголовного судопроизводства, к которым относятся возбуждение уголовного дела и предварительное расследование, призваны в том числе с самого начала поколебать веру подозреваемого или обвиняемого в организации незаконного въезда в РФ иностранных граждан или лиц без гражданства, их незаконное пребывание в РФ или незаконный транзитный проезд через территорию РФ в своей безнаказанности, в правильности совершенного и возможно задать себе вопрос о том, стоила ли ответственность за содеянное заработанных незаконным путем денег, которые возможно обратятся в доход государства, а также осознать, что впереди их ждет уголовное наказание.

При этом должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ), – следователь (п. 41 ст. 5 УПК РФ [4]) или должностное лицо органа дознания, правомочное либо уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные

полномочия, предусмотренные УПК РФ, – дознаватель (п. 7 ст. 5 УПК РФ) [4], являясь представителями правоохранительных органов государства, которые, возбуждая уголовное дело и давая предварительную квалификацию содеянному, по сути выражают негативное отношение всего общества к совершенному преступлению и видение законодателя относительно такого деяния.

При этом сам факт возбуждения уголовного дела неизбежно отражается на психоэмоциональном состоянии лица, в отношении которого оно возбуждено, особенно, если об этом факте становится известно на работе, среди друзей и родственников.

Постановление о возбуждении уголовного дела окончательно обозначает реальность происходящего для такого лица. В свою очередь на стадии предварительного расследования происходит собирание доказательств прежде всего посредством производства следственных действий.

Такие следственные действия, как допрос, обыск, выемка, очная ставка, предъявление для опознания и другие заставляют подозреваемого или обвиняемого многократно обращаться к событиям недавнего «безоблачного» прошлого, к тому периоду времени, когда он в нарушение действующего уголовного закона организовывал незаконную миграцию на территорию РФ, сравнить это прошлое с настоящим и уже на этапе предварительного расследования представить незавидное обозримое будущее.

В продолжение следует отметить, что уголовно-процессуальный закон ст. 217 УПК РФ обязывает лицо, осуществляющее предварительное расследование, по его окончании предъявить обвиняемому и его защитнику подшитые и пронумерованные материалы уголовного дела вместе с вещественными доказательствами и по просьбе обвиняемого или его защитника фотографии, материалы аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки и иные приложения к протоколам следственных действий [5].

С уверенностью можно утверждать о том, что законодатель предусмотрел это

процессуальное действие в том числе и с профилактической целью, так как именно в этот период расследования обвиняемый раз за разом вынужден обращаться к совершенному им преступлению, его подробностям и уже имеет представление о будущем наказании. В такой ситуации у обвиняемого вполне могут сформироваться намерения не совершать больше преступлений и уберечь от этого своих знакомых и близких.

Аналогичные намерения, причем не только у обвиняемого, могут быть сформированы благодаря такому процессуальному средству профилактики преступлений, как внесение руководителем следственного органа, следователем или дознавателем в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представления о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, которое подлежит обязательному рассмотрению, обсуждению с трудовым коллективом, в котором работал обвиняемый, и ответу в соответствии с ч. 2 ст. 158 УПК РФ.

Далее следует отметить, что серьезным средством профилактики преступлений, связанных с организацией незаконной миграции, является производство в суде первой инстанции, в ходе которого уголовное дело рассматривается и разрешается по существу, и именно в этот момент будет получен ответ на главный вопрос – виновен ли подсудимый в совершении преступления?

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством эта процедура детально урегулирована и при ближайшем рассмотрении действительно оказывает профилактически-воспитательное влияние на подсудимого и других лиц, так как в век цифровых технологий любой может не только получить информацию о судебном разбирательстве, но и посмотреть его в трансляции или уже в записи.

В одном из своих произведений еще В. И. Ленин писал: «из всякого хорошо организованного и проводимого на высоком политическом уровне судебного процесса можно и должно извлечь <...> уроки обще-

ственной морали и практической политики» [6, с. 407–408]. Актуально это и сейчас в век цифровизации общества и государства в целом.

В подтверждение сказанного выше, отметим, что в средствах массовой информации и в недрах глобальной сети Интернет в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 15.1 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», вполне возможно обнаружить различные, предусмотренные этим законом виды трансляций судебного заседания [7].

При этом очевидно, что профилактика преступлений, в том числе в сфере миграции, и воспитание граждан в духе неуклонного соблюдения Конституции и законов, уважения, существующих правил общежития сосуществуют всегда рядом в неразрывной связи, даже несмотря на то, что задача воспитания перед уголовным судопроизводством на первый взгляд не ставится.

Профессор А. В. Победкин справедливо отметил: «уголовное судопроизводство всегда – средство воспитания общества, даже если такая задача перед ним законодательно и не ставится. Воспитывает своим содержанием, формой, итоговыми решениями, поведением и отношением к делу и человеку должностных лиц, ведущих уголовный процесс, уровнем уважения к людям и защиты их прав и законных интересов, а самое главное – эффективностью выполнения своей основной функции: публичности, т. е. защиты народа от преступных проявлений, которые могут достигать уровня угрозы национальной безопасности страны» [8, с. 41].

Ценность судебного разбирательства как одного из процессуальных средств профилактики совершения преступлений заключается в том, что оно оказывает психологическое воздействие на самого подсудимого, который ощущает на себе весь груз ответственности за содеянное и отношение к нему общества.

Кроме того, в зале судебного заседания создается устойчивая атмосфера, пропитанная духом общественного осуждения и не-

отвратимости наказания. В такой обстановке пусть не всегда и не у всех подсудимых возникает желание не преступать закон в будущем и не допускать его нарушения теми людьми, с которыми он связан родственными, дружескими или любыми другими отношениями или не связан вообще.

Другим процессуальным элементом профилактики совершения преступлений вообще, и в сфере миграции в частности, является приговор, постановленный от имени государства, в котором дается подробное описание преступлению, а также находят ответ все, указанные в ст. 229 УПК РФ вопросы, подлежащие разрешению судом при его постановлении.

Тексты приговоров по уголовным делам, вступившие в законную силу, наряду с просмотром трансляции судебного заседания и тексты о преступлениях в сфере организации незаконной миграции в частности заставляют рано или поздно не только осужденных, но простых обывателей особенно

из числа молодежи прийти к выводу о том, что совершение уголовного деяния в этой, а равно и в другой сфере общественных отношений недопустимо. В противном случае неизбежно последует наказание.

Подводя итог сказанному, отметим, что в уголовном судопроизводстве изначально законодателем заложен достаточно большой и по-своему эффективный профилактический и воспитательный потенциал, который раскрывается при производстве обозначенных выше процессуальных действий, которые в своем комплексном взаимодействии оказывают профилактико-воспитательное влияние на широкие слои граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на территории Российской Федерации незаконно и являются в некотором смысле сдерживающим фактором, профилактическим началом для лиц, задумавших заняться организацией незаконной миграции или совершить иное преступление.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Министерство Внутренних Дел Российской Федерации : официальный сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/25487770/> (дата обращения: 08.05.2022).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 08.05.2022).
3. Мичурина О. В. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс) : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под редакцией А. В. Ендольцевой, О. В. Химичевой, Е. Н. Клещиной. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2017.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 20.02.2020) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 08.05.2022).
5. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/71428030/> (дата обращения: 08.05.2022).
6. В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 4. // Москва, Берлин : Директ-Медиа, 2016. 596 с.
7. Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации : Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ (ред. от 28 декабря 2017 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/194582/> (дата обращения: 08.05.2022).
8. Победкин А. В. Уголовное судопроизводство как не востребованное средство воспитания человека // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 40–45.

REFERENCES

1. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: official site. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/25487770/> (date of access: 08.05.2022). (In Russ.)

2. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on July 1, 2021). // Access from the reference-legal system “ConsultantPlus”. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (date of access: 08.05.2022). (In Russ.)

3. Michurina O. V. Criminal procedure law (Criminal process) : a textbook for university students studying in the direction of training “Jurisprudence” / edited by A. V. Endoltseva, O. V. Khimicheva, E. N. Kleshchina. Moscow : UNITY-DANA, 2017. (In Russ.)

4. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on February 20, 2020) // Access from the ConsultantPlus legal system. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (date of access: 08.05.2022). (In Russ.)

5. On the basics of the crime prevention system in the Russian Federation : Federal Law of June 23, 2016 No. 182-FZ // Access from the Garant legal system. URL: <https://base.garant.ru/71428030/> (date of access: 08.05.2022). (In Russ.)

6. V. I. Lenin. Full coll. op. T. 4. // Moscow, Berlin : Direct-Media, 2016. 596 p. (In Russ.)

7. On ensuring access to information about the activities of the courts in the Russian Federation : Federal Law of December 22, 2008 No. 262-FZ (as amended on December 28, 2017) // Access from the legal reference system “Garant” . URL: <https://base.garant.ru/194582/> (date of access: 08.05.2022). (In Russ.)

8. Pobedkin A. V. Criminal justice as an unclaimed means of educating a person // Bulletin of economic security. 2019. No. 1. P. 40–45. (In Russ.)

Информация об авторе:

Гурдин С. В., кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

Gurdin S. V., Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.06.2022; одобрена после рецензирования 15.07.2022; принята к публикации 23.09.2022.

The article was submitted 20.06.2022; approved after reviewing 15.07.2022; accepted for publication 23.09.2022.

Научная статья
УДК 343.4:331.45(470)

ПОТЕРПЕВШИЙ В РЕЗУЛЬТАТЕ НАРУШЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ ОХРАНЫ ТРУДА (СТ. 143 УК РФ): ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ

Евгений Сергеевич Квасников

Омская академия МВД России, Омск, Россия, evgen1219@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена проблема определения статуса потерпевшего при квалификации преступления по ст. 143 УК РФ. На основе анализа научной литературы, нормативно-правовых актов и судебной практики автор обозначает причины и возможные пути решения проблемы определения трудового правового статуса потерпевшего.

Ключевые слова: нарушение, охрана труда, квалификация преступления, потерпевший

Для цитирования: Квасников Е. С. Потерпевший в результате нарушения требований охраны труда (ст. 143 УК РФ): вопросы уголовно-правовой оценки // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 91–95.

Original article

THE VICTIM AS A RESULT OF VIOLATION OF LABOR PROTECTION REQUIREMENTS (ARTICLE 143 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION): ISSUES OF CRIMINAL LAW ASSESSMENT

Evgeny S. Kvasnikov

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russia, evgen1219@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of determining the status of the victim when qualifying a crime under Art. 143 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on the analysis of scientific literature, legal acts and judicial practice, the author identifies the causes and possible solutions to the problem of determining the labor legal status of the victim.

Keywords: violation, labor protection, qualification of the crime, victim

For citation: Kvasnikov E. S. The victim as a result of violation of labor protection requirements (article 143 of the Criminal code of the Russian Federation): issues of criminal law assessment // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 3 (97). P. 91–95.

Сложность квалификации деяния по ст. 143 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) (нарушение требований охраны труда) обусловлена, в том числе трудо-правовым статусом потерпевшего. Кроме других факторов, криминализация такого нарушения связана с наступлением негативных последствий (тяжкий вред здоровью либо смерть) именно для потерпевшего.

В диспозициях частей ст. 143 УК РФ отмечено, что вред от нарушения требований охраны труда причиняется человеку или лицам. Логично, что конституционным правом

на безопасный труд обладает не только работник, а человек, поскольку в Конституции Российской Федерации речь идет о таком праве каждого. Как отмечает А. В. Михайлов, данное право предполагает возможность гражданина быть в будущем субъектом определенных отношений [1, с. 7], и соответственно, когда он вступает в трудовые отношения, у него возникает субъективное право на охрану труда. Вместе с тем для верной квалификации преступления по ст. 143 УК РФ правоприменителю необходимо учитывать статус потерпевшего.

© Квасников Е. С., 2022

В юридической литературе нет единого мнения о том, как определять непосредственный объект преступного нарушения требований охраны труда. Так, в качестве такового Н. В. Бердычевская предлагает считать общественные отношения, обеспечивающие конституционное право гражданина на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, в целях сохранения его жизни и здоровья в процессе трудовой деятельности [2, с. 98]. В определении других авторов речь идет о безопасных условиях труда человека, исключая угрозу его жизни и здоровья при осуществлении им трудовой деятельности. Обязательный дополнительный непосредственный объект, по мнению авторов, составляют жизнь и здоровье человека [3, с. 100]. По мнению Э. С. Тэнчова, такой объект составляет право каждого человека на благоприятные и безопасные условия труда, закрепленное в международных правовых актах и Конституции Российской Федерации, [4, с. 154]. Общественные отношения, обеспечивающие соблюдение трудовых прав граждан в различных сферах деятельности [5, с. 358], по мнению Г. Н. Борзенкова, составляют содержание непосредственного объекта рассматриваемого состава преступления.

Однако, с учетом трудо-правового статуса потерпевшего, в суждениях некоторых авторов имеют место некоторые неточности в части указания на права лишь гражданина, а не человека. Поскольку законодательство РФ допускает трудовые отношения с иностранными гражданами и лицами без гражданства – ч. 3 ст. 62 Конституции Российской Федерации; ч. 5 ст. 11 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ).

Тем не менее, в доктрине присутствует критика существующей диспозиции ст. 143 УК РФ в части использования слова «человек». Например, Н. Н. Хилтунов предлагает заменить данное слово на «потерпевший», аргументируя свою позицию тем, что понятие «человек» является чрезвычайно широким по объему [6, с. 69].

С другой стороны, поскольку положения и УК РФ, и УПК РФ, в целом направ-

лены на защиту именно «потерпевшего», т. е. понятия, включающего в себя граждан, иностранных граждан, лиц без гражданства, юридических лиц (в науке существуют мнения, что даже общество и государство [7, с. 71; 8, с. 56–57; 9, с. 21]), мы считаем, что такая замена к сужению круга потерпевших лиц, статус которых позволит верно квалифицировать рассматриваемое деяние, не приведет.

Пункт 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 41 [10] разъясняет, что потерпевшими от рассматриваемого деяния могут быть признаны: работник, заключивший трудовой договор, чье право, гарантированное Конституцией РФ на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, было нарушено, а также иные, не оформившие трудовые отношения, но приступившие к исполнению трудовой функции лица. По этой причине, если характер деятельности лица носит гражданско-правовой характер, и при выполнении работ или оказании услуг на основании гражданско-правового договора с таким лицом произошел несчастный случай, в действиях заказчика состав рассматриваемого преступления отсутствует.

Исходя из этого, у правоприменителя при квалификации рассматриваемого преступления возникает проблема избличения «маскировки» трудовых отношений под гражданско-правовые, потому что работодатели в целях избежания ответственности за работников нередко пользуются данным способом. Об этом свидетельствует повторяющаяся судебная практика, в том числе правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации [11]. Так, в определении суд указал, что при разрешении дел о признании отношений между работником и работодателем трудовыми необходимо учитывать не только наличие или отсутствие формализованных актов (гражданско-правовых договоров, трудовых договоров, штатного расписания и т. п.). Следует устанавливать действительность признаков трудовых отношений (вы-

полнение конкретной трудовой функции, личный характер выполнения работ, установление рабочего времени и др.). Таким образом, например, Определением Верховного Суда Российской Федерации юридическому лицу было отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в связи с правомерностью переквалификации судами договоров оказания услуг на трудовые договоры ввиду фактического наличия между сторонами трудовых отношений, а действия юридического лица были расценены как направленные на получение необоснованной налоговой выгоды [12]. В другом случае Верховный Суд Российской Федерации в своем определении указал, что сам по себе факт заключения между организацией и физическим лицом гражданско-правового договора еще не говорит об отсутствии трудовых отношений [13].

В настоящее время ситуации такого типа усугубляются в связи с трансформацией рынка труда, появлением новых форм занятости населения. Например, в очень популярной в настоящее время ситуации с самозанятыми лицами работодатель всегда выступает в роли заказчика, а следовательно, круг его обязанностей по обеспечению требований охраны труда исполнителя вообще отсутствует. Более того, законом не предусмотрены ограничения сфер деятельности, в которых могут трудиться самозанятые. И в этой ситуации при наступлении у потерпевшего (исполнителя) последствий в виде тяжкого вреда здоровью либо смерти в связи с бездействием заказчика (невыполнение мероприятий по охране труда), если для правоприменителя очевидно, что в действиях последнего содержатся признаки состава преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ, ввиду указанного пробела в законодательстве, основания для привлечения заказчика (работодателя) к уголовной ответственности как по ст. 143 УК РФ, так и по иным (смежным) составам преступлений отсутствуют.

В таких случаях и возникает главная проблема для правоприменителя – идентификация трудо-правового статуса потерпевшего, так как указанные разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации (п.п. 3, 12) фактически его вынуждают при расследовании уголовного дела устанавливать факт трудовых отношений.

При этом, хотя уголовно-процессуальный закон и предписывает осуществлять расследование и рассмотрение уголовных дел в рамках уголовно-процессуального поля, при квалификации рассматриваемого деяния, помимо законодательства трудового, правоприменителю следует обращаться и к гражданскому законодательству, учитывая законность заключения гражданско-правовых договоров заказчика с исполнителем. Так, например, при вынесении апелляционного постановления на обвинительный приговор нижестоящего суда областной суд указал, что разъяснения, содержащиеся в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 41, об отсутствии в деянии состава преступления, если несчастный случай произошел с лицом, которое выполняло работы или оказывало услуги на основании гражданско-правового договора, в данном случае неприменимы, поскольку договор подряда надлежащим образом, с установлением и соблюдением всех необходимых условий, предусмотренных правилами безопасности при ведении строительных работ, заключен и исполнен не был [14].

Таким образом, круг потерпевших от совершения рассматриваемого преступления ограничен физическими лицами, вступившими в трудовые отношения с работодателем. Трудовое законодательство определяет факт возникновения трудовых отношений, даже если трудовой договор надлежащим образом не был оформлен, в том числе в случае фактического допуска к выполнению работ с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного представителя (ч. 3 ст. 16, ч. ч. 1, 3 ст. 67 ТК РФ). Соответственно, неисполнение обязанности работодателя по изданию приказа о принятии на

работу и оформление трудового договора в письменной форме не исключает само по себе наличие таких отношений (ст. ст. 67, 68 ТК РФ).

Не включенные в систему трудовых отношений лица, которым причинен вред в виде последствий, указанных в ст. 143 УК РФ, при квалификации деяния не могут быть признаны потерпевшими, поскольку они не являются носителями права на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены.

В заключение отметим, что современные реалии в сфере рынка труда, дисгармония содержания диспозиций ст. 143 УК РФ с нормами трудового законодательства об ох-

ране труда, а также указанные разъяснения Постановления Пленума Верховного Суда № 41 оказывают немаловажное влияние на уголовно-правовую оценку рассматриваемого деяния, в том числе при определении трудо-правового статуса потерпевшего. На основании вышеизложенного в целях правильного юридико-технического изложения ст. 143 УК РФ, гармонизации содержания диспозиций ст. 143 УК РФ с соответствующими нормами трудового законодательства, облегчения уголовно-правовой оценки рассматриваемого деяния, предлагаем заменить в диспозициях частей ст. 143 УК РФ слово «человек» на «лицо (лиц), вступившее (вступивших) в трудовые отношения».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Михайлов А. В. Правовое регулирование охраны труда в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2013. С. 7.
2. Бердычевская Н. В. Уголовно-правовой анализ состава преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ (нарушение правил охраны труда) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 3. С. 98.
3. Новиков В. А., Шиян В. И. нарушение требований охраны труда (ст. 143 УК РФ): состояние и актуальные вопросы квалификации // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 3. С. 100.
4. Уголовное право России. Часть Особенная / отв. ред. Л. Л. Кругликов. Москва, 2005. С. 154.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. Москва, 2007. С. 358.
6. Хилтунов Н. Н. Уголовная ответственность за нарушение требований охраны труда : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2015. С. 69.
7. Комментарий к УК РФ / под ред. В. И. Радченко. М., 1997. С. 71.
8. Поляков Н. Имущественный вред, причиненный преступлением: понятие, проблемы возмещения // Советское государство и право. 1989. № 6. С. 56–57.
9. Ткачевский Ю. М. Восстановление социальной справедливости – цель уголовного наказания и УИК РФ // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1998. № 6. С. 21.
10. О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2018 г. № 41 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_312308/ (дата обращения: 12.02.2022).
11. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 2009 г. № 597-О-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92211/ (дата обращения: 12.02.2022).
12. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 августа 2019 г. № 304-ЭС19-13099 по делу № А70-11827/2017 // Доступ из юрид. инф. системы «Легалакт». URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-09082019-n-304-es19-13099-po-delu-n-a70-118272017/> (дата обращения: 12.02.2022).
13. Определение Верховного суда Российской Федерации от 25 сентября 2017 г. № 66-КГ17-10 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Апелляционное постановление Калининградского областного суда № 22-619/2019 от 20 мая 2019 г. по делу № 22-619/2019 // интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/lhL7Rzgjndp/> (дата обращения: 16.02.2022).

REFERENCES

1. Mikhailov A. V. Legal regulation of labor protection in the Russian Federation : dis. ... cand. legal sciences. Moscow, 2013. P. 7. (In Russ.)
2. Berdychevskaya N. V. Criminal law analysis of the elements of a crime under Art. 143 of the Criminal Code of the Russian Federation (violation of labor protection rules) // News of higher educational institutions. North Caucasian region. Social Sciences. 2011. No. 3. P. 98. (In Russ.)
3. Novikov V. A., Shiyani V. I. Violation of labor protection requirements (Article 143 of the Criminal Code of the Russian Federation): state and topical issues of qualification // Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2019. No. 3. P. 100. (In Russ.)
4. Criminal law of Russia. Part Special / ed. L. L. Kruglikov. Moscow, 2005. P. 154. (In Russ.)
5. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / otv. ed. V. M. Lebedev. Moscow, 2007. P. 358. (In Russ.)
6. Khiltunov N. N. Criminal liability for violation of labor protection requirements : dis. ... cand. legal Sciences. Moscow, 2015. P. 69. (In Russ.)
7. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / ed. V. I. Radchenko. M., 1997. P. 71. (In Russ.)
8. Polyakov N. Property damage caused by a crime: concept, problems of compensation // Soviet state and law. 1989. No. 6. P. 56–57. (In Russ.)
9. Tkachevsky Yu. M. Restoration of social justice – the goal of criminal punishment and the Penal Code of the Russian Federation // Bulletin of Moscow State University. Episode 11. 1998. No. 6. P. 21. (In Russ.)
10. On judicial practice in criminal cases on violations of labor protection requirements, safety rules during construction or other work, or industrial safety requirements for hazardous production facilities : Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 29, 2018 No. 41 // Access from the reference.-legal system “ConsultantPlus”. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_312308/ (date of access: 12.02.2022). (In Russ.)
11. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 19, 2009 No. 597-O-O // Access from the “ConsultantPlus” legal system. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92211/ (date of access: 12.02.2022). (In Russ.)
12. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 9, 2019 No. 304-ES19-13099 in case No. A70-11827/2017 // Access from legal. inf. system “Legalakt”. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-09082019-n-304-es19-13099-po-delu-n-a70-118272017/> (date of access: 12.02.2022). (In Russ.)
13. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 25, 2017 No. 66-KG17-10 // Access from the “ConsultantPlus” legal system. (In Russ.)
14. Appeal ruling of the Kaliningrad Regional Court No. 22-619/2019 dated May 20, 2019 in case No. 22-619/2019 // Internet resource “Judicial and regulatory acts of the Russian Federation”. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/lhL7Rzgjndp/> (date of access: 16.02.2022). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.02.2022; одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 23.09.2022.

The article was submitted 21.02.2022; approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 23.09.2022.

Научная статья
УДК 343.123.1:343.19(470)

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ВЛИЯНИИ КОНТРОЛЯ СУДА НА УСМОТРЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Александра Владимировна Земскова^{1,2}, Ольга Викторовна Химичева¹,
Ольга Анатольевна Мотякова²✉

¹ Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

² Московский государственный университет технологий и управления
имени К. Г. Разумовского, Москва, Россия, o.mgutu@yandex.ru✉

Аннотация. Статья посвящена контрольному аспекту в деятельности суда и влиянию этих полномочий на реализацию следователем усмотрения при производстве по уголовному делу. Отмечено, что существующая система процессуального контроля и надзора не лишена недостатков вследствие разноместного характера ее элементов, а также недостаточной проработки вопроса о функциональной организации всего уголовного процесса. Сделан вывод о том, что суд, контролируя законность и обоснованность наиболее важных процессуальных действий и решений следователя, в то же время не должен вмешиваться в реализацию следователем его усмотрения, ограничивать процессуальную самостоятельность данного субъекта. Это обусловлено процессуальной функцией, возложенной на суд, – разрешением уголовного дела – для выполнения которой требуется независимость и беспристрастность суда, в том числе от решений, принимаемых судом в досудебном производстве.

Ключевые слова: процессуальный контроль и надзор, контроль суда, процессуальная самостоятельность следователя, усмотрение следователя, досудебное уголовное производство, процессуальные функции

Для цитирования: Земскова А. В., Химичева О. В., Мотякова О. А. Некоторые замечания о влиянии контроля суда на усмотрение следователя // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 96–101.

Original article

SOME REMARKS ON THE IMPACT OF COURT CONTROL ON THE DISCRETION OF THE INVESTIGATOR

Alexandra V. Zemskova^{1,2}, Olga V. Khimicheva¹, Olga A. Motyakova²✉

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia

² Moscow State University of Technology and Management
named after K. G. Razumovsky, Moscow, Russia, o.mgutu@yandex.ru✉

Abstract. The article is devoted to the control aspect in the activities of the court and the influence of these powers on the exercise of discretion by the investigator in criminal proceedings. It is noted that the existing system of procedural control and supervision is not without drawbacks due to the multi-departmental nature of its elements, as well as insufficient elaboration of the issue of the functional organization of the entire criminal process. It is concluded that the court, while controlling the legality and validity of the most important procedural actions and decisions of the investigator, at the same time should not interfere in the implementation of the investigator's discretion, limit the procedural independence of this subject. This is due to the procedural function assigned to the court - the resolution of a criminal case, which requires the independence and impartiality of the court, including decisions taken by the court in pre-trial proceedings.

© Земскова А. В., Химичева О. В., Мотякова О. А., 2022

Keywords: procedural control and supervision, court control, procedural independence of the investigator, discretion of the investigator, pre-trial criminal proceedings, procedural functions

For citation: Zemskova A. V., Khimicheva O. V., Motyakova O. A. Some remarks on the impact of court control on the discretion of the investigator // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 3 (97). P. 96–101.

Основными элементами системы противодействия уголовно-процессуальным правонарушениям в деятельности следователя общепризнанно являются контроль суда, прокурорский надзор, процессуальный контроль руководителя следственного органа (который часто ошибочно именуют ведомственным), взаимодействие которых нацелено на обеспечение режима законности досудебного производства и реализации назначения уголовного процесса в целом.

Вместе с тем надо признать, что соотношение контрольно-надзорных полномочий, возложенных на руководителя следственного органа, прокурора, суд, сложно назвать взаимодействием. Исследователи данного вопроса отмечают, что, оказывая влияние на усмотрение следователя, полномочия указанных субъектов должны составлять сбалансированную систему, позволяющую обеспечить общий результат – качественное расследование, а на деле зачастую имеется не взаимодействие, а противостояние, вызванное ведомственными интересами [1, с. 148].

Добавим, что, помимо разных ведомственных интересов, взаимодействию контролирующих субъектов мешает и неопределенность процессуальных функций, возложенных уголовно-процессуальным законом на следователя, руководителя следственного органа, прокурора, суд. Дело в том, что в доктрине уголовного процесса весьма неоднозначно воспринимается отношение законом следователя к стороне обвинения; ведутся споры о функции уголовного преследования и надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, возложенных на прокурора, и т. д.

Функциональное построение современного российского уголовного судопроизводства и далее соотношение процессуальных полномочий контролирующих и надзираю-

щих за следователем должностных лиц и органов – это отдельный весьма болезненный вопрос теории и практики уголовного процесса. Вместе с тем деятельность всех трех указанных субъектов служит воплощению целей уголовного процесса (статья 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)), хотя полномочия у них разные, исходя из их процессуальных функций. Но при этом очевидно, что суд обособлен в обозначенной контрольно-надзорной системе, что обусловлено возложением на этот государственный орган процессуальной функции осуществления правосудия, а потому полномочия, которые предоставлены суду в отношении следователя, несколько иного рода, чем те, что имеются у прокурора и руководителя следственного органа.

Дискуссии по поводу судебного контроля за процессуальной деятельностью следователя достаточно актуальны в настоящее время. Так, далеко не всеми учеными разделяется мнение о том, что полномочия суда на досудебном производстве можно считать именно контрольными (полемика по данному поводу подробно представлена в учебном пособии «Процессуальный контроль руководителя следственного органа. Актуальные теоретико-правовые проблемы» [2, с. 17–22]). Но если вспомнить историю появления полномочий суда на стадии предварительного расследования, то она имела причиной неэффективность и необъективность прокурорского надзора, его несостоятельность в решении задач обеспечения баланса прав и интересов стороны обвинения и стороны защиты. Введенные в уголовно-процессуальный закон в 1992 г. судебные полномочия были именно контрольными и состояли в рассмотрении жалоб на постановления о заключении под стражу и о продлении срока содержания под стражей [3, с. 24–30].

В настоящее время полномочия суда в досудебном уголовном производстве выражаются в том, что ряд следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных частью 2 статьи 29 УПК РФ, проводится только на основании судебного решения; в порядке статей 125, 125.1 УПК РФ в суд могут быть обжалованы процессуальные действия и решения должностных лиц органов предварительного следствия, предпринятые на досудебном производстве.

Очевидно, что указанные полномочия суда достаточно широки и оказывают серьезное влияние на деятельность следователя. Конечно, все процессуальные решения, в том числе о производстве следственных и иных процессуальных действий, следователь принимает самостоятельно по своему усмотрению. Однако роль суда как раз и состоит в том, чтобы проверить законность и обоснованность этого усмотрения, выраженного в данных действиях и решениях.

Вместе с тем вряд ли можно утверждать о большей объективности суда, рассматривающего ходатайство о проведении следственного или иного процессуального действия, по сравнению со следователем. Судья не знает всех обстоятельств уголовного дела, он лишен непосредственного восприятия доказательств, общения с участвующими в деле лицами, а потому принимает решение, основываясь на тех материалах, что предоставил в обоснование ходатайства следователь. Иными словами, речь идет об отступлении от одного из основных общих условий судебного разбирательства – установленного в части 1 статьи 240 УПК РФ правила о непосредственности исследования доказательств. Отмечая ценность свободной (в том числе от ведомственных интересов) оценки судьей представленных материалов, нельзя не увидеть того, что отсутствие непосредственности восприятия доказательств может поставить под вопрос объективность судебного решения. Представляется, что расширение возможности участия в судебном рассмотрении ходатайств следователя других участников процесса (в случаях, когда это возможно без ущерба обеспечению тайны

предварительного расследования) могло бы решить эту проблему.

Как показывает практика, судьи часто предметное исследование доказательств подменяют процедурой «заслушивания» доказательств. На это обращается внимание в юридической литературе применительно к судебному разбирательству [4, с. 25–28], но и в досудебном производстве судьи, рассматривая ходатайство следователя о производстве следственных или иных процессуальных действий, просят у следователей в электронном виде копии процессуальных документов, копируя в судебном решении текст с теми же грамматическими и стилистическими ошибками.

Закрепленные в части 1 статьи 125 УПК РФ полномочия суда по рассмотрению жалоб на действия и решения следователя также весьма существенное средство контроля за его процессуальной деятельностью. Закон предусматривает, что суд может признать незаконным любое решение следователя, ведь в предмет судебного обжалования входят не только прямо предусмотренные решения (например, отказ в возбуждении уголовного дела), но и все прочие, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию. Указанное полномочие суда только при первом рассмотрении ограничено по предмету жалоб. Но практически в суд может быть обжаловано любое действие и решение следователя: ведь специфика уголовного процесса в том, что большинство действий и решений следователя можно признать способным причинить ущерб какому-либо из закрепленных в Конституции Российской Федерации прав и свобод.

Более того, на практике известны случаи признания судом незаконными действий и решений следователя, которых достаточно проблематично отнести к ограничивающим конституционные права граждан. К примеру, в литературе приведен пример, когда суд посчитал незаконным и необоснованным внесение следователем представления в ор-

ганизацию по факту неприбытия по вызову на допрос ее сотрудника (в порядке части 2 статьи 158 УПК РФ) [1, с. 150–151]. Представляется, что подобные решения суда в отношении действий и решений, составляющих исключительную прерогативу следователя, обуславливают мнение о том, что предусмотренный действующим УПК РФ судебный контроль является чрезмерным [5, с. 11], не обеспечивающим баланс между публичным и частным интересами, сковывающим, больше, чем прокурорский надзор и контроль руководителя следственного органа, процессуальную самостоятельность следователя.

Неслучайно Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ» [6] установило ограничение на обжалование действий (бездействия) и решений, проверка законности и обоснованности которых относится к исключительной компетенции суда, рассматривающего уголовное дело по существу, а также действий (бездействия) и решений, для которых уголовно-процессуальным законом предусмотрен специальный порядок их обжалования в досудебном производстве.

Данное постановление установило рамки, указав, что судья при рассмотрении жалобы не вправе предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела, в частности делать выводы об обоснованности обвинения, оценке доказательств и о квалификации деяния.

Таким образом, можно утверждать, что контрольные полномочия суда направлены не на ограничение усмотрения следователя, реализуемого при производстве по уголовному делу, а на обеспечение законности и обоснованности принятия процессуальных решений и производства процессуальных действий.

Вместе с тем «исследовательская» деятельность следователя и суда по сути весьма схожа. Так, следователь, расследуя уголовное дело, устанавливая все обстоятельства

совершенного преступления, формирует доказательственную базу, достаточную для рассмотрения в суде уголовного дела по обвинению конкретного подсудимого в совершении преступления. В свою очередь суд как орган правосудия должен не только оценить сформированную следователем доказательственную базу обвинения, но и сам непосредственно исследовать доказательства с тем, чтобы установить виновность (невиновность) подсудимого и определить ему справедливое наказание. Так, указывая на схожесть процессуальной деятельности следователя и суда, исследователи отмечают, что по одним и тем же основаниям имеет право прекратить дело – следователь, вынести оправдательный приговор – суд, и оба решения влекут одни и те же последствия для обвиняемого, подсудимого [7, с. 83].

Не случайно поэтому судьей и следователем разрешаются однородные вопросы по оценке доказательств, применению мер пресечения и др. Многие нормы уголовно-процессуального закона адресованы в равной мере как суду, так и следователю. Примером могут служить статья 17 (свобода оценки доказательств), статьи 73–90 (о доказательствах и доказывании) УПК РФ. Важно и то, что итоговый процессуальный документ судебного разбирательства – приговор – по своему содержанию соответствует итоговому процессуальному документу, составляемому по окончании предварительного следствия при направлении уголовного дела в суд, – обвинительному заключению, с той разницей, что в приговоре суда решается вопрос о виновности или невиновности подсудимого и о назначении или неназначении ему наказания.

Однако следует согласиться с образным выражением Е. С. Азаровой о том, что «деятельность судьи и деятельность следователя находятся в разных плоскостях» [8, с. 83]. И обусловлено это исключительным положением суда в уголовном процессе: ведь именно на этот государственный орган возложено осуществление правосудия. В связи с этим в ходе судебного контроля усмотрение следователя не должно ограничиваться

судом с тем, чтобы следователь не утратил свойственную ему процессуальную самостоятельность, а суд не стал причастным к расследованию и не приобрел «зависимость» от собственного решения, принятого на досудебном производстве.

Таким образом, контроль и надзор за деятельностью следователя, осуществляемые руководителем следственного органа, прокурором и судом, оказывают неодинаковое влияние на реализацию следователем усмотрения при принятии процессуальных решений и производстве следственных и иных процессуальных действий. Контрольно-надзорные полномочия в отношении следователя указанных субъектов корре-

спондируют их процессуальным функциям. Реализуя функцию обвинения (уголовного преследования), руководитель следственного органа и прокурор обеспечивают добросовестность использования следователем своего усмотрения, и для этого они наделены серьезным арсеналом процессуальных средств, позволяющих активно вмешиваться в процесс расследования преступлений. В то же время суд, выполняя процессуальную функцию разрешения уголовного дела, контролирует законность и обоснованность важнейших процессуальных решений и действий следователя, но не должен при этом ограничивать усмотрение следователя при производстве по уголовному делу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кунашев М. А. Усмотрение следователя в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
2. Сумин А. А. Процессуальный контроль руководителя следственного органа. Актуальные теоретико-правовые проблемы : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / А. А. Сумин, О. В. Химичева, А. В. Андреев. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2021.
3. Ковтун Н. Н. Генезис идеи о судебном контроле в уголовном судопроизводстве России // Уголовное судопроизводство. 2008. № 4.
4. Васяев А. А. О недопустимости копирования в тексте приговора суда показаний, отраженных в обвинительном заключении (акте) // Адвокат. 2013. № 3.
5. Бабич А. В. Процессуальная самостоятельность и независимость следователя как основа его статуса в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012.
6. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 (в ред. от 28 июня 2022 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84964/ (дата обращения: 12.05.2022).
7. Лавдаренко Л. И. Функция следователя в российском уголовном процессе: проблемы реализации, перспективы развития : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2001.
8. Азарова Е. С. Теоретические основы усмотрения в уголовном процессе. Волгоград, 2013.

REFERENCES

1. Kunashev M. A. Discretion of the investigator in criminal proceedings : dis. ... cand. legal sciences. M., 2018. (In Russ.)
2. Sumin A. A. Procedural control of the head of the investigative body. Actual theoretical and legal problems : a textbook for university students studying in the direction of training "Jurisprudence" / A. A. Sumin, O. V. Khimicheva, A. V. Andreev. M. : UNITY-DANA, 2021. (In Russ.)
3. Kovtun N. N. Genesis of the idea of judicial control in criminal proceedings in Russia // Criminal proceedings. 2008. No. 4. (In Russ.)
4. Vasyaev A. A. On the inadmissibility of copying in the text of the court verdict the testimony reflected in the indictment (act) // Lawyer. 2013. No. 3. (In Russ.)
5. Babich A. V. Procedural autonomy and independence of the investigator as the basis of his status in criminal proceedings : dis. ... cand. legal sciences. Saratov, 2012. (In Russ.)

6. On the practice of considering complaints by courts in accordance with Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 10, 2009 No. 1 (as amended on June 28, 2022) // Access from the reference legal system "ConsultantPlus". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84964/ (date of access: 12.05.2022). (In Russ.)

7. Lavdarenko L. I. The function of the investigator in the Russian criminal process: Problems of implementation, prospects for development : dis. ... cand. legal sciences. Vladivostok, 2001. (In Russ.)

8. Azarova E. S. Theoretical bases of discretion in criminal proceedings. Volgograd, 2013. (In Russ.)

Информация об авторах:

Земскова А. В., доктор юридических наук, профессор;
Химичева О. В., доктор юридических наук, профессор;
Мотякова О. А., кандидат юридических наук.

Information about the authors:

Zemskova A. V., Doctor of Law, Professor;
Khimicheva O. V., Doctor of Law, Professor;
Motyakova O. A., Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 04.07.2022; одобрена после рецензирования 15.07.2022; принята к публикации 23.09.2022.

The article was submitted 04.07.2022; approved after reviewing 15.07.2022; accepted for publication 23.09.2022.

Научная статья
УДК 343.12(470)

УВЕДОМЛЕНИЕ О ПОДОЗРЕНИИ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ФОРМА ПРИОБРЕТЕНИЯ ЛИЦОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО

Мария Сергеевна Игнатьева

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия,
ignatmash@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется порядок надления привлекаемого лица статусом подозреваемого через уведомление о подозрении в совершении преступления в технологии дознания, а также анализируется, кем следует считать лицо, в отношении которого органами предварительного расследования предпринимаются уличающие действия и которое в последующем уведомляется о подозрении в совершении преступления. В результате исследования сформулированы выводы теоретического и прикладного характера.

Ключевые слова: подозреваемый, уголовное судопроизводство, уличенный свидетель, защита от уголовного преследования, уведомление о подозрении в совершении преступления

Для цитирования: Игнатьева М. С. Уведомление о подозрении в совершении преступления как форма приобретения лицом процессуального статуса подозреваемого // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 102–106.

Original article

NOTIFICATION OF SUSPICION OF COMMITTING A CRIME AS A FORM OF ACQUISITION BY A PERSON OF THE PROCEDURAL STATUS OF A SUSPECT

Maria S. Ignatieva

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russia, ignatmash@yandex.ru

Abstract. The article examines the procedure for granting the involved person the status of a suspect through notification of suspicion of committing a crime in the technology of inquiry, and also analyzes who should be considered a person against whom preliminary investigation bodies take incriminating actions and who is subsequently notified of suspicion of committing a crime. As a result of the study, conclusions of a theoretical and applied nature are formulated.

Keywords: suspect, criminal proceedings, convicted witness, protection from criminal prosecution, notification of suspicion of committing a crime

For citation: Ignatieva M. S. Notification of suspicion of committing a crime as a form of acquisition by a person of the procedural status of a suspect // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 3 (97). P. 102–106.

Развитие уголовно-процессуального законодательства России характеризуется усилением внимания к гарантиям прав личности. Одним из важнейших аспектов данной проблематики является вопрос о правовом положении подозреваемого в уголовном судопроизводстве.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1] появление такой процессуальной фигуры, как подозреваемый, фиксируется путем составления уполномоченным должностным лицом соответствующих процессуальных документов, прямо предусмотренных

© Игнатьева М. С., 2022

уголовно-процессуальным законодательством.

Согласно ч. 2 ст. 140 УПК РФ основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Таким образом, существует два варианта возбуждения уголовного дела: 1) уголовное дело, возбужденное в отношении конкретного лица; 2) уголовное дело, возбужденное в отношении неустановленного лица (по факту). Анализируя последний вариант, возникает актуальный вопрос: каким же статусом обладает неустановленное лицо, в отношении которого уже возбуждено уголовное дело?

Изучение правоприменительной практики показывает, что существующий порядок признания лица подозреваемым во многих случаях объективно не позволяет своевременно наделить соответствующим процессуальным статусом лиц, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства в связи с осуществлением в отношении них уголовного преследования.

Актуальность вопроса напрямую подтверждается статистическими данными. Так, согласно сведениям МВД России о состоянии преступности за январь–декабрь 2021 года, всего на территории Российской Федерации было зарегистрировано 2 004 404 преступления, из которых раскрыто 1 030 708 преступлений. Фактически более 50 % преступлений за 2021 год были возбуждены в отношении неустановленного лица.

В части 1 ст. 46 УПК РФ законодателем определены четыре основания приобретения тем или иным лицом статуса подозреваемого. Так, в соответствии с данной нормой подозреваемым является лицо:

1) в отношении которого возбуждено уголовное дело по основаниям и в порядке, которые установлены гл. 20 УПК РФ;

2) которое задержано в соответствии со ст. ст. 91 и 92 УПК РФ;

3) к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со ст. 100 УПК РФ;

4) которое уведомлено о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном ст. 223.1 УПК РФ.

В этой связи хотелось бы отметить, что п. 4 ч. 1 ст. 46 УПК РФ был введен в указанную норму Федеральным законом от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [2]. Важным моментом является тот факт, что данное основание вовлечения лица в сферу уголовного судопроизводства введено законодателем исключительно для дознавателей. Для следствия подобной процедуры не установлено. Хотя в теории существует множество мнений о том, что внедрение данного института в предварительное следствие сможет облегчить процедуру расследования уголовных дел.

Так, Б. Т. Безлепкин считает, что уведомление о подозрении в совершении преступления в целом по многим параметрам сходно с имеющимся в технологии предварительного следствия постановлением о привлечении в качестве обвиняемого [3, с. 205].

Согласно ст. 223.1 УПК РФ, если в ходе дознания по уголовному делу, возбужденному по факту совершения преступления, то есть в отношении неустановленного лица, получены достаточные данные, дающие основания подозревать лицо в совершении преступления, то дознаватель выносит соответствующие процессуальные акты, а именно уведомление о подозрении в совершении преступления и протокол вручения уведомления о подозрении в совершении преступления.

При этом «в анализируемом контексте под понятие «данные» подпадают именно доказательства». Как правильно отмечают В. Н. Григорьев, А. В. Победкин, В. Н. Калинин, «использование законодателем термина «данные» не должно вводить в заблуждение», знания относительно вины лица в совершении преступления и других обстоятельств, подлежащих доказыванию, «могут основываться лишь на доказательствах» [4].

Как правило, такая процедура обретения лицом процессуального статуса подозре-

ваемого подразумевает под собой предварительный допрос данного лица в качестве свидетеля. Но как же правильно назвать данное лицо в такой ситуации? Ведь по объективным причинам в отношении него органами предварительного расследования проводятся уличающие действия.

Касаясь практической деятельности сотрудников органов внутренних дел, стоит отметить, что при допросе уличаемых свидетелей при использовании тактики предъявления доказательств лицо признается в совершенном им преступлении. Так, например, в ходе дознания было установлено, что 23 марта 2021 года неустановленное лицо тайно похитило из магазина наручные часы и скрылось с места преступления. 26 марта 2021 года дознавателем по данному факту было возбуждено уголовное дело в отношении неустановленного лица. Затем 2 апреля 2021 года по подозрению в совершении указанного преступления был задержан гражданин М., который в ходе его допроса в качестве свидетеля полностью признался в совершенном преступлении, после чего был уведомлен о подозрении в совершении преступления в соответствии с УПК РФ. Соответственно, в отношении гражданина М., не являющегося подозреваемым по уголовному делу, уполномоченными органами предпринимались уличающие действия, выражающие подозрение в совершении преступления.

Стоит подчеркнуть тот факт, что подозреваемый и свидетель отнесены к разным видам участников уголовного судопроизводства (сторона защиты и иные участники) [5, с. 117]. Соответственно, при допросе лица, потенциально подозреваемого в совершении преступления, – свидетеля, может произойти нарушение его прав. Это связано с тем, что сам по себе статус подозреваемого хоть и несет за собой неблагоприятные последствия, однако наделяет лицо соответствующими правами, в соответствии с которыми оно имеет право защищаться всеми не запрещенными уголовно-процессуальным законодательством способами; что нельзя сказать о свидетеле, потому как данная фигура

перед проведением любого следственного действия предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и под страхом привлечения к ответственности обязано давать показания [6, с. 68].

Нельзя не согласиться с мнением В. Н. Григорьева о том, что в результате подобных действий данное лицо, не будучи поименованным в постановлении о возбуждении уголовного дела либо задержанным или арестованным, не имеет формального статуса подозреваемого, в силу чего лишено достаточной возможности защитить себя [7, с. 43].

Вышеуказанный факт напрямую связан именно с процедурой уведомления о подозрении в совершении преступления. Так, Федеральным законом от 6 июля 2007 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» была внесена соответствующая поправка в ст. 49 УПК РФ, а именно: в соответствии с п. 3.1 ч. 3 ст. 49 УПК РФ защитник участвует в уголовном деле с момента вручения уведомления о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном ст. 223.1 УПК РФ [2].

Обратимся к судебной практике. Так, по жалобе гражданина К. Конституционным судом Российской Федерации было вынесено определение № 77-О от 23. Августа 2019 г. В отношении гражданина К. было возбуждено уголовное дело, расследование по которому производилось в подразделении дознания. В своей жалобе гражданин К. утверждал, что положения части третьей ст. 50 «Приглашение, назначение и замена защитника, оплата его труда» и ч. 1 ст. 223.1 «Уведомление о подозрении в совершении преступления» УПК РФ не соответствуют ст. ст. 45 (ч. 2), 48 (ч. 1) и 55 (ч. ч. 2 и 3) Конституции Российской Федерации [8], поскольку позволяют дознавателю допросить подозреваемого без участия приглашенного последним защитника, не соблюдая гарантии, предусмотренные ч. 3 ст. 50 УПК РФ.

Однако в соответствии с ч. 1 ст. 223.1 УПК РФ в случае, если уголовное дело воз-

буждено по факту совершения преступления и в ходе дознания получены достаточные данные, дающие основание подозревать лицо в совершении преступления, дознаватель составляет письменное уведомление о подозрении в совершении преступления, копию которого вручает подозреваемому, и разъясняет ему права подозреваемого, предусмотренные ст. 46 УПК РФ, о чем составляется протокол с отметкой о вручении копии уведомления. Затем в течение трех суток с момента вручения лицу уведомления о подозрении в совершении преступления дознаватель должен допросить подозреваемого по существу подозрения. Приведенная норма, ограничивая срок для начала допроса подозреваемого, закрепляет обязанность дознавателя обеспечить предусмотренное п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК РФ право подозреваемого незамедлительно давать объяснения и показания по поводу имеющегося в отношении него подозрения либо отказаться от дачи объяснений и показаний. При согласии подозреваемого дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в том числе и при его последующем отказе от них в качестве доказательств по уголовному делу, за исключением показаний, которые даны в от-

сутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтверждены подозреваемым, обвиняемым в суде (п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ). Таким образом, оспариваемые гражданином К. законоположения не могут расцениваться как нарушающие его конституционные права.

Таким образом, само по себе уведомление о подозрении в совершении преступления как институт уголовно-процессуального права и как основание приобретения лицом процессуального статуса подозреваемого для сотрудников подразделений дознания является одним из основных документов, способствующих вовлечению в уголовный процесс конкретного лица. В соответствии со ст. 6 УПК РФ уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. На наш взгляд, допрос привлекаемого лица в качестве свидетеля перед уведомлением его о подозрении в совершении преступления не ограждает данное лицо от необоснованного подозрения, и, соответственно, от связанных с данной процедурой моральных страданий. Главное является обеспечение уличаемому свидетелю в полной мере права на защиту.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 30 декабря 2021 г., с изм. от 30 декабря 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921.
2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 24. Ст. 2833.
3. Безлепкин Б. Т. Настольная книга следователя и дознавателя. 3-е изд., переработ. и доп. М. : Проспект, 2013.
4. Григорьев В. Н. Процессуальная регламентация предварительного расследования в результате реформы 2007 г. / В. Н. Григорьев, А. В. Победкин, В. Н. Калинин // Государство и право. 2008. № 6.
5. Михайловская О. В., Узгорская И. А. Подозреваемый или свидетель: о статусе лица по уголовному делу, возбужденному по факту совершения преступления // Общество и право. 2016. № 4 (58).
6. Григорьев В. Н., Дикарев В. Г. Новые аспекты обеспечения прав подозреваемого // Юристы-Правоведы. 2016. № 4 (77).
7. Григорьев В. Н. Обретение лицом уголовно-процессуального статуса подозреваемого: в чем проблемы? // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4.
8. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (с изм. от 1 июля 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 4398.

REFERENCES

1. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on December 30, 2021, as amended on December 30, 2021) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52. Art. 4921. (In Russ.)
2. On amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation : Federal Law of June 6, 2007 No. 90-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 24. Art. 2833. (In Russ.)
3. Bezlepkin B. T. Handbook of investigator and interrogator. 3rd ed., revised. and additional M. : Prospekt, 2013. (In Russ.)
4. Grigoriev V. N. Procedural regulation of the preliminary investigation as a result of the reform of 2007 / V. N. Grigoriev, A. V. Pobedkin, V. N. Kalinin // State and Law. 2008. No. 6. (In Russ.)
5. Mikhailovskaya O. V., Uzgorskaya I. A. Suspect or witness: on the status of a person in a criminal case initiated on the fact of a crime // Society and Law. 2016. No. 4 (58). (In Russ.)
6. Grigoriev V. N., Dikarev V. G. New aspects of ensuring the rights of the suspect // Yurist-Pravoved. 2016. No. 4 (77). (In Russ.)
7. Grigoriev VN Acquisition by a person of the criminal procedural status of a suspect: what are the problems? // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 4. (In Russ.)
8. The Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993 (as amended on July 1, 2020) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31. Art. 4398. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.06.2022; одобрена после рецензирования 15.07.2022; принята к публикации 23.09.2022.

The article was submitted 20.06.2022; approved after reviewing 15.07.2022; accepted for publication 23.09.2022.

Научная статья

УДК 343.985-043.5:343.132-045.38(470)

**ПРОБЛЕМА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ПРИ ДИСТАНЦИОННОМ ПРОВЕДЕНИИ
ПОИСКОВО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ****Татьяна Витальевна Горбенко**Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,
Симферополь, Россия, tatyana.com12@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается сущность понятия «взаимодействие» как ключевого направления раскрытия и расследования преступлений. Приводятся и анализируются мнения ученых относительно понимания термина «взаимодействие». На основании анализа нормативных правовых актов и мнений ученых, приведенных в тексте работы, автор дает определение понятию «взаимодействие», на основании которого обоснованно определяет сущность криминалистического взаимодействия. Статья посвящена анализу сущности криминалистического взаимодействия при дистанционном проведении поисково-познавательных следственных действий посредством раскрытия проблем в его организации. Автор обосновывается позиция совершенствования криминалистического взаимодействия субъектов предварительного расследования путем расширения его на этапы, следующие за проведением поисково-познавательных следственных действий, в частности на этап проведения экспертиз. Предложены направления совершенствования законодательства по рассматриваемому вопросу и порядок проведения поисково-познавательных следственных действий в дистанционном режиме.

Ключевые слова: взаимодействие, криминалистическое взаимодействие, следователь, сотрудник экспертно-криминалистического подразделения, следственное действие, поисково-познавательные следственные действия, дистанционное проведение следственных действий, проблемы, проблемы дистанционного проведения следственных действий

Для цитирования: Горбенко Т. В. Проблема криминалистического взаимодействия при дистанционном проведении поисково-познавательных следственных действий // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 107–114.

Original article

**THE PROBLEM OF FORENSIC INTERACTION IN THE REMOTE
CONDUCT OF SEARCH AND COGNITIVE INVESTIGATIVE ACTIONS****Tatyana V. Gorbenko,**Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Simferopol, Russia, tatyana.com12@mail.ru

Abstract. The article deals with the essence of the concept of “interaction” as a key direction of crime detection and investigation. The opinions of scientists on understanding the essence of the concept of “interaction” are presented and analyzed. Based on the analysis of normative legal acts and the opinions of scientists given in the text of the work, the author defines the concept of “interaction”, on the basis of which he reasonably determines the essence of forensic interaction. The article is devoted to the analysis of the essence of forensic interaction in remote search and cognitive investigative actions by revealing problems in its organization. The author substantiates the position of improving the forensic interaction of the subjects of the preliminary investigation by expanding it to the stages following the search and cognitive investigative actions, in particular, to the stage of conducting examinations. The directions of improving the legislation on the issue under consideration and the procedure for conducting search and cognitive investigative actions in remote mode are proposed.

© Горбенко Т. В., 2022

Keywords: interaction, forensic interaction, investigator, employee of the expert-forensic unit, investigative action, search and cognitive investigative actions, remote conduct of investigative actions, problems, problems of remote conduct of investigative actions

For citation: Gorbenko T. V. The problem of forensic interaction in the remote conduct of search and cognitive investigative actions // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 3 (97). P. 107–114.

Одной из насущных задач современного мира, в том числе и Российской Федерации, является проблема предупреждения и борьбы с таким общественно опасным явлением, как преступность. Названная задача таковой является на протяжении длительного времени, о чем свидетельствуют попытки снижения уровня преступности посредством принятия ряда организационных, управленческих и законодательных решений. Предпринятые попытки борьбы с преступностью отчасти ознаменовались успехом, а некоторые из них оказались бессильны перед преступным миром ввиду его постоянной трансформации. Сегодня речь не идет о развитии направления государственной политики, призванного устранить преступность вовсе, а подчеркивается необходимость повышения эффективности борьбы с преступностью посредством выработки современных методов и способов ее противодействия. Одним из таких способов, по мнению автора, является полноценное криминалистическое взаимодействие, то есть взаимодействие субъектов расследования (следователей, дознавателей) с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений (специалисты, эксперты) в вопросах раскрытия и расследования преступлений; поскольку лишь четко согласованная и совместная деятельность названных субъектов способна не только раскрыть преступление и довести его расследование до логического завершения, но и в последующем отразить подобные преступные проявления быстрым реагированием и принятием соответствующих мер.

Особую актуальность данный аспект приобретает в свете совершения тяжких, особо тяжких и резонансных преступлений [1, с. 286], расследование которых в одном месте невозможно по ряду причин, главной из которых является удаленное место на-

хождения участников уголовного судопроизводства либо дистанционный способ их совершения.

Криминалистическое взаимодействие как таковое представляет собой набор приемов и способов совместной деятельности субъектов, образующий собой тактический и методический арсенал расследования преступлений.

Обращаясь к термину «взаимодействие», приходим к выводу, что законодательно оно не определено. Сказанное представляет собой проблему законодательного регулирования рассматриваемого направления деятельности, поскольку, во-первых, позиция законодателя в рассматриваемом вопросе не ясна, во-вторых, для того, чтобы урегулировать и наладить деятельность соответствующих должностных лиц, дать определение приведенному термину попросту необходимо с целью избежания казусов в совместной деятельности в виде противоречий и всякого «перетягивания каната» такими лицами различного толкования и невыполнения отдельных функций.

Определить термин «взаимодействие» представляется уместным через смысл и содержание Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [2] и Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – ФЗ «О судебно-экспертной деятельности») [3], а также через позиции ученых относительно сущности рассматриваемого термина.

Исходя из содержания названных нормативных актов, взаимодействие можно определить как совместную деятельность, направленную на решение задач предварительного расследования [4, с. 243]. Однако такое толкование, с одной стороны, слишком узко, поскольку не предусматривает

перечень конкретных задач, охватываемых предварительным расследованием, а с другой – слишком широко, поскольку охватывает все задачи, решаемые стадией предварительного расследования. Как толковать приведенную формулировку – остается прерогативой конкретного сотрудника, которая, в большинстве своем, будет зависеть от его настроения, желания выполнять возложенные на него обязанности, загруженности и понимания целей выполняемой им деятельности. Безусловно, приходится рассчитывать на порядочность сотрудников, вовлеченных в сферу взаимодействия, но не стоит исключать и противоположного факта. Практика богата случаями, когда субъект расследования добросовестно относится к выполняемым им функциям, экономит свое время тщательным проведением следственных и иных действий, а сотрудник экспертно-криминалистического подразделения не видит смысла погружаться целиком в рутинную деятельность и «для галочки» осматривает и изымает следы, которые впоследствии либо непригодны для идентификации, либо не особо информативны. Имеют место и противоположные случаи. Во всяком случае, как указывалось, все зависит от заинтересованности лица и его личностных характеристик. Однако правоохранительная деятельность, будучи сложной и многогранной деятельностью, направленной на борьбу с преступностью, ни в коем случае не может колебаться то в сторону улучшения, то в сторону ухудшения. Именно в целях урегулирования данного вопроса, раскрытия сущности, содержания и, в конце концов, границ понятия «взаимодействие» выработка его определения с последующим законодательным закреплением представляется актуальной и необходимой задачей.

Обратимся к мнениям ученых относительно понимания сущности рассматриваемого термина. В. Ф. Статкус рассматривает взаимодействие в узком и широком смыслах. В узком смысле автор понимает взаимодействие как «отношения следователя и органа дознания, возникающие в процессе рассмотрения материала о совершенном престу-

плении или определенного уголовного дела, регулируемого уголовно-процессуальным законодательством или ведомственными актами», а в широком – как «деловой контакт и согласованная работа различных подразделений органов внутренних дел в борьбе с преступностью» [5, с. 12]. Применительно к теме настоящего исследования близким по смыслу представляется определение В. Ф. Статкуса в широком смысле, поскольку оно наиболее полно отражает сущность взаимодействия как отдельного направления расследования и не ограничивает субъектов взаимодействия, как в определении узкого содержания.

Н. П. Яблоков и В. В. Крылов определяют взаимодействие как «основанную на законе и согласованную по всем принципиальным условиям деятельность следователей с оперативно-розыскными органами, направленную на раскрытие преступлений и решение всех остальных задач их расследования и предупреждения» [1, с. 363]. Аналогичным образом определяют взаимодействие И. Ф. Герасимов и Е. В. Цыпленкова [6, с. 72]. Безусловно, приведенная позиция имеет право на существование, но, по нашему мнению, не может быть взята за основу, поскольку, как и в первом случае, предполагает лишь два субъекта взаимодействия, хотя, как известно, субъектами взаимодействия могут быть не только приведенные в определении лица, но также иные лица, являющиеся сотрудниками подразделений, как минимум, органов внутренних дел.

Как «совместную деятельность следователей с сотрудниками всех служб и подразделений органов внутренних дел, осуществляемую в целях успешного раскрытия, расследования и предотвращения преступлений, основанную на законодательных положениях» [7, с. 2] определяет взаимодействие Н. А. Бурнашев [8, с. 204]. Приведенное определение подчеркивает значимость того, чтобы совместная деятельность всех, указанных в определении, субъектов соответствовала требованиям законодательства, что имеет важное значение в регулировании и оценке такой деятельности.

Наиболее точным и полным, с нашей точки зрения, видится определение, предложенное Р. С. Белкиным, согласно которому «взаимодействие – это одна из форм организации расследования преступлений, состоящая в законодательно регламентированном сотрудничестве следователя с органом дознания и иными подразделениями органов внутренних дел и направленная на полное и быстрое, всестороннее и объективное раскрытие преступлений» [9, с. 31].

Анализ приведенных определений позволяет говорить о различном понимании сущности взаимодействия и его субъектов. При этом все авторы сходятся во мнении, что взаимодействие – это всегда согласованная и совместная деятельность субъектов.

С нашей же позиции, под взаимодействием следует понимать согласованную деятельность субъектов расследования (следователя, дознавателя) [10, с. 254], сотрудников оперативных подразделений (оперуполномоченных полиции, участковых уполномоченных полиции, сотрудников государственной инспекции безопасности дорожного движения и др.) и сотрудников экспертно-криминалистических подразделений, обеспечивающую рациональное сочетание при расследовании преступлений процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий [11, с. 311], осуществляемых каждым из них в соответствии с выполняемыми функциями и в пределах предоставленной компетенции с использованием специальных знаний и технико-криминалистических средств.

Криминалистическое взаимодействие дистанционного проведения поисково-познавательных следственных действий, в свою очередь, состоит в совместных и отлаженных действиях субъектов расследования и сотрудников экспертно-криминалистических подразделений, направленных на раскрытие и расследование преступлений, а именно: в установлении лица, совершившего преступление, и его сообщников; мотивов преступной деятельности; поиске и обнаружении следов преступления; установлении времени и давности наступления конкрет-

ных обстоятельств (смерти лица, получения ранения, травмы, пожара и пр.), определении способа и механизма совершения преступления; оценке причиненного ущерба и полученных повреждений и др. Сказанное является авторской позицией на анализируемое понятие «криминалистическое взаимодействие».

Анализ практики свидетельствует о том, что предварительное расследование сопровождается взаимодействием субъектов различных областей знаний лишь в том случае, когда действия и усилия лиц, производящих расследование, не принесли желаемого результата (преступление не раскрыто либо раскрыто, но требуется уточнение и установление дополнительных данных).

По большому счету, это обусловлено тем фактом, что следственная и экспертно-криминалистическая деятельность как составляющие криминалистического взаимодействия существуют параллельно, то есть обособленно друг друга. Хотя, по своей сути, должна быть либо последовательной, либо совместной, что исходит из сущности большинства определений. Полагаем, такое положение вещей обусловлено отсутствием законодательно закреплённой нормы, определяющей сущность взаимодействия. В связи с этим предложенное автором определение не только призвано надлежательно организовать взаимодействие субъектов, но и обеспечить согласованность их усилий и единство действий при раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений [1, с. 320]. При этом стоит иметь в виду, что криминалистическое взаимодействие вовсе не означает подчинения одних субъектов другим, а наоборот предполагает соподчинение взаимодействующих органов и слияние процессуальной и экспертно-криминалистической деятельности.

Криминалистическое взаимодействие при дистанционном проведении поисково-познавательных следственных действий аналогичным образом носит эпизодический характер, так как предполагает не постоянное совместное выполнение задач расследования, а выполнение экспертно-кримина-

листическими подразделениями отдельных поручений следователя. При этом, учитывая специфику проведения поисково-познавательных следственных действий в дистанционном формате, стоит прибегать к постоянной форме криминалистического взаимодействия, известной как расследование преступления следственно-оперативной группой, поскольку наличие специалистов из различных областей знаний позволит не только комплексно решать задачи расследования, но и обеспечивать их результативность.

В актуальности криминалистического взаимодействия при дистанционном проведении поисково-познавательных следственных действий не возникает сомнения, что обусловлено следующим. Нынешняя обстановка расследования преступлений посредством дистанционных технологий немыслима без четкого распределения ролей участников уголовного судопроизводства (взаимодействия субъектов) и повсеместного использования современных достижений науки и техники, поскольку в совокупности они призваны не только решать задачи по раскрытию и расследованию преступлений, но и противодействовать преступности в целом.

В рассматриваемом контексте заслуживает внимания проблема организации и проведения следственных действий в дистанционном режиме с использованием при этом основ криминалистического взаимодействия субъектов. Поскольку дистанционное проведение следственных действий предполагает удаленное местонахождение лица, в производстве которого находится уголовное дело, и лица, в отношении которого необходимо произвести те или иные следственные действия (участника следственного действия), то проведение следственных действий поручается иному органу, территориально дислоцированному по месту нахождения участника следственного действия. В целях проведения запланированного следственного действия и обеспечения криминалистического взаимодействия между задействованными субъектами целесоо-

бразно привлечение к участию как с одной, так и с другой стороны соответствующих субъектов (следователя, эксперта-криминалиста, а также, по желанию, иных лиц), что обеспечит не только максимальное взаимодействие соответствующих субъектов, но и позволит получить достаточный объем интересующей информации. При этом у лиц, инициировавших проведение следственного действия, существует возможность технического подключения с целью наблюдения за ходом и порядком проведения следственного действия, его корректировки и уточнения данных.

Изложенное позволяет заключить, что, несмотря на существующее взаимодействие сотрудников следствия и сотрудников экспертно-криминалистических подразделений, необходимость в его совершенствовании в последние годы существенно возросла, о чем свидетельствует разнообразие проблемных вопросов. Проблемы взаимодействия названных субъектов получили широкое освещение в исследованиях ученых и практиков, о чем свидетельствуют неутраченные дискуссии.

Криминалистическое взаимодействие при дистанционном проведении поисково-познавательных следственных действий хотя и основывается на законодательных и научных положениях, заслуживающих внимания, к сожалению, не нашли своего должного закрепления [12, с. 17]. Отчасти названные вопросы нашли отражение в отдельных ведомственных нормативных актах МВД России, отражающих специфику организации и осуществления совместной деятельности субъектов при производстве следственных действий [12, с. 19].

Еще одной, не менее значимой, является проблема дальнейшего использования собранных следов и иных вещественных доказательств при совместном производстве поисково-познавательных следственных действий. Данная проблема заключается в том, что сотрудники следственных подразделений не охотно доверяют проведение исследований специалистам, а скорее экспертам, поскольку, исходя из буквального

толкования норм УПК РФ, специалист не наделен таким полномочием в отличие от эксперта. Хотя, исходя из содержания норм УПК РФ, специалист обладает правом дачи заключений в рамках проведенных следственных действий. В связи с этим решение проблемы видится в законодательном уточнении прав и полномочий специалиста как участника уголовного судопроизводства.

Криминалистическое взаимодействие следователя и сотрудника экспертно-криминалистического подразделения [13, с. 424], как отмечалось, ограничивается лишь проведением следственного действия поисково-познавательной направленности, что представляется спорным ввиду значимости рассматриваемого вида деятельности. Полагаем, что криминалистическое взаимодействие названных субъектов не должно ограничиваться проведением конкретного следственного действия, а, в свою очередь, сопровождать и последующие этапы расследования, в частности этап проведения экспертизы.

Подводя итог изложенному, отметим, что действительно согласованная и отлаженная деятельность сотрудников правоохранительных органов является ключевым моментом в раскрытии и расследовании пре-

ступлений. Сказанное подтверждается формулировкой всемирно известной поговорки: «Одна голова хорошо, а две – лучше», то есть участвующие при проведении следственных действий сотрудники, будучи представителями различных областей знаний, используют свои методы и средства для достижения результата. Многообразие используемых методов и средств свидетельствует о комплексном подходе к решению задач расследования, что позволяет одному сотруднику обратить внимание на одни вещи, а другому – пройти мимо них, не обратив внимания и не придав им значения. Проведенное исследование позволяет заключить, что далеко не всегда криминалистическое взаимодействие организовано и проведено качественно; проблематика, приведенная в тексте работы относительно дистанционного проведения поисково-познавательных следственных действий, тому подтверждение. В связи с этим назрела острая необходимость приведения соответствующих законодательных положений в соответствии с выполняемыми целями, задачами и функциями, а также урегулирования порядка криминалистического взаимодействия при дистанционном решении задач расследования, в частности при проведении следственных действий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Криминалистика : учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2005. 781 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 24 февраля 2021 г.) // Доступ и справ.-прав. системы «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 10.03.2022).
3. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // Доступ из инф.-правовой системы «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/12123142/> (дата обращения: 01.05.2022).
4. Ермолаев Р. В. Основные признаки, характеризующие сущность взаимодействия следователя с органами дознания в процессе раскрытия и расследования преступлений // Синергия Наук. 2020. № 44. С. 240–259. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42802613> (дата обращения: 14.05.2022).
5. Михайлов В. А. Организация взаимодействия следственных и оперативно-розыскных аппаратов при расследовании преступлений : лекция. М. : Академия МВД СССР, 1988. С. 12.
6. Криминалистика : учебник для вузов / И. Ф. Герасимов, Я. Л. Драпкин, Е. П. Ищенко и др.; под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Высш. шк., 2000. 672 с.
7. Белоусов А. В. Особенности организации следователем взаимодействия при расследовании и раскрытии краж, совершаемых на железнодорожном транспорте из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем // Бизнес в законе. 2012. С. 1–4. URL: <https://cyberleninka>.

ru/article/n/osobnosti-organizatsii-sledovatelem-vzaimodeystviya-pri-rassledovanii-i-raskrytii-krazh-sovershaemyh-na-zheleznodorozhnom (дата обращения: 14.05.2022).

8. Криминалистика : учебник / под. ред. проф. А. Г. Филиппова. М. : Высшее образование, 2007. 441 с.

9. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия : справ. пособие для курсантов, слушателей и преподавателей учеб. заведений МВД, адъюнктов, докторантов, науч. сотрудников и практ. работников органов внутр. дел / Р. С. Белкин. 2-е изд., доп. М. : Мегатрон-XXI, 2000. 333 с.

10. Толочко А. Н. Анализ развития теоретических взглядов на розыскную работу органов внутренних дел // Проблемы управления. Минск. 2009. № 4 (33). С. 253–256. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27686282> (дата обращения: 28.04.2022).

11. Топорков А. А. Криминалистика : учебник // Юридическая фирма «КОНТРАКТ» : ИНФРА-М», 2012. 495 с. URL: https://www.studmed.ru/toporkov-a-a-kriminalistika_f3cf217a340.html (дата обращения: 04.05.2022).

12. Данилкин И. А. Проблемы совершенствования взаимодействия следственных и экспертно-криминалистических подразделений при расследовании преступлений: по материалам органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. 235 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/problemu-sovshenstvovaniya-vzaimodeystviya-sledstvennykh-i-ekspertno-kriminalisticheskikh-> (дата обращения: 29.04.2022).

13. Бойченко А. В. Тактико-методические положения взаимодействия субъектов раскрытия и расследования незаконной охоты // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 3. С. 420–426. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/taktiko-metodicheskie-polozheniya-vzaimodeystviya-subektov-raskrytiya-i-rassledovaniya-nezakonnoy-ohoty> (дата обращения: 21.05.2022).

REFERENCES

1. Criminalistics : textbook / ed. N. P. Yablokov. 3rd ed., revised. and additional. M. : Yurist, 2005. 781 p. (In Russ.)

2. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on February 24, 2021) // Access and reference rights. “ConsultantPlus” system. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (date of access: 10.03.2022). (In Russ.)

3. On state forensic activities in the Russian Federation: Federal Law of May 31, 2001 No. 73-FZ (with amendments and additions) // Access from the inf.-legal system “Garant”. URL: <https://base.garant.ru/12123142/> (date of access: 01.05.2022). (In Russ.)

4. Ermolaev R. V. The main features that characterize the essence of the interaction of the investigator with the bodies of inquiry in the process of solving and investigating crimes // Synergy of Sciences. 2020. No. 44. P. 240–259. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42802613> (date of access: 14.05.2022). (In Russ.)

5. Mikhailov V. A. Organization of interaction between investigative and operational-search apparatuses in the investigation of crimes : lecture. M. : Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1988. P. 12. (In Russ.)

6. Criminalistics : a textbook for universities / I. F. Gerasimov, Ya. L. Drapkin, E. P. Ishchenko and others; ed. I. F. Gerasimova, L. Ya. Drapkina. 2nd ed., revised. and additional. M. : Vyssh. school, 2000. 672 p. (In Russ.)

7. Belousov A. V. Features of the organization of interaction by the investigator in the investigation and disclosure of thefts committed on railway transport from clothes, bags or other hand luggage that were with the victim // Business in law. 2012. P. 1–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobnosti-organizatsii-sledovatelem-vzaimodeystviya-pri-rassledovanii-i-raskrytii-krazh-sovershaemyh-na-zheleznodorozhnom> (date of access: 14.05.2022). (In Russ.)

8. Criminalistics: textbook / under. ed. prof. A. G. Filippova. M. : Higher education, 2007. 441 p. (In Russ.)

9. Belkin R. S. Forensic Encyclopedia : Ref. manual for cadets, listeners and teachers of studies. institutions of the Ministry of Internal Affairs, adjuncts, doctoral students, scientific. employees and practitioners. employees of internal organs. cases / R. S. Belkin. 2nd ed., add. M. : Megatron-XXI, 2000. 333 p. (In Russ.)

10. Tolochko A. N. Analysis of the development of theoretical views on the search work of internal affairs bodies. Problemy upravleniya. Minsk. 2009. No. 4 (33). pp. 253–256. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27686282> (date of access: 28.04.2022). (In Russ.)

11. Toporkov A. A. Criminalistics: textbook // Law firm “CONTRACT”: INFRA-M, 2012. 495 p. URL: https://www.studmed.ru/toporkov-a-a-kriminalistika_f3cf217a340.html (date of access: 04.05.2022). (In Russ.)

12. Danilkin I. A. Problems of improving the interaction of investigative and forensic units in the investigation of crimes: based on the materials of the internal affairs bodies : dis. ... cand. legal sciences. Volgograd, 2008. 235 p. URL: <https://www.dissercat.com/content/problemy-sovershenstvovaniya-vzaimodeystviya-sledstvennykh-i-ekspertno-kriminalisticheskikh-> (date of access: 29.04.2022). (In Russ.)

13. Boychenko A. V. Tactical and methodological provisions of interaction between the subjects of disclosure and investigation of illegal hunting // Actual problems of Russian law. 2008. No. 3. P. 420–426. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/taktiko-metodicheskie-polozheniya-vzaimodeystviya-subektov-raskrytiya-i-rassledovaniya-nezakonnoy-ohoty> (date of access: 21.05.2022). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.02.2022; одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 23.09.2022.

The article was submitted 29.02.2022; approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 23.09.2022.

Научная статья
УДК 343.985.7:343.58(470)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ

Светлана Вячеславовна Мосина¹, Наталья Ауреловна Андроник²

^{1,2} Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия,

¹ Svetlana-p-v@mail.ru

² Natali376@mail.ru

Аннотация. Авторы рассматривают ошибки в определении и применении тактических приемов при проведении первоначальных следственных действий, а также неполный комплекс следственных и иных мероприятий как проблему в вопросах расследования жестокого обращения с животными, которые негативно сказываются на полноте и качестве расследования. В статье проанализированы основные проблемы правоприменительной практики расследования рассматриваемого вида преступления. На основе проведенного анализа предложены пути их решения.

Ключевые слова: жестокое обращение с животными, судебно- ветеринарная экспертиза, осмотр животных, следственные действия

Для цитирования: Мосина С. В., Андроник Н. А. Актуальные проблемы расследования жестокого обращения с животными на первоначальном этапе: теоретико-прикладной анализ // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 115–121.

Original article

ACTUAL PROBLEMS OF THE INVESTIGATION OF CRUELTY TO ANIMALS AT THE INITIAL STAGE: THEORETICAL AND APPLIED ANALYSIS

Svetlana V. Mosina¹, Natalia A. Andronik²,

^{1,2} Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia

¹ Svetlana-p-v@mail.ru

² Natali376@mail.ru

Abstract. The authors consider errors in the definition and application of tactics during the initial investigative actions, as well as an incomplete set of investigative and other measures as a problem in the investigation of cruelty to animals, which negatively affect the completeness and quality of the investigation. The article analyzes the main problems of law enforcement practice in investigating the type of crime under consideration. On the basis of the analysis carried out, the ways of their solution are proposed.

Keywords: animal cruelty, forensic veterinary examination, animal inspection, investigative actions

For citation: Mosina S. V., Andronik N. A. Actual problems of the investigation of cruelty to animals at the initial stage: theoretical and applied analysis // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 3 (97). P. 115–121.

Проблема жестокого обращения с животными в современном цивилизованном обществе становится все более актуальной. Ухудшается нравственное состояние общества, растет жестокость. При этом следует

сказать о том, что одним из важных факторов, позволяющих отнести общество к числу цивилизованных, является гуманное обращение с животными. В ст. 2 главы 3 Европейской конвенции о защите домаш-

© Мосина С. В., Андроник Н. А., 2022

них животных от 13 ноября 1987 г. № 125 закреплены «Основные принципы благополучия животных» [1]. В современной России ключевым нормативным правовым актом, регулирующим порядок обращения с животными, является Федеральный закон от 27 декабря 2017 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Данный нормативный правовой акт определяет, что защита животных, укрепление нравственности, соблюдение принципов гуманности, а также обеспечение безопасности и иных прав и законных интересов граждан при обращении с животными является основной целью регулирования отношений в области обращения с животными [2].

Несмотря на активизацию государственной политики в области охраны рассматриваемых общественных отношений, преступления, связанные с жестоким обращением с животными, совершаются все чаще. При этом следует констатировать, что они носят все более жестокий характер и приобретают все большую общественную огласку за счет распространения материалов в различных средствах массовой информации и сети Интернет.

Примечателен тот факт, что из общего числа осужденных в количестве 70 709 человек за совершение преступлений, включенных в гл. 25 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [3] «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» всего 145 осуждены за совершение преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ [4].

Такое незначительное количество осужденных вовсе не свидетельствует о малом числе рассматриваемых преступлений. Напротив, указывает на их латентный характер и наличие пробелов в работе правоохранительных органов в процессе раскрытия и расследования жестокого обращения с животными.

Так, по словам председателя Комитета по экологии и охране окружающей среды В. Бурматова, со стороны правоохранитель-

ных органов отсутствуют надлежащие меры реагирования на заявления граждан с сообщениями о жестоком обращении с животными [5].

Кроме того, по результатам проведенного среди представителей Общества защиты животных социологического опроса в Свердловской области, определено, что зоозащитники встречаются с проблемой отказа в возбуждении уголовных дел, приостановлением или прекращением предварительного расследования.

Опыт правоприменительной практики свидетельствует о наличии определенных трудностей при расследовании рассматриваемого вида преступлений, в частности обусловленных недостаточной разработанностью всех структурных элементов частной методики расследования жестокого обращения с животными. В основном проблемы возникают на первоначальном этапе расследования и в дальнейшем могут повлечь за собой негативные последствия для всего расследования в целом.

В частности, определяя предмет преступного посягательства как элемент криминалистической характеристики, правоприменитель сталкивается с проблемой отсутствия законодательно закрепленного определения понятия «животное». Только анализ теоретических источников позволяет сформулировать основные признаки животного.

Так, согласно толковому словарю С. И. Ожегова, термин «животное» означает живой организм, существо, обладающее способностью двигаться и питающееся, в отличие от растений, готовыми органическими соединениями [6, с. 998]. Н. Г. Кадников в комментариях к УК РФ определяет животных как предмет преступления, предусмотренный ст. 245 УК РФ, в понимании высших позвоночных – млекопитающих и птиц, находящихся в естественной природной среде либо содержащихся человеком [7, с. 781]. В криминалистическом аспекте термин «животные» характеризует живых существ, обладающих нервной системой и оказывающихся в сфере деятельности или воздействия человека [8, с. 176].

При анализе криминалистической характеристики особе внимание следует уделить способу совершения преступления. К жестокому обращению следует относить избиение животных, мучительный способ их умерщвления, причинение неоправданных страданий при научных опытах. Телесные повреждения животному могут причиняться садистскими способами, т. е. действиями, состоящими в изощренном, мучительном способе умерщвления. Опыт правоприменительной деятельности свидетельствует о вариативности способов совершения жестокого обращения с животными.

Так, при расследовании уголовного дела в отношении Х. и С. установлено, что 21.11.2018 около 14 часов 00 минут возле подъезда они увидели собаку по кличке Белла, которую поманили за собой и вместе с собакой прибыли к нежилому дому № 2 по ул. Стахановская в Орджоникидзевском районе г. Екатеринбурга, вошли внутрь, где Х. подошел к собаке, взял ее руками за туловище и повалил на пол. Удерживая собаку в лежачем положении, достал фрагмент веревки, которой связал собаке передние и задние лапы и притянул их к голове, закрепив узлом на шее. После чего С. поставила на туловище собаки правую ногу, таким образом, удерживая ее и не давая возможности подняться. В это время Х. взял в правую руку заранее приготовленный им нож хозяйственно-бытового назначения, которым умышленно нанес не менее 8 ударов в область головы с левой стороны, не менее 12 ударов в область головы с правой стороны, один удар слева в лопатко-плечевой сустав, причинив собаке по кличке Белла, согласно заключению экспертов колото-резаные ранения головы и грудной клетки, вызвавшие обильное кровотечение и болевой шок, которые впоследствии привели к смерти [9].

Данный случай можно отнести к истязаниям с применением садистских методов с использованием предметов хозяйственно-бытового назначения.

Следующий пример является показательным относительно того, что умысел на совершение преступления может возник-

нуть спонтанно, не требуя специальных подготовительных мероприятий.

Так, С., находясь в состоянии алкогольного опьянения, сбросил с балкона 4 этажа домашних котов. При этом умысел на совершение преступления возник у С. после состоявшейся ссоры между ним и его матерью, которой и принадлежали коты.

Реализуя свой преступный умысел, С. подошел к коту рыжего окраса по кличке Диня, принадлежащему К., взял его руками и с целью причинения боли и страданий, повлекших гибель и увечья, умышленно выбросил его из окна четвертого этажа указанной комнаты на твердую асфальтированную поверхность [10].

Свидетельством того, что в отношении животного применялось жестокое обращение, является обнаружение следов преступления. Так, при избиении, пытках на теле животных остаются различные повреждения: ушибы, раны, переломы, вывихи, гематомы, ссадины, отсутствие каких-либо частей (глаз, лап, шерсти и т. д.). При лишении воды и пищи визуально усматривается истощение организма.

К следам преступления могут относиться орудия и другие предметы, используемые преступником для жестокого обращения с животным: капканы, плети, палки, камни, колюще-режущие предметы, а также предметы хозяйственно-бытового назначения.

К традиционным следам могут относиться различные трасологические следы. Кроме материальных следов, по делам данной категории большое значение имеют идеальные следы.

Понятие обстановки совершения преступления следует понимать во взаимосвязи двух элементов – времени и места совершения преступления. Применительно к жестокому обращению с животными местом совершения будет окружающая среда. Соответственно, преступник в зависимости от того, в какой окружающей среде находится, выбирает время совершения преступления. Помимо традиционных мест совершения преступления (квартира, улица, подъезд), следует выделить различные научные и

учебные заведения в тех случаях, когда животных используют в научном эксперименте, биологическом тестировании или же в учебном процессе. Как правило, преступления такого рода совершают люди безнравственные, жестокие, аморальные, безразличные к страданиям живых существ.

Поводами для возбуждения уголовных дел данной категории являются заявления владельцев животных, в отношении которых было осуществлено жестокое обращение; заявления граждан, если данное преступление совершено в отношении бездомного или дикого животного. Уголовное дело может быть также возбуждено по сообщениям различных обществ, фондов защиты животных, печати, а также при выявлении признаков преступления правоохранными органами.

Как правило, необходима тщательная проверка сообщения о факте жестокого обращения с животными. В ходе предварительной проверки необходимо отобрать объяснения у заявителей, очевидцев о жестоком обращении с животными.

Наиболее проблемными аспектами частной криминалистической методики расследования жестокого обращения с животными являются недостаточная проработка содержания отдельных элементов криминалистической характеристики, отсутствие конкретных рекомендаций о тактике проведения осмотра животного или его трупа на месте обнаружения, а также об особенностях назначения судебных экспертиз.

При расследовании жестокого обращения с животными одним из ключевых следственных действий является осмотр животного или его трупа. Осмотр может проводиться в рамках осмотра места происшествия, а может – в качестве самостоятельного следственного действия.

Следует сказать о том, что в практической деятельности при расследовании преступлений, связанных с жестоким обращением с животными, осмотр животного или трупа проводится в большинстве случаев с нарушением тактики его производства. В основном это выражается в нарушении по-

следовательности описания и использования неверной терминологии. Для того чтобы избежать такого рода нарушений, рекомендуется в обязательном порядке привлекать к участию в проведении следственного действия в качестве специалиста ветеринара, который не только поможет в верном описании животного или его трупа, но также даст предварительную оценку произошедшему.

Проблема взаимодействия с такого рода специалистами является одной из актуальных в практической деятельности. Прежде всего, это объясняется отсутствием таковых в системе органов внутренних дел, что, в свою очередь, замедляет процесс их поиска и, как следствие, не позволяет качественно провести осмотр незамедлительно, что может повлечь утрату или уничтожение важных доказательств по уголовному делу.

Для минимизации возможных негативных последствий в процессе проведения осмотра животного или его трупа в случае невозможности привлечь для участия в следственном действии в качестве специалиста ветеринара необходимо обозначить несколько ключевых аспектов в качестве рекомендаций по тактике проведения осмотра.

Осмотр животного или его трупа проводится с соблюдением общих правил, разработанных криминалистической тактикой. Отдельного внимания заслуживает последовательность описания и использование специальной терминологии. Например, внешний вид животного называется экстерьером, а отдельные части – частями животного.

При проведении осмотра сначала необходимо определить вид животного, затем описать его окрас, после переходить к описанию статей животного. Особое внимание следует уделять тем признакам, которые могут указывать на примерный возраст животного, например, наличие седины в окрасе или изменение цвета зубов и их целостности.

Аналогично осмотру трупа человека при осмотре трупа животного также фиксируется его поза на момент осмотра, а также в обязательном порядке осматривается ложе

трупа животного. Особое внимание уделяется осмотру обнаруженных на трупе животного повреждений, ран. Предварительный осмотр позволяет выдвинуть первоначальные следственные версии относительно способа совершения преступления, орудий его совершения, а также лиц, совершивших преступление. Более тщательное обследование животного или его трупа для выяснения обстоятельств произошедшего проводится в лабораторных условиях непосредственно ветеринарами.

При расследовании уголовных дел о жестоком обращении с животными необходимым является установление причин смерти животного или степени тяжести причиненных ему увечий. Кроме того, в некоторых случаях проведение экспертного исследования животного и установление признаков жестокого обращения с ним являются условиями возбуждения уголовного дела по ст. 245 УК РФ, поскольку иным способом установить это не всегда представляется возможным [11, с. 140].

При полном и объективном расследовании жестокого обращения с животными необходимо использование специальных знаний в сфере судебной ветеринарии, судебной медицины, трасологии. Важнейшей формой использования таких знаний являются назначение и проведение судебных экспертиз, в частности судебной ветеринарной экспертизы по определению причин смерти животного и тяжести причинения вреда здоровью. Несомненно, проблемным аспектом в назначении судебно-ветеринарной экспертизы является то, что данный вид экспертизы не проводится в экспертных учреждениях МВД России, а только в других учреждениях и на платной основе.

Справедливо отмечает Е. Р. Россинская, что судебно-ветеринарные экспертизы производятся экспертами, в качестве которых привлекаются ветеринары, преподаватели ветеринарных факультетов сельскохозяйственных вузов, научные сотрудники ветеринарных научно-исследовательских институтов [12, с. 551]. Так, проанализировав правоприменительную практику Свердлов-

ской области, можно отметить, что обычно судебно-ветеринарная экспертиза проводится в Уральском государственном аграрном университете.

В других регионах России правоприменительная практика складывается по-иному. Так, назначение судебно-ветеринарной экспертизы заменяется актом ветеринарного осмотра животного, справкой и т. д. Представляется, что назначение судебной ветеринарной экспертизы является наиболее предпочтительным для расследования рассматриваемых преступлений, поскольку проводится в соответствующих условиях с использованием экспертной методики, а заключение эксперта является наиболее полным и объективным доказательством по уголовному делу.

Таким образом, на основании проведенного анализа можно определить основные проблемы, возникающие при расследовании жестокого обращения с животными.

1. Присутствие взаимосвязи между теоретическими аспектами элементов частной методики расследования преступлений, связанных с жестоким обращением с животными, и прикладными составляющими организации расследования рассматриваемых преступлений.

2. Наличие проблем в правоприменительной практике по причине недостаточной проработанности отдельных структурных элементов частной криминалистической методики расследования жестокого обращения с животными.

3. Отсутствие законодательно закрепленного определения понятия «животное», что влечет за собой проблему невозможности соблюдения требования к единой практике применения законодательства.

4. Недостаточное использование правоприменителем рекомендаций по тактике проведения осмотра животного или его трупа, что приводит к некачественному результату следственного действия.

5. Особенность назначения судебной ветеринарной экспертизы обуславливает проблемы организационного характера при проведении расследования жестокого обра-

щения с животными и, как следствие, влияет на результат расследования в целом.

Таким образом, в аспекте рассмотрения указанных проблем нами предложены неко-

торые пути их решения, оптимальные для правоприменительной практики, с учетом соблюдения принципов организации раскрытия и расследования преступлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О защите домашних животных : Европейская конвенция от 13 ноября 1987 г. № 125 // Доступ из инф.-правовой системы «Гарант». URL: [www//http:garant.ru](http://www.garant.ru) (дата обращения: 15.04.2022).
2. Об ответственном обращении с животными : Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ. // Доступ из инф.-правовой системы «Гарант». URL: [www //http:garant.ru](http://www.garant.ru) (дата обращения: 15.04.2022).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. // Доступ из инф.-правовой системы «Гарант». URL: [www //http:garant.ru](http://www.garant.ru) (дата обращения: 15.04.2022).
4. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 15.04.2022).
5. Рост количества зарегистрированных преступлений в отношении животных за первый квартал 2018 года // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : официальный сайт. URL: <http://duma.gov.ru/news/27826/> (дата обращения: 15.04.2022).
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Н. Г. Кадников. Москва, 2019.
7. Криминалистическая методика : учебное пособие для вузов / А. Г. Филиппов [и др.]; под общ. ред. А. Г. Филиппова. Москва : Юрайт, 2021. 338 с.
8. Лавров В. П. Животные и их останки как объекты исследования в криминалистической науке и следственных действиях / В. П. Лавров, Р. Р. Тебиев // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 140.
9. Приговор Орджоникидзевского суда г. Екатеринбурга № 1-298/2019 от 23 марта 2019 г. по делу № 1-298/2019 // Доступ из интернет-ресурса «Судебные и нормативные акты РФ». URL: www.sudact.ru (дата обращения: 30.04.2022).
10. Приговор Орджоникидзевского суда г. Екатеринбурга № 1-407/2018 от 15 мая 2018 г. по делу № 1-298/2018 // Доступ из интернет-ресурса «Судебные и нормативные акты РФ». URL: www.sudact.ru (дата обращения: 15.04.2022).
11. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под ред. Л. И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. Москва, 2009.
12. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : монография / Е. Р. Россинская. 4-е изд., перераб. и доп. Москва, 2020.

REFERENCES

1. On the protection of domestic animals: European Convention of November 13, 1987 No. 125 // Access from the inf.-legal system “Garant”. URL: [www//http:garant.ru](http://www.garant.ru) (date of access: 15.04.2022). (In Russ.)
2. On the responsible treatment of animals : Federal Law of December 27, 2018 No. 498-FZ. // Access from the inf.-legal system “Garant”. URL: [www //http:garant.ru](http://www.garant.ru) (date of access: 15.04.2022). (In Russ.)
3. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 13, 1996 No. 63-FZ. // Access from the inf.-legal system “Garant”. URL: [www //http:garant.ru](http://www.garant.ru) (date of access: 15.04.2022). (In Russ.)
4. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation : official site. URL: <http://www.cdep.ru> (date of access: 15.04.2022). (In Russ.)
5. Growth in the number of registered crimes against animals in the first quarter of 2018 // State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation : official website. URL: <http://duma.gov.ru/news/27826/> (date of access: 15.04.2022). (In Russ.)
6. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / ed. N. G. Kadnikov. Moscow, 2019. (In Russ.)
7. Forensic methodology : textbook for universities / A. G. Filippov [et al.]; under total ed. A. G. Filippova. Moscow: Yurayt, 2021. 338 p. (In Russ.)

8. Lavrov V. P. Animals and their remains as objects of research in forensic science and investigative actions / V. P. Lavrov, R. R. Tebiev // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 4 (56). P. 140. (In Russ.)

9. Sentence of the Ordzhonikidzevsky court of Yekaterinburg No. 1-298/2019 of March 23, 2019 in case No. 1-298/2019 // Access from the Internet resource "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation". URL: www.sudact.ru (date of access: 30.04.2022). (In Russ.)

10. Sentence of the Ordzhonikidzevsky court of Yekaterinburg No. 1-407/2018 dated May 15, 2018 in case No. 1-298/2018 // Access from the Internet resource "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation". URL: www.sudact.ru (date of access: 15.04.2022). (In Russ.)

11. Ozhegov S. I. Explanatory dictionary of the Russian language: approx. 100,000 words, terms and phraseological expressions / S. I. Ozhegov; ed. L. I. Skvortsova. 26th ed., rev. and additional. Moscow, 2009. (In Russ.)

12. Rossinskaya E. R. Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings : monograph / E. R. Rossinskaya. 4th ed., revised. and additional. Moscow, 2020. (In Russ.)

Информация об авторах:

Мосина С. В., кандидат юридических наук;
Андроник Н. А., без ученой степени.

Information about the authors:

Mosina S. V., Candidate of Law;
Andronik N. A., no academic degree.

Статья поступила в редакцию 25.02.2022; одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 23.09.2022.

The article was submitted 25.02.2022; approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 23.09.2022.

Научная статья
УДК 343.985.7:343.711.9(470)

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ РОССИИ

Сергей Александрович Янин

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, s.yanin1@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению криминалистического обеспечения расследования преступлений в отношении культурного наследия народов России как научной категории криминалистики. Приведен ретроспективный анализ формирования дефиниции криминалистического обеспечения деятельности правоохранительных органов по расследованию преступлений, обобщены и проанализированы характерные черты предложенных различными учеными-криминалистами формулировок. Представлена авторская позиция относительно многогранности понимания данной научной категории. Изучение криминалистической литературы позволило предложить авторское определение криминалистического обеспечения расследования преступлений в отношении культурного наследия народов России, основанное на понятии науки криминалистики и содержании элементов, образующих предмет ее исследования. Раскрыто содержание криминалистического обеспечения расследования преступлений рассматриваемой категории, основанное на традиционных взглядах на 4-элементную систему науки криминалистики, кратко охарактеризован каждый его элемент. Сформулированы задачи криминалистического обеспечения, сделаны выводы о возможностях и перспективах дальнейших исследований означенной научной категории.

Ключевые слова: расследование, преступление, культурное наследие, криминалистическое обеспечение, научная категория, частная криминалистическая методика

Для цитирования: Янин С. А. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений в отношении культурного наследия народов России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 115–121.

Original article

CRIMINALISTIC SUPPORT FOR THE INVESTIGATION OF CRIMES IN REGARD TO THE CULTURAL HERITAGE OF THE PEOPLES OF RUSSIA

Sergey A. Yanin

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Volgograd, Russia, s.yanin1@yandex.ru

Annotation. The article is devoted to the consideration of forensic support for the investigation of crimes against the cultural heritage of the peoples of Russia as a scientific category of forensic science. A retrospective analysis of the formation of the definition of forensic support for the activities of law enforcement agencies in the investigation of crimes is given, the characteristic features of the formulations proposed by various forensic scientists are summarized and analyzed. The author's position regarding the versatility of understanding this scientific category is presented. The study of forensic literature made it possible to propose the author's definition of forensic support for the investigation of crimes against the cultural heritage of the peoples of Russia, based on the concept of the science of forensic science and the content of the elements that form the subject of its study. The content of the forensic support for the investigation of crimes of the category under consideration, based on traditional views on the 4-element system of the science of forensic science, is disclosed, each of

© Янин С. А., 2022

its elements is briefly characterized. The tasks of forensic support are formulated, conclusions are drawn about the possibilities and prospects for further research in this scientific category.

Keywords: investigation, crime, cultural heritage, forensic support, scientific category, private forensic technique

For citation: Yanin S. A. Criminalistic support for the investigation of crimes in regard to the cultural heritage of the peoples of Russia // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 3 (97). P. 122–129.

Любой вид человеческой деятельности предусматривает необходимость наличия и использования определенного инструментария – методов, приемов, способов, технических средств, которые требуются для выполнения поставленных задач. Не является исключением и деятельность, направленная на раскрытие и расследование преступлений, в частности, в отношении культурного наследия народов Российской Федерации.

Эффективная борьба с данными преступлениями основывается на наличии у правоохранительных органов средств и возможностей пресекать и расследовать такие преступления. Эти средства и возможности формируются специализированной наукой – криминалистикой, предметом которой являются «закономерности механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных средствах и методах судебного исследования и предотвращения преступлений» [1, с. 41].

Как известно, целью криминалистики является разработка и снабжение правоохранительных органов криминалистическими средствами, приемами, рекомендациями для эффективной борьбы с преступностью на основе изучения закономерностей последней, то есть, по сути, обеспечение деятельности названных органов специальным инструментарием, который позволит им выполнять поставленные задачи.

Как справедливо отмечено в литературе, «процесс доказывания невозможен без криминалистических знаний, поскольку именно они обеспечивают собирание (обнаружение, фиксацию, изъятие), исследование, оценку и использование доказательственных фактов и сведений о них» [2, с. 12]. Это обеспечение

в науке с конца 1970-х гг. XX века принято называть криминалистическим. Понимание этого термина в среде отечественных ученых-криминалистов многогранно.

Так, по мнению В. Г. Коломацкого, криминалистическим обеспечением является «система внедрения в практическую деятельность должностных лиц, подразделений, служб и органов внутренних дел по охране общественного порядка и борьбе с преступностью криминалистических знаний, воплощенных в умение работников использовать научные, методические и тактические криминалистические рекомендации, технико-криминалистические средства и технологии их применения» [3, с. 62].

Р. С. Белкин, используя, по сути, компетентностный подход, сформулировал криминалистическое обеспечение деятельности органов внутренних дел как «систему криминалистических знаний и основанных на них навыков и умений их сотрудников использовать научные криминалистические рекомендации, применять криминалистические средства, методы и технологии их использования в целях предотвращения, выявления, раскрытия и расследования преступлений» [4, с. 64].

Впоследствии свое видение понятия и содержания криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений предложил А. Ф. Волынский, который считает его «комплексной по содержанию деятельностью, направленной на формирование условий постоянной готовности правоохранительных органов к эффективному использованию криминалистических методов, средств и рекомендаций, а также на реализацию такой готовности в повседневной практике раскрытия и расследования преступлений» [5, с. 55].

Кроме вышеназванных исследователей, за последние годы свое видение понятия

и содержания криминалистического обеспечения было предложено многими учеными-криминалистами. Представляется наглядным и интересным, на наш взгляд, обобщение таких взглядов, сделанное А. А. Виноградовым по результатам изучения свыше 80 диссертационных и иных исследований, посвященных данной тематике. Так, в этих научных разработках криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений авторами представлялось как «система, состоящая из технико-криминалистического, тактико-криминалистического, методико-криминалистического обеспечения; отождествлялось с частной методикой расследования преступлений; выделялось как элемент обеспечения производства следственных действий, так и отдельных аспектов расследования; распространялось на выявление, раскрытие и предупреждение преступлений, оперативно-разыскную деятельность, судебное следствие и административную деятельность; в некоторых работах содержанию анализируемой категории был даже придан «особый смысл, не связанный с деятельностью правоохранительных органов» [6, с. 36–73].

На наш взгляд, у всех перечисленных точек зрения есть свои как бесспорные, так и весьма дискуссионные стороны. Так, рассмотрение криминалистического обеспечения как «системы внедрения криминалистических знаний в деятельность правоохранительных органов» [3, с. 62] либо как «системы знаний и основанных на них умений и навыков» [2, с. 12] отличается, на наш взгляд, некоторой односторонностью: в первом случае речь идет исключительно о динамике, т. е. о внедрении знаний без их формирования, во втором – о статике, т. е. знаниях как таковых, без внедрения их в практику деятельности правоохранительных органов [7, с. 4].

Дефиниция криминалистического обеспечения, предложенная А. Ф. Волынским, воспринимается, по нашему мнению, как некая абстракция, не содержащая в себе характеристик, признаков, отличительных

черт рассматриваемого понятия. Отождествление с частными методиками мы считаем необоснованным ввиду того, что понятие криминалистического обеспечения расследования представляется более широким, так как предусматривает разработку определенных рекомендаций, средств и методов; методика же расследования оперирует имеющимся инструментарием, составные части которого для эффективного решения задач различных этапов расследования необходимо применить в определенный его момент и в нужной последовательности.

Ограничение криминалистического обеспечения отдельными следственными действиями или же этапами расследования искусственно суживает понятие и содержание анализируемой категории. Распространять криминалистическое обеспечение на деятельность административную либо вообще не связанную с правоохранительными органами, на наш взгляд, представляется неоправданным ввиду несовпадения области исследований криминалистики как науки о раскрытии и расследовании преступлений с административным правом, а также науками «некриминального» цикла.

Безусловно, перечисленные научные взгляды имеют право на существование, что обусловлено многоаспектностью понятия криминалистического обеспечения. Вместе с тем имеющийся плюрализм мнений свидетельствует о том, что в науке криминалистике до настоящего времени не сложилась единая концепция криминалистического обеспечения расследования преступлений. В этой связи представляется необходимым предложить свое видение данной проблемы, основанное на анализе научных источников и использовании общенаучной методологии.

В буквальном смысле криминалистическое обеспечение является, по сути, «обеспечением криминалистикой» субъекта раскрытия, расследования преступлений, то есть предоставление, снабжение такого субъекта положениями науки криминалистики как «инструментами» доказывания, используемыми в процессе означенной деятельности.

Формулируя понятие рассматриваемой

научной категории, необходимо, на наш взгляд, исходить из понятия науки криминалистики, а также руководствоваться содержанием ее предмета – тех явлений и закономерностей, которые ей изучаются. То есть криминалистическое обеспечение объединяет в себе как деятельность, так и промежуточный ее результат:

- изучение закономерностей преступного события, а также работы правоохранительных органов по его раскрытию и расследованию;

- разработку инструментария для раскрытия и расследования преступлений (как технических средств, так и теоретических положений, алгоритмов действий, приемов);

- сами приемы и рекомендации;

- предоставление результатов разработок правоохранительным органам для практического применения.

Предметно указав в дефиниции категорию противоправного деяния, мы получаем адаптированную формулировку криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений такого вида.

С учетом изложенного под криминалистическим обеспечением раскрытия и расследования преступлений в отношении культурного наследия народов России мы предлагаем понимать разработку и предоставление правоохранительным органам для использования в такой деятельности специальных средств, методов, приемов и рекомендаций, подготовленных на основе анализа закономерностей механизма преступлений данного вида, возникновения информации о них и их участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств.

Рассматривая систему криминалистического обеспечения, мы исходим из того, что обеспечиваться должны все стороны деятельности по раскрытию и расследованию преступлений – как формирование теоретических основ, категориального аппарата, так и прикладных аспектов такой работы: разработка и применение технико-криминалистических средств; формулирование и практическое применение тактических при-

емов производства следственных действий, тактических операций и комбинаций; анализ криминалистической характеристики преступлений и следственных ситуаций; выдвижение версий и планирование расследования; алгоритмизация деятельности следователя, органа дознания в зависимости от складывающейся обстановки. То есть, говоря о содержании криминалистического обеспечения деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, мы исходим из общепринятой системы науки криминалистики, состоящей из теоретических основ, криминалистической техники, криминалистической тактики, криминалистической методики [8, с. 56].

Поддерживая мнение профессора А. Ф. Волынского, считаем, что «систему криминалистического обеспечения можно представить в соответствии с системой криминалистики: теоретические основы криминалистического обеспечения; технико-криминалистическое обеспечение; тактико-криминалистическое обеспечение; методико-криминалистическое обеспечение» [5, с. 56]. Кратко обозначим содержание перечисленных элементов применительно к раскрытию и расследованию преступлений в отношении культурного наследия народов России.

1. Теоретические основы криминалистического обеспечения представляют собой, на наш взгляд, результаты работы по обоснованию задач и социальных функций рассматриваемой научной категории; изучение и криминалистический анализ преступности в данной сфере и состояние борьбы с ним; а также на их основе – анализ практики расследования обсуждаемых преступлений с определением потребности правоохранительных органов в разработке специальных средств и методов, приемов и рекомендаций по выявлению, закреплению, исследованию и применению доказательственной информации в расследовании, направлению его хода и прогнозированию результатов.

2. Техничко-криминалистическое обеспечение расследования рассматриваемых преступлений можно определить как

разработку, а также применение в ходе расследования преступлений в отношении культурного наследия народов России специальных технических средств и методов для собирания и исследования криминалистически значимой информации, в частности, вещественных доказательств, в целях установления сведений, имеющих значение для дела. Применять такие средства призваны вовлекаемые для этой цели в уголовное судопроизводство лица – носители специальных знаний.

Исследование собранных объектов, носителей значимой информации реализуется, как правило, посредством назначения и производства судебных экспертиз различных видов. В результате такого исследования орган расследования получает доказательства: в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством сведения, на основе которых в порядке, установленном УПК РФ, субъект расследования «устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» [9].

3. Тактико-криминалистическое обеспечение расследования подразумевает разработку наиболее эффективных способов действий следователя, сотрудника органа дознания – тактических приемов – в различных ситуациях, а также тактических операций и комбинаций в рамках, обозначенных уголовно-процессуальным законодательством.

При этом, как представляется, наибольшую специфику при производстве по уголовным делам о преступлениях в отношении культурного наследия народов России в силу особенностей данной сферы, предмета преступного посягательства имеют следственный осмотр различных объектов, обыск, допрос фигурантов, назначение судебных экспертиз, поэтому субъекту расследования необходимо быть должным образом подготовленным к эффективным действиям в той или иной ситуации, чтобы не просто исключить возможность нарушений закона,

криминалистических рекомендаций, предотвратить утрату криминалистически значимой информации (которая его грамотными действиями может и должна трансформироваться в доказательство), но и сформировать доказательственную базу по делу.

4. Методико-криминалистическое обеспечение расследования служит квинтэссенцией, обобщением всех криминалистических знаний, умений и навыков, которыми обладает субъект расследования, для «приложения» в одной точке – расследовании преступлений рассматриваемого вида. То есть из всего комплекса разработанных криминалистикой приемов, средств и методов выбираются необходимые для применения в зависимости от специфики объективной стороны преступного деяния и следственной ситуации.

Методико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений в отношении культурного наследия народов России «представляет собой разработку и внедрение в практическую деятельность правоохранительных органов частных криминалистических методик расследования таких преступлений» [10]. Важнейшей содержательной частью таких методик является криминалистический анализ механизма рассматриваемых преступлений и разработка на его основе алгоритма расследования – определение содержания и последовательности действий следователя, органа дознания в зависимости от складывающейся следственной ситуации.

Так, в настоящее время имеется достаточно большое количество научных работ, посвященных расследованию преступлений данного вида. Налицо активная разработка методик расследования хищений культурных ценностей (ст. 164 УК РФ), а также их контрабанды (ст. 226.1 УК РФ). Крайне слабо затронута разработка методики расследования невозвращения на территорию Российской Федерации культурных ценностей (ст. 190 УК РФ). И вовсе без должных разработок ученых-криминалистов на монографическом уровне остаются составы преступлений, посвященные объектам культур-

ного наследия, а также археологическому наследию (ст. 243–243.3 УК РФ). Мы подготовили ряд трудов, посвященных расследованию преступлений данного вида, [11–13], однако этого явно недостаточно, необходимо с учетом современных реалий и осознания значимости культуры для современного российского общества осуществлять дальнейшую научную разработку проблематики расследования преступлений перечисленных видов.

Рассуждая о понятии и содержании криминалистического обеспечения расследования преступных посягательств на культурное наследие народов России, нельзя обойти стороной задачи такого обеспечения. Их можно условно разделить на общие и специальные [5, с. 59–60]. При этом общая задача – «вооружение» правоохранительных органов средствами и методами борьбы с преступными посягательствами в отношении культурного наследия народов России, то есть интеграция достижений и разработок криминалистики в данной области и практической деятельности.

Специальными задачами являются, по нашему мнению, следующие:

- разработка указанных средств и методов;
- подготовка нормативного обоснования их применения в практической деятельности правоохранительных органов;
- внедрение их в практическую деятельность;

– криминалистическое обучение субъектов применения названных средств и методов;

– материально-техническое сопровождение внедрения и использования на практике заявленных средств и методов.

Их последовательное решение приведет к достижению цели криминалистики – всестороннему, полному и качественному сопровождению деятельности правоохранительных органов специальными средствами, методами, способами и рекомендациями по получению криминалистически значимой информации; трансформированию ее в доказательственную и использованию последней для эффективного раскрытия и расследования преступлений рассматриваемого вида.

В целом в качестве вывода можно отметить, что вопросы криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений в отношении культурного наследия народов России дискуссионны и требуют дополнительных научных разработок. Дальнейшие исследования проанализированной в настоящей статье научной категории способны выявить теоретическую базу и практические аспекты реализации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в данной сфере криминалистическими способами и средствами, повысив таким образом ее эффективность, что позволит сберечь отечественное культурное наследие от противоправных посягательств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика : учебник для вузов. 3 изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2007. 944 с.
2. Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание. Методологические проблемы. М., 1969. 216 с.
3. Коломацкий В. Г. Криминалистическое обеспечение деятельности органов внутренних дел по расследованию преступлений // Криминалистика. В 3 т. Т. 1. М. : Академия МВД России, 1994. 345 с.
4. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования: учебник / под ред. Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина. М., 1997. 400 с.
5. Криминалистика : учебник / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2013. 943 с.
6. Виноградов А. А. Криминалистическое обеспечение расследования угонов автомобилей : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 300 с.

7. Шмонин А. В. Понятие и структура криминалистического обеспечения расследования преступлений // Труды Академии управления МВД России. 2010. № 1 (13). С. 3–8.
8. Возгрин И. А. Введение в криминалистику: история, основы теории, библиография. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. 475 с.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Ст. 74. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Яшин А. В. Классификация преступлений против участников уголовного судопроизводства как основа формирования частных криминалистических методик их расследования // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2017. Т. 1. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-prestupleniy-protiv-uchastnikov-ugolovnogo-sudoproizvodstva-kak-osnova-formirovaniya-chastnyh-kriminalisticheskikh> (дата обращения: 15.05.2022).
11. Янин С. А., Янина Т. Н., Горелов М. Г. Организация расследования уничтожения или повреждения объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Волгоград : ВА МВД России, 2021. 108 с.
12. Янин С. А., Горелов М. Г. Деятельность следователя по возвращению из-за пределов Российской Федерации культурных ценностей, незаконно вывезенных с ее территории. Волгоград : ВА МВД России, 2021. 80 с.
13. Янин С. А., Янина Т. Н., Горелов М. Г. Расследование преступлений, предусмотренных статьями 243.2 и 243.3 Уголовного кодекса Российской Федерации. Волгоград : ВА МВД России, 2022. 103 с.

REFERENCES

1. Averyanova T. V., Belkin R. S., Korukhov Yu. G., Rossinskaya E. R. Criminalistics : a textbook for universities. 3rd ed., revised. and additional M. : Norma, 2007. 944 p. (In Russ.)
2. Belkin R. S., Vinberg A. I. Criminalistics and proof. Methodological problems. M., 1969. 216 p. (In Russ.)
3. Kolomatsky V. G. Forensic support for the activities of internal affairs bodies in the investigation of crimes // Forensic science. In 3 volumes. T. 1. M. : Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1994. 345 p. (In Russ.)
4. Forensic support for the activities of the criminal police and preliminary investigation bodies : textbook / ed. T. V. Averyanova, R. S. Belkina. M., 1997. 400 p. (In Russ.)
5. Criminalistics: textbook / ed. A. F. Volynsky, V. P. Lavrov. M. : UNITI-DANA : Law and Law, 2013. 943 p. (In Russ.)
6. Vinogradov A. A. Forensic support for the investigation of car thefts : dis. ... cand. legal sciences. M., 2018. 300 p. (In Russ.)
7. Shmonin A. V. The concept and structure of forensic support for the investigation of crimes // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 1 (13). P. 3–8. (In Russ.)
8. Vozgrin I. A. Introduction to criminalistics: history, fundamentals of theory, bibliography. SPb. : Legal Center Press, 2003. 475 p. (In Russ.)
9. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ. Art. 74. // Access from the reference-legal system “ConsultantPlus”. (In Russ.)
10. Yashin A. V. Classification of crimes against participants in criminal proceedings as a basis for the formation of private forensic methods of their investigation // Bulletin of the Volga University. V. N. Tatischeva. 2017. V. 1. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-prestupleniy-protiv-uchastnikov-ugolovnogo-sudoproizvodstva-kak-osnova-formirovaniya-chastnyh-kriminalisticheskikh> (date of access: 15.05.2022). (In Russ.)
11. Yanin S. A., Yanina T. N., Gorelov M. G. Organization of the investigation of the destruction or damage to objects of cultural heritage (monuments of history and culture) of the peoples of the Russian Federation. Volgograd : VA Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 108 p. (In Russ.)
12. Yanin S. A., Gorelov M. G. Activities of the investigator on the return from outside the Russian Federation of cultural property illegally exported from its territory. Volgograd : VA Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 80 p. (In Russ.)

13. Yanin S. A., Yanina T. N., Gorelov M. G. Investigation of crimes under Articles 243.2 and 243.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. Volgograd : VA Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. 103 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Янин С. А., кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

Yanin S. A., Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 05.05.2022; одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 23.09.2022.

The article was submitted 05.05.2022; approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 23.09.2022.

Научная статья
УДК 811.111'367.625

**МЕТОДИКА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
АНГЛИЙСКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ**

Римма Зигануровна Байбурина

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, RimmaBajburina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы современного экспериментального лингвистического исследования значения синонимичной глагольной лексики в рамках триангуляционного подхода. Основываясь на анализе словарных дефиниций, автор показывает, что предикаты получают схожие объяснения, образуя так называемые «логические круги». При этом дифференциальные признаки, разграничивающие применение синонимичных вокабулярных единиц, оказываются недостаточно раскрытыми, что вызывает определенные трудности в интерпретации значения слова. В работе описываются существующие приемы и инструменты лингвистического анализа на основе эксперимента, опыт применения апробированных и аргументированных исследовательских методик, а также перспективы их дальнейшего применения. Автор подчеркивает важность получения статистически достоверных данных с использованием информантов, цифровых методик и сетевых поисковых, интерактивных и образовательных ресурсов, тем самым приближая лингвистику к точным наукам.

Ключевые слова: глагольная лексика, экспериментальное исследование, триангуляционный подход, информант, сетевые ресурсы, статистика

Для цитирования: Байбурина Р. З. Методика экспериментального исследования английской глагольной лексики // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 130–135.

Original article

**METHODS OF EXPERIMENTAL RESEARCH
OF ENGLISH VERBAL VOCABULARY**

Rimma Z. Bajburina

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ufa, Russia, RimmaBajburina@yandex.ru

Abstract. The article deals with the issues of modern experimental linguistic research of the meaning of synonymous verbal vocabulary within the framework of the triangulation approach. Based on the analysis of dictionary definitions, the author shows that predicates receive similar explanations, forming so-called “logical circles”. At the same time, the differential signs distinguishing the use of synonymous vocabulary units are not sufficiently disclosed. This causes certain difficulties in interpreting of the meaning of the word. The paper describes the existing techniques and tools of a linguistic analysis based on an experiment, the experience of using of the proven and reasoned research methods, as well as the prospects for their further application. The importance of obtaining statistically reliable data using informants, digital techniques and online search, interactive and educational resources is emphasized, thereby bringing linguistics closer to the exact sciences.

Keywords: verbal vocabulary, an experimental research, a triangulation approach, an informant, network resources, statistics

For citation: Bajburina R. Z. Methods of experimental research of english verbal vocabulary // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 3 (97). P. 130–135.

В работах, исследующих английскую глагольную лексику в последние десятилетия, прослеживается определенная практика ее описания. В области наших научных интересов находятся вопросы когнитивной лингвистики и методов выявления признаков, разграничивающих условия употребления предикативных единиц. Целью данной работы является описание существующих приемов и инструментов лингвистического анализа параметров функционирования глаголов на основе эксперимента, их преимуществ и недостатков, а также перспективы дальнейшего применения.

Для достижения обозначенной цели в статье находят решение такие задачи, как изучение и трактовка имеющихся подходов к пониманию эксперимента; рассмотрение правил проведения семантического эксперимента; анализ процедуры верификации выдвинутых гипотез с использованием информантов, цифровых методик и сетевых ресурсов; обоснование важности триангуляционного подхода к интерпретации полученных результатов. Лингвистика все больше превращается в точную науку. К настоящему моменту собран обширный опыт применения апробированных и аргументированных исследовательских методик.

Когда мы приступаем к изучению определенных классов слов, первое, что необходимо сделать исследователю, это собрать материал. Легче всего сначала обратиться к информации, представленной в словарях различного толка, например, англо-русских, английских толковых, английских ассоциативных. И уже на этом этапе возникает трудность интерпретации значения слова. Вышеупомянутые словари не дают адекватного и всестороннего описания дифференциальной семантики анализируемых вокабулярных единиц. Например: respect – to consider worthy of high regard : esteem; regard – to show respect or consideration for, to hold in high esteem; esteem – to set a high value on : regard highly and prize accordingly [1]; respect – to have a very good opinion of somebody/something, to admire somebody/something; admire – to respect somebody for

what they have done or to respect their qualities [2]; respect – to admire someone because of their knowledge, achievements, etc.; admire – to respect or approve of someone or something [3]. Из приведенных примеров мы видим, что в словарных дескрипциях слова толкуются друг через друга, предикаты получают схожие объяснения, есть также совпадающие моменты. Такое явление исследователи называют «логические круги» [4; 5]. Анализируя разнообразные лексикографические источники, мы можем сделать вывод о том, что дифференциальные признаки, разграничивающие применение синонимичных вокабулярных единиц, оказываются нераскрытыми.

Таким образом, перед изыскателем ставится задача рассмотреть условия, факты и пределы употребления лингвистической единицы, обозначив область ее значения, а именно какую информацию слово несет о Субъекте или Объекте. Подробный языковой анализ выдвигает перед нами требование проведения лингвистического эксперимента. Мы придерживаемся точки зрения О. Н. Селиверстовой, которая подчеркивает: «поскольку в словарных статьях помимо верных предлагаются и неверные сведения и, кроме того, поскольку словарные толкования часто оказываются неполными, работа исследователя не может сводиться только к систематизации – она должна дополняться проведением верификационных процедур» [6].

Лингвистический опыт позволяет проверить предположения об условиях функционирования языковой единицы. Л. В. Щерба был в числе первых, кто ввел понятие эксперимента в лингвистике. Ученый выделял «положительный» и «отрицательный» эксперимент [7]. При «положительном» предлагается правильная форма высказывания, а при «отрицательном» – неправильная, которую респондент должен исправить. Как отмечал исследователь, «отрицательные результаты указывают или на неверность постулированного правила, или на необходимость каких-то его ограничений, или на то, что правила уже больше нет, а есть только

факты словаря, и т. п.» [7]. А. А. Леонтьев выделяет третий вид эксперимента – «альтернативный», когда опрашиваемый указывает на тождество-нетождество предлагаемых вариантов [8]. А. М. Пешковский также утверждал, что изучение слов-синонимов должно проводиться на примере текстового материала и только при помощи эксперимента [9].

А. А. Залевская говорит о важности психолингвистического эксперимента для исследования значения слова как достояния индивида. Филолог разрабатывает идею «живого слова» и использует «ассоциативный эксперимент», который дает возможность не только замечать сдвиги в значении многосмысловых слов, но обнаруживать новые значения, еще не кодифицируемые лексикографическими источниками [10].

Семантический эксперимент отличается от психолингвистического. Во время его проведения экспериментатор оперирует материалом родного или иностранного языка, чтобы вывести условия употребления языкового элемента. О. А. Сулейманова подчеркивает, что процедура семантического эксперимента предполагает не исследование спонтанной реакции на предъявляемый стимул, а осмысление правильности/неправильности речевого произведения с опорой на свое языковое чувство. «Употребление языковой единицы не произвольно, но подчиняется определенным законам, не зависящим от говорящего, что и оправдывает обращение к языковой компетенции носителя языка и доверие к его показаниям». Здесь на первый план выходит гипотетико-дедуктивный метод, обеспечивающий процедуру исследования, состоящую из этапов формулирования гипотез, их экспериментальное подтверждение на материале оценок информантов, дальнейший анализ полученных результатов, их обобщение и вывод. Расхождения в оценках информантов могут быть значимыми, при этом условия эксперимента должны быть скорректированы и случайными, например, вызванными психологическими факторами [6] или субъективностью восприятия оценочной сетки [11]. Поэтому

возникает надобность применения статистической методики, которая дает возможность вычленить оценку, определенную структурой языка, а не произвольными обстоятельствами. Экспериментальная методика в лингвистическом исследовании позволяет получить объективные данные от носителей языка, которые потом обрабатываются математическими инструментами для получения достоверной информации о степени согласованности оценок информантов, далее на основании полученных данных делается вывод о функционировании изучаемых вокабулярных единиц.

Например, филологи-исследователи предлагают использовать так называемую шкалу А. Тимберлейка, которая ранжирует оценки информантов по пятибалльной шкале. Носители языка должны оценить высказывание с точки зрения их правильности/неправильности, где 1 балл означает «совсем неприемлемо для употребления», а 5 баллов – «приемлемо, предпочтительно для употребления». Также необходимо учитывать комментарии к каждому баллу. Испытуемые должны владеть развитым абстрактным мышлением, широким кругозором, умением логически строить свою речь. Поэтому предпочтительно опрашивать респондентов с высшим образованием [12].

Лингвист Ю. С. Степанов рассматривал четыре основных этапа процедуры проведения эксперимента. О. С. Белайчук в своей работе развивает эту технологию семантического изыскания, предложив одиннадцать шагов [13]. Краткое описание исследовательского алгоритма выглядит следующим образом: 1) собирание фактов употребления рассматриваемых вокабулярных единиц в устно-письменной речи методом сплошной выборки; 2) обобщение на группы по различным признакам; 3) отбор наиболее статистически представительных примеров; 4) замена исходного элемента на синонимичный в этом же контексте; 5) презентация выявленных общеупотребимых лексических единиц и их синонимов в схожем контексте информантам для оценивания употребления по шкале Тимберлейка; 6) анализ результа-

тов оценки вариантов словоупотребления, получивших высокие и низкие баллы; 7) разработка гипотезы о наличии признаков, разграничивающих употребление исследуемых вокабулярных единиц, на основании полученных оценок и комментариев к ним; 8) верификация гипотезы на собранном лингвистическом материале; 9) организация «направленного варьирования» [11], когда исследователь конструирует новые примеры, варьируя какой-то параметр, не изменяя при этом другие условия употребления языковой единицы; 10) снова презентация полученных примеров информантам для оценивания; 11) изучение результатов проведенной экспериментальной процедуры.

Таким образом, лингвистический эксперимент позволяет получить математически подтвержденные семантические данные, которые позволяют разграничить область денотации исследуемых синонимичных языковых единиц на основе наличия в их семантической структуре определенных дифференциальных признаков.

Отдельно рассмотрим вопрос источников для сбора примеров при проведении семантического анализа. Если ранее исследователи могли опираться лишь на иллюстративный материал на основе художественной, публицистической литературы, зарубежной прессы, словарных статей из словарей различного толка, то в дальнейшем лингвисты получили доступ к созданным корпусам (базам данных) естественных языков. Как отмечает в своей статье выдающийся языковед Е. В. Рахилина, «обращаясь к корпусу, мы как бы обращаемся сразу к огромному числу информантов одновременно, причем разного пола, возраста и социального статуса» [14]. По словам лингвиста, корпусные примеры не укладываются в жесткие рамки словарных дефиниций. Исследования на основе корпусных примеров опираются на валидные статистические данные. Это новое направление рассматривается, например, в работах О. Н. Ляшевской [15], Д. Дивьяк [16] и других ученых.

Цифровизация уверенно проникла во все сферы нашего бытия, в том числе в ме-

тодологию лингвистических изысканий. Например, современное языкознание уже имеет в своем арсенале метод «направленной проверки сочетаемости слов» с использованием возможностей поисковых систем типа Google, Yandex [4]. О. А. Сулейманова предлагает выделять три типа систем сетевых исследовательских технологий: поисковые (электронные библиотечные ресурсы, корпуса текстов и ресурсы типа Яндекс), интерактивные (типа Mentimeter.com), образовательные (например, Edublog.org.) [11]. Как отмечает автор, «вместо носителя языка можно использовать системы больших данных (big data) в качестве коллективного информанта». Так, запрос на анализируемое словосочетание позволяет получить реальные статистические данные об употребляемости/неупотребляемости рассматриваемого сочетания языковых единиц. При этом метод исследования на основе big data дополняет корпусный анализ, а не заменяет его.

В настоящее время в лингвистической науке все больше филологов говорят о необходимости так называемого «триангуляционного подхода» к семантическому анализу условий употребления вокабулярных единиц. Суть триангуляционного принципа при проведении экспериментального семантического изыскания заключается в применении «комплексной исследовательской методики, совмещающей гипотетико-дедуктивную процедуру исследования, обращение к ведущим поисковым системам, использование корпусного эксперимента, а также метода экспертных оценок» [11]. Такой триангуляционный подход решает вопрос повышения надежности и адекватности результатов исследования и имеет своей целью превратить лингвистику в точную науку.

Новые лингвистические эксперименты позволяют обращаться к информантам-носителям языка и культурных знаний, статистически определять происходящие изменения в структуре лексического значения слов-синонимов, которые очень медленно находят свое отражение в словарных дефинициях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Webster's New World Essential Vocabulary. URL: <https://list-english.ru/img/newpdf/dictpdf/8.pdf> (дата обращения: 30.05.2022).
2. Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 30.05.2022).
3. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 30.05.2022).
4. Аллахвердиева А. Ф. Анализ верификационного потенциала алгоритмов математической обработки результатов лингвистического эксперимента // В многомерном пространстве современной лингвистики : сборник работ молодых ученых. М. : МГПУ; Языки Народов Мира 2019. 436 с.
5. Чаплин Е. В. Когнитивная интерпретация акта говорения в естественном языке : дис. ... канд. филол. наук. М. : МГПУ, 2020.
6. Селиверстова О. Н. Труды по семантике. М. : Языки славянской культуры, 2004. 960 с.
7. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л. : Наука, 1974. С. 24–39.
8. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.
9. Пешковский А. М. Избранные труды. М., 1959. 172 с.
10. Залевская А. А. Значение слова через призму эксперимента. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2011. 240 с.
11. Сулейманова О. А. Принципы и методы лингвистических исследований : учебное пособие / О. А. Сулейманова, М. А. Фомина, И. В. Тивьяева; отв. ред. О. А. Сулейманова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Языки Народов Мира; НВИ, 2020. 352 с.
12. Тимберлейк А. Инвариативность и синтаксические свойства вида в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15. М. : Прогресс, 1985.
13. Белайчук О. С. Гипотетико-дедуктивный метод для описания семантики глаголов отрицания (пошаговое описание методики, применяемой для решения конкретной исследовательской задачи) // Лингвистика на рубеже эпох: доминанты и маргиналии. Вып. 2, М. : МГПУ, 2004.
14. Рахилина Е. В. Экспериментальная и корпусная лингвистика : рецензия на сборник статей к юбилею О. А. Сулеймановой «Контенсивные аспекты языка : константность и вариативность» / отв. ред. Т. Д. Шабанова (М. : Флинта, 2016. 288 с.) // Вестник МГПУ. 2017. № 3 (27).
15. Ляшевская О. Н. Корпусные инструменты в грамматических исследованиях русского языка. М. : ЯСК, 2016. 520 с.
16. Divjak D., Dąbrowska E., Arppe A. Machine Meets Man: Evaluating the Psychological Reality of Corpus-based Probabilistic Models // Cognitive Linguistics. 2016. № 27 (1). P. 1–33.

REFERENCES

1. Webster's New World Essential Vocabulary. URL: <https://list-english.ru/img/newpdf/dictpdf/8.pdf> (date of access: 30.05.2022).
2. Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (date of access: 30.05.2022).
3. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (date of access: 30.05.2022).
4. Allahverdieva A. F. Analysis of the verification potential of algorithms for mathematical processing of the results of a linguistic experiment // In the multidimensional space of modern linguistics : a collection of works by young scientists. Moscow : MGPU; Languages of the Peoples of the World 2019. 436 p. (In Russ.)
5. Chaplin E. V. Cognitive interpretation of the act of speaking in natural language: dis. ... cand. philol. sciences. M. : MGPU, 2020. (In Russ.)
6. Seliverstova O. N. Works on semantics. M. : Languages of Slavic Culture, 2004. 960 p. (In Russ.)
7. Shcherba L. V. On the triple aspect of linguistic phenomena and the experiment in linguistics // Shcherba L. V. Language system and speech activity. L. : Nauka, 1974. P. 24–39. (In Russ.)
8. Leontiev A. A. Psycholinguistic units and the generation of speech utterance. M., 1969. (In Russ.)
9. Peshkovsky A. M. Selected Works. M., 1959. 172 p. (In Russ.)
10. Zalevskaya A. A. The meaning of the word through the prism of experiment. Tver : Tver. state un-t, 2011. 240 p. (In Russ.)

11. Suleymanova O. A. Principles and methods of linguistic research : a textbook / O. A. Suleimanova, M. A. Fomina, I. V. Tivyaeva; resp. ed. O. A. Suleimanova. 2nd ed., revised. and additional Moscow : Languages of the Peoples of the World; NVI, 2020. 352 p. (In Russ.)
12. Timberlake A. Invariance and syntactic properties of the form in the Russian language // New in foreign linguistics. Issue. 15. M. : Progress, 1985. (In Russ.)
13. Belaichuk O. S. Hypothetical-deductive method for describing the semantics of negation verbs (a step-by-step description of the methodology used to solve a specific research problem) // Linguistics at the turn of eras: dominants and marginalia. Issue. 2, M. : MGPU, 2004. (In Russ.)
14. Rakhilina E. V. Experimental and corpus linguistics: a review of the collection of articles for the anniversary of O. A. Suleimanova "Contensive aspects of language: constancy and variability" / ed. T. D. Shabanova (M. : Flinta, 2016. 288 p.) // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. 2017. No. 3 (27). (In Russ.)
15. Lyashevskaya O. N. Corpus instruments in grammar studies of the Russian language. M. : YaSK, 2016. 520 p. (In Russ.)
16. Divjak D., Dąbrowska E., Arppe A. Machine Meets Man: Evaluating the Psychological Reality of Corpus-based Probabilistic Models // Cognitive Linguistics. 2016. No. 27 (1). P. 1–33.

Информация об авторе:

Байбурина Р. З., кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author:

Bajburina R. Z., Candidate of Philology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 01.06.2022; одобрена после рецензирования 15.07.2022; принята к публикации 23.09.2022.

The article was submitted 01.06.2022; approved after reviewing 15.07.2022; accepted for publication 23.09.2022.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИДЕО НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЖЕСТОВОМУ ЯЗЫКУ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Лилия Викторовна Науразбаева

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, lilianv1979@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена методическим приемам, используемым при работе с видеоматериалами. Учебные видеоролики стали неотъемлемой частью высшего образования, обеспечивая важный инструмент передачи контента обучающимся во время проведения практических, семинарских и лекционных занятий, в том числе и по дисциплине «Основы русского жестового языка». Видеоматериалы являются одним из эффективных средств обучения, позволяющих развивать самостоятельное мышление обучающихся и формировать коммуникативную компетенцию. Использование видеосюжетов на практических занятиях по русскому жестовому языку представляет собой освоение мультимедиа, поскольку в настоящее время наблюдается активное развитие технопедагогика. В статье подчеркивается, что использование учебного видео в качестве образовательного инструмента на занятиях обеспечивается посредством трех элементов: когнитивной нагрузки, мотивации обучающихся и активного обучения. Автором предлагаются инновационные методы обучения с использованием учебных видеофильмов, способствующие повышению интереса обучающихся и достижению запланированных результатов.

Ключевые слова: русский жестовый язык, когнитивная нагрузка, образовательный процесс, мотивация, учебное видео, технопедагогика

Для цитирования: Науразбаева Л. В. Использование видео на занятиях по русскому жестовому языку в учебном процессе // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 136–140.

Original article

THE USE OF VIDEOS ON THE RUSSIAN SIGN LANGUAGE IN THE TEACHING AND LEARNING PROCESS

Liliya V. Naurazbaeva

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ufa, Russia, lilianv1979@mail.ru

Abstract. The article is devoted to methodological techniques used when working with video materials. Educational videos have become an integral part of the higher education providing an essential tool for communicating content to students during various types of classes such as practical instructions, seminars and lectures including “The Basics of the Russian Sign Language”. Video materials are effective educational means. They allow to develop independent thinking and form communicative competence. The use of videos for practical classes on the Russian sign language represents the development of multimedia since there is an active techno-pedagogy development nowadays. The article emphasizes that the effective use of video as an educational tool is enhanced by means of three elements. They are cognitive load, motivation of students and active learning. The author offers practical ways for those who apply the principles of teaching with the use of educational videos. They help to increase motivation of students and achieve the planned results.

Keywords: the Russian sign language, cognitive load, educational process, motivation, educational video, techno pedagogy

For citation: Naurazbaeva L. V. The use of videos on the russian sign language in the teaching and learning process // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 3 (97). P. 136–140.

Учебное видео составляет неотъемлемую часть учебного процесса при проведении занятий в вузах, в том числе в образовательных организациях МВД России. Оно представляет собой традиционные курсы и является фундаментом для проведения разного рода занятий. Безусловно, нововведения и медиа технологии способствуют мотивации к обучению [1].

Видеоуроки особенно актуальны при обучении языкам, так как они опираются на один из основных методических принципов – на принцип наглядности. Использование видеосюжетов на занятиях по русскому жестовому языку помогают раскрыть и визуализировать абстрактные или трудные для осмысления понятия.

Рассмотрим базовые элементы, которые позволяют преподавателям выбирать, разрабатывать и создавать учебные видеоролики. Как показывают наблюдения, на эффективность обучения и достижение запланированных результатов учебного процесса влияют три взаимосвязанных составляющих, предложенных когнитивным психологом Ричардом Майером (см. рисунок 1):

- познавательная (когнитивная) нагрузка;
- мотивация обучающихся;
- активное обучение.

В целом все данные элементы гарантируют надежную основу для создания и применения видеосюжетов в качестве эффективного образовательного инструмента.

На наш взгляд, познавательная (когнитивная) нагрузка является одним из главных критериев при разработке учебных материалов, в том числе видеоуроков. Исследователь Джон Свеллер одним из первых сфор-

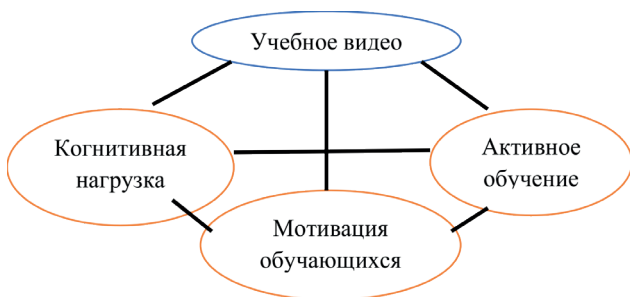

Рис. 1. Когнитивная теория мультимедийного обучения Ричарда Э. Майера

мулировал теорию «когнитивной нагрузки». Основная идея данного научного знания заключается в том, что память содержит нескольких компонентов [2]. В истории когнитивных исследований важную роль сыграла трехкомпонентная модель памяти. Модификация памяти, предложенная психологами Р. Аткинсоном и Р. Шиффрином [3], представлена на рисунке 2.

Сенсорная память (от лат. *sensus* – чувство, ощущение) переменна, так как она аккумулирует всю информацию извне. Сенсорная память предназначена для временного хранения информации и ее обработки в оперативной памяти. Эта обработка является необходимым условием для кодирования в долговременную память, которая имеет практически неограниченный объем.

Ввиду того, что рабочая память ограничена, обучающийся должен принимать решение, на какую информацию из сенсорной памяти обращать внимание в процессе обучения. Данное наблюдение, несомненно, актуально при создании образовательных видеоматериалов, так как видео является мультимедийно насыщенным учебным контентом. Исходя из этого, нельзя забывать о каналах получения и обработки информации рабочей памятью. Применение аудиального и визуального каналов повышает эффективность использования рабочей памяти, таким образом материал будет восприниматься лучше.

Теория «когнитивной нагрузки», основываясь на модели памяти, предполагает, что любой учебный процесс включает в себя три компонента (см. рисунок 3):

- внутренняя когнитивная нагрузка (совокупное внимание, необходимое для усвоения материала, который будет помещен в долговременную память);
- внешняя когнитивная нагрузка (факторы, отвлекающие внимание от процесса обучения);
- релевантная когнитивная нагрузка (усилия, улучшающие результат обучения).

Мотивация обучающихся – второй важный психологический компонент, который

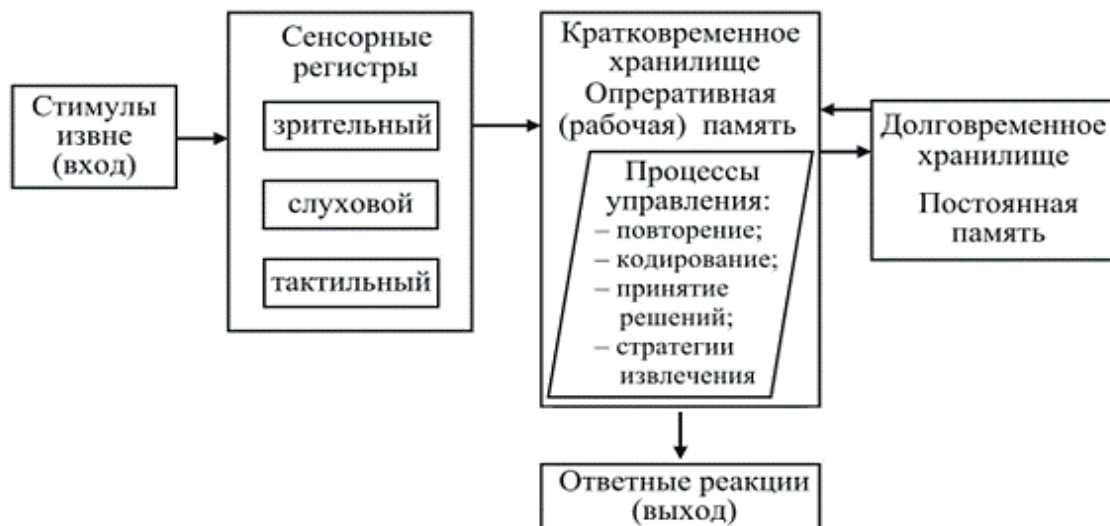

Рис. 2. Модель памяти Р. Аткинсона и Р. Шиффрина

формирует у обучающихся желание к изучению дисциплины.

Прежде всего следует дифференцировать мотивацию на внешнюю и внутреннюю. Внешняя мотивация является долгосрочной и рассчитана на достижение конечного результата. Однако ее мотивационное влияние на процесс обучения может быть достаточно ощутимым. Внутренняя мотивация обучающихся зачастую не связана с внешними обстоятельствами, она сконцентрирована непосредственно на предмет изучения [4, с. 12]. Отсюда следует, что психологические особенности обучающегося и специфика дисциплины влияют на мотивацию обучающихся и, соответственно, на методику проведения занятия с использованием учебного видео.

Рис. 3. Модель процесса обучения

Профессорско-преподавательским составом кафедры иностранных и русского языков был разработан учебный видеофильм «Базовые ситуации профессионального общения сотрудников полиции с людьми, имеющими нарушения слуха» [5], который открывает ряд уникальных возможностей для обучающихся в плане овладения не только языком, но и иной субкультурой. Учебный фильм включает в себя 2 раздела:

1 раздел – базовый словарь, помогающий и облегчающий восприятие учебных видеосюжетов на темы, обусловленные профессиональной деятельностью сотрудников полиции [6];

2 раздел содержит видеосюжеты, смоделированные с опорой на наглядный материал, который обладает большим потенциалом для выработки коммуникативной компетенции у обучающихся. Таким образом, использование видео на занятиях по русскому жестовому языку способствует освоению совокупности речевых, языковых, социокультурных норм русского жестового языка, а также компенсаторных и учебно-познавательных умений, которые позволяют обучающимся реализовать межкультурную коммуникацию и решать стоящие перед ним речевые, образовательные, познавательные и другие задачи [7]. Видеосюжеты и словарь учебного фильма достаточно короткие по продолжительности и позволяют обучаю-

щимся сосредоточиться на содержании диалогов и словарном запасе.

Одним из важных моментов в проведении занятий с видеоматериалами, как показывают наблюдения, является хронометраж образовательного видео. В статье «Использование видео на занятиях иностранного языка» Э. Р. Михайлова подчеркивает, что «видеосюжеты учебного видеофильма не должны превышать лимита в 10 минут» [8, с. 306]. По нашему мнению, нет идеальной длины видео, которая обеспечивала бы вовлечение обучающегося в учебный процесс. Видеоматериалы должны быть настолько длинными, насколько это необходимо, и настолько короткими, насколько это возможно. В таком случае, концентрация внимания обучающихся, а, следовательно, восприятие жестовой речи значительно понижается.

Одним из преимуществ применения обучающих визуальных средств является возможность повторно использовать их на разных занятиях по изучаемой дисциплине [9]. При создании или выборе видеоматериалов важно учитывать целевую аудиторию. Так, опыт преподавания дисциплины «Основы русского жестового языка» показывает, что учебный фильм «Базовые ситуации профессионального общения сотрудников полиции с людьми, имеющими нарушения слуха» является профессионально ориентированным, структурированным наглядным материалом, который представляет возможность осознать и закрепить изученный учебный материал и языковые особенности речи в конкретном контексте. Таким образом, на-

глядный материал содействует глубокому и истинному осознанию изучаемой дисциплины, влияет на активизацию внимания и памяти обучающихся, расширение кругозора, способствует формированию и совершенствованию коммуникативных навыков [10].

Третий элемент – метод активного обучения, который используется для мотивации обучающихся и творческого освоения учебного материала. Активное обучение требует от обучающегося определенных действий: интерактивности (например, диалоговый тренажер), обратной связи и ретроспективы.

Важно помнить, что просмотр видео может стать для обучающихся пассивным занятием, если не применять инструменты, помогающие им обрабатывать информацию и контролировать собственное понимание. Необходимо отметить, что интересные учебные видеосюжеты – это необязательно развлекательные элементы. Эффективность обучающего видео обусловлена тем, насколько обучающие вовлечены в учебный процесс.

Итак, можно сделать вывод, что создание образовательных видеофильмов позволяет повысить мотивацию и интенсификацию обучения. Проведение занятий с использованием видео материалов является ключевым принципом при обучении языку, в том числе и по русскому жестовому языку. Тем не менее, для извлечения пользы и эффективности от учебных видеосюжетов, не стоит забывать о трех основных составляющих: когнитивной нагрузки, элементах, влияющих на вовлеченность, и элементах, способствующих активному обучению.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Власова О. В. Использование видео для развития критического мышления на занятиях иностранного языка / О. В. Власова // Лингводидактические особенности обучения иностранным языкам в неязыковых вузах : сборник статей. Москва : Канцлер, 2018. С. 44–54.
2. Sweller J. Cognitive load theory, learning difficulty, and instructional design. *Learning and Instruction*. № 4. 1994. P. 295–312.
3. Когнитивная наука : Основы психологии познания : в 2 т. Т. 1 / Борис М. Величковский. М. : Смысл : Издательский центр «Академия», 2006. 448 с.
4. Гришко Н. Н. Использование видео на занятиях по иностранному языку как средство повышения мотивации студентов экономических вузов / Н. Н. Гришко, Е. А. Конторович // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2017. № 2 (66). С. 11–14.

5. Науразбаева Л. В. Базовые ситуации профессионального общения сотрудников полиции с людьми, имеющими нарушения слуха : учебный фильм / Л. В. Науразбаева, Е. Ю. Хорошко, Ю.М. Гусев. Москва : ДГСК МВД России, 2021.
6. Словарь русского жестового языка для сотрудников органов внутренних дел : словарь / ДГСК МВД России. Москва : ДГСК МВД России, 2020. 232 с.
7. Теория и практика русского жестового языка : учебное пособие. М. : ДГСК МВД России, 2018, 174 с.
8. Михайлова Э. Р. Использование видео на занятиях иностранного языка / Э. Р. Михайлова // Электронный научный журнал. 2016. № 12-1(15). С. 305–308.
9. Науразбаева Л. В. Особенности обучения сотрудников органов внутренних дел жестовой речи / Л. В. Науразбаева // Культура русской речи в многонациональной среде: современные проблемы общества и образования : сборник материалов Всероссийского научно-практического семинара. Уфа : Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С. 93–95.
10. Науразбаева Л. В. Особенности обучения сотрудников органов внутренних дел дактильной и жестовой речи : учебно-методическое пособие. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2018. URL: [http://www.ufali.ru/eios/ebs/Электронная библиотека/141.pdf](http://www.ufali.ru/eios/ebs/Электронная_библиотека/141.pdf) (дата обращения: 20.07.2022).

REFERENCES

1. Vlasova O. V. The use of video for the development of critical thinking in the classroom of a foreign language / O. V. Vlasova // Linguistic and didactic features of teaching foreign languages in non-linguistic universities : a collection of articles. Moscow : Chancellor, 2018. P. 44–54. (In Russ.)
2. Sweller J. Cognitive load theory, learning difficulty, and instructional design. Learning and Instruction. No. 4. 1994. P. 295–312.
3. Cognitive science: Fundamentals of the psychology of knowledge : in 2 vols. Vol. 1 / Boris M. Velichkovsky. M. : Meaning : Publishing Center “Academy”, 2006. 448 p. (In Russ.)
4. Grishko N. N. The use of video in foreign language classes as a means of increasing the motivation of students of economic universities / N. N. Grishko, E. A. Kontorovich // Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University. 2017. No. 2 (66). P. 11–14. (In Russ.)
5. Naurazbayeva L.V. Basic situations of professional communication of police officers with people with hearing impairment: educational film / L.V. Naurazbayeva, E.Yu. Khoroshko, Yu.M. Gusev. Moscow : DGSK MIA of Russia, 2021. (In Russ.)
6. Dictionary of Russian sign language for employees of the internal affairs bodies: dictionary / DGSK of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow : DGSK MIA of Russia, 2020. 232 p. (In Russ.)
7. Theory and practice of Russian sign language : textbook. M. : DGSK MIA of Russia, 2018, 174 p. (In Russ.)
8. Mikhailova E. R. The use of video in foreign language classes / E. R. Mikhailova // Electronic scientific journal. 2016. No. 12-1(15). P. 305–308. (In Russ.)
9. Naurazbaeva L. V. Features of training employees of internal affairs bodies of sign speech / L. V. Naurazbaeva // Culture of Russian speech in a multinational environment: modern problems of society and education: collection of materials of the All-Russian scientific and practical seminar. Ufa : Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2019. P. 93–95. (In Russ.)
10. Naurazbayeva L. V. Features of training employees of internal affairs bodies in dactyl and gesture speech : a teaching aid. Ufa : Ufmsky Yui MIA of Russia, 2018. URL: [http://www.ufali.ru/eios/ebs/Electronic Library/141.pdf](http://www.ufali.ru/eios/ebs/Electronic_Library/141.pdf) (date of access: 20.07.2022). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 08.07.2022; одобрена после рецензирования 02.09.2022; принята к публикации 23.09.2022.

The article was submitted 08.07.2022; approved after reviewing 02.09.2022; accepted for publication 23.09.2022.

Научная статья
УДК 811.112.2'282

**МОТИВИРОВАННОСТЬ, ЭКСПРЕССИВНОСТЬ И СТИЛИСТИЧЕСКАЯ
НЕЙТРАЛЬНОСТЬ ТЕРМИНА (НА ОСНОВЕ ТЕРМИНОЛОГИИ
ДИАЛЕКТОЛОГИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

**Инна Валерьевна Сенина¹, Наталья Юрьевна Бережных²,
Наталья Сергеевна Новолодская³**

¹ Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Иркутск, Россия, Innasenina@bk.ru

² Иркутский государственный университет путей сообщения,
Иркутск, Россия, belkova-n@yandex.ru

³ Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, indigos@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются такие свойства термина, как мотивированность, экспрессивность и стилистическая нейтральность. Целью статьи является исследование проблемы выбора языковых ресурсов для обозначения новых терминов в языке. Мотивированные термины обладают прозрачной структурой, доходчивостью, легкостью для запоминания. Однако при наличии чрезмерной образности и метафоричности существует вероятность, что этот термин останется предтермином и будет заменен на его нейтральный эквивалент. В свою очередь, стилистически нейтральные термины, особенно если они образованы на греко-латинской основе, обладают большим потенциалом для системности и деривации, что способствует в дальнейшем образованию терминологических рядов и гнезд на их основе. Материалы статьи найдут практическое применение у авторов новых терминов, переводчиков, терминологов и германистов.

Ключевые слова: термин, терминология, стиль, мотивированность, нейтральность, образность, интернациональность, диалектология, немецкий язык

Для цитирования: Сенина И. В., Бережных Н. Ю., Новолодская Н. С. Мотивированность, экспрессивность и стилистическая нейтральность термина (на основе терминологии диалектологии немецкого языка) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 141–147.

Original article

**MOTIVATION, EXPRESSIVENESS AND STYLISTIC NEUTRALITY OF THE TERM
(BASED ON THE TERMINOLOGY OF THE GERMAN DIALECTOLOGY)**

Inna V. Senina¹, Natalya J. Bereznykh², Natalya S. Novolodskaya³

¹ Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia, Innasenina@bk.ru

² Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russia, belkova-n@yandex.ru

³ East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk, Russia, indigos@mail.ru

Abstract. The article deals with such properties of the term as motivation, expressiveness, and stylistic neutrality. The purpose of the article is to study the problem of choosing language resources to designate new terms in the language. Motivated terms have a transparent structure, intelligibility, and easy to remember. However, in the presence of excessive imagery, there is a possibility that this term will remain a pre-term and will be replaced by its neutral equivalent. In turn, stylistically neutral terms, especially if they are formed on a Greco-Latin basis, have a great potential for consistency and derivation, which further contributes to the formation of terminological series and nests based on them. The materials of the article will find the practical application by the authors of new terms, translators, terminologists and Germanists.

Keywords: term, terminology, style, motivation, neutrality, imagery, internationality, dialectology, German

© Сенина И. В., Бережных Н. Ю., Новолодская Н. С., 2022

For citation: Senina I. V., Bereznykh N. J., Novolodskaya N. S. Motivation, expressiveness and stylistic neutrality of the term (based on the terminology of the German dialectology) // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 3 (97). P. 141–147.

Возникновение терминов тесно связано с развитием науки, к которой они относятся, ее методов, научных школ и отраслей. Каждое новое понятие требует обозначения, и авторы этих понятий становятся перед трудным выбором, какие именно языковые ресурсы использовать для создания этого нового термина. С момента становления терминоведения как науки термин, его свойства и функции остаются ключевыми вопросами, относительно которых ученые до сих пор не пришли к единому мнению [1, с. 168]. Терминологи уже достаточно давно разработали обширный ряд признаков или критериев термина (в некоторых научных трудах они обозначаются даже как требования к термину), среди которых выделяются однозначность, отсутствие синонимии, наличие дефиниции, точность, краткость, благозвучность, независимость от контекста, внедренность, стилистическая нейтральность, мотивированность, номинативность и др. Многие из этих свойств тесно взаимосвязаны, например, наличие дефиниции подразумевает точность, а однозначность – независимость от контекста. Сложности возникают при выборе критериев, которые могут противоречить друг другу, таких как мотивированность и стилистическая нейтральность.

Мотивированные термины создаются чаще всего на базе родного языка и обладают прозрачной структурой, благодаря которой легко определяется значение термина. По мнению многих исследователей, в идеале термин представляет собой мотивированный знак, что обусловлено его вторичностью по отношению к естественному языку. Немотивированное в общеупотребительном языке слово, став термином, приобретает языковую мотивированность. Так, А. В. Суперанская полагает, что мотивированность термина не является основополагающим критерием, но «способствует его запоминанию, облегчает связь с другими терминами,

создает его более устойчивое положение» [2, с. 130]. М. Н. Володина утверждает, что для оформления нового понятия важно выбирать мотивирующую основу, создавая при этом термины с «живой» внутренней формой и предсказуемой семантикой, которую будут осознавать носители языка [3, с. 121].

Такие термины могут вводиться в научный обиход как с дефиницией, так и без нее и часто сопровождаются словами «так называемое/ый/ое» либо употребляется в кавычках:

„Ein gewisser Stimmungsumschwung trat erst ein, als sich die Stellung des Hochdeutschen als Standardsprache aller Deutschen gefestigt hatte und man sich wieder auf Bodenständiges und (vermeintlich) Einfaches, Unverbildetes besann <...>. Die sog dialektwelle ist ein Ausdruck dafür“ («Определенный перелом в настроении наступил только тогда, когда литературный немецкий язык устоялся и внимание снова было обращено на исконное и (мнимо) простое, естественное <...>. Так называемая диалектная волна является подобным выражением» – здесь и далее перевод наш И. В., Н. Ю., Н. С.) [4, с. 14].

„Die Diskussion verschiedener Entwicklungsszenarien der deutschen Mundarten läßt sich vereinfachend in zwei konträren Auffassungen zusammenfassen, die mit den folgenden Wortpaaren markiert werden sollen: „Entdiglossierung“ bzw. „Dialektverfall“ vs. „Dialektwelle“ oder sogar „Dialektrenaissance“ («Обсуждение различных сценариев развития немецких диалектов в упрощенном виде сводится к двум противоположным точкам зрения, которые обозначаются следующими парами слов: «распад диалекта» с одной стороны и «диалектная волна» или даже «ренессанс диалекта» с другой») [5, с. 188].

Часто мотивированные термины обладают образностью и экспрессивностью, поскольку образованы на основе подобия определенных признаков с исходной мотивирующей основой. Такие термины-мета-

форы на начальном этапе своего существования также употребляются в кавычках, но если они закрепляются в употреблении, то метафора в их структуре постепенно становится стертой, и они все больше воспринимаются как стилистически нейтральные терминологические единицы, которые обозначают то или иное понятие научной области:

„Auch der jetzt feststellbare vermehrte Gebrauch regionaler Sprachformen in den Medien – besonders im Süden – ist nicht Anlass für eine neue Dialektwelle“ («Также установленное в настоящее время повышенное использование региональных форм в средствах массовой информации – особенно на юге – не является основанием для новой диалектной волны») [6, с. 2040].

Важно отметить, что процесс терминологизации таких единиц не всегда проходит быстро, и это позволяет отнести мотивированные метафоричные термины на начальных этапах существования к разряду предтерминов, что, в свою очередь, также подтверждается их выделением в тексте с помощью кавычек или другими методами. По мере того, как «стирается» образность лексической единицы, она становится все более «терминологичной» и стилистически нейтральной.

Вопрос выбора лексических средств для создания нового термина стоит не только перед автором этого термина, но и перед учеными других стран, а также переводчиками в случае, если в языке-реципиенте отсутствует обозначение для данного понятия. Если при переводе используется калькирование, то мотивированность термина сохраняется, поскольку терминологические элементы обоих языков обладают соотносительностью с одной и той же или подобной мотивирующей основой, обладающей схожими признаками: *mundartreich* (богатый диалектом), *Inseldialekt* (островной диалект), *Dialektkette* (цепь диалектов), *Schwestermundart* (родственный диалект). Если переводчик применяет транскрипцию, транслитерацию или оставляет термин в исходном варианте, не меняя его формы, то терминосистема большей частью полу-

чает стилистически нейтральный термин, лишенный дополнительных коннотаций и ассоциаций. Иногда на основе таких терминов образуются термины-гибриды, которые состоят из заимствованного и исконного элементов: *Low-Varietät / L-Varietät* (от англ. *low-variety* – языковая разновидность с низким уровнем престижа), *High-Varietät / H-Varietät* (от англ. *high-variety* – языковая разновидность с высоким уровнем престижа).

В рамках когнитивного подхода используется понятие «термины-экспрессивы», которые представляют собой результат метафорического терминообразования, а экспрессивность терминов является системным явлением в современных терминологиях, поскольку «отвечает потребностям уточнения информации в специальной коммуникации и способствует интуитивному восприятию профессионального знания» [7, с. 226]. Сторонники данной точки зрения рассматривают термины-экспрессивы в качестве формы с более сложным когнитивным содержанием, которая при терминологической номинации фокусируется не только на существенных, ядерных признаках, выражающих профессиональное знание, но и отображает периферийные признаки понятия.

Вопрос о наличии или отсутствии коннотаций у термина представляется одним из самых спорных в терминоведении. Большинство исследователей придерживаются мнения, что термины должны быть лишены коннотаций. Так, В. П. Даниленко отмечает, что в составе языка науки термины лишены образного употребления, а «образностью они могут обраться только попав в иную стихию, например, в язык художественной литературы, в публицистику и т. п.» [8, с. 59]. А. А. Реформатский считает, что «хорошие» термины должны быть отделены от экспрессивности [9, с. 116].

Представляется оправданным мнение, что мотивированность действительно не всегда бывает надежным ориентиром для толкования термина. Большинство терминов являются нейтральными и немотивированными, а закрепленное в терминологии

научное понятие не нуждается в раскрытии его содержания.

Мотивированные термины, несомненно, обладают своими преимуществами: доходчивость, меткость, прозрачная семантика, легкость запоминания. Использование исконных компонентов при образовании новых терминов свидетельствует о жизнестойкости национальной культуры и науки. Однако, выбирая мотивированную основу для создания нового термина, автор должен сознавать, что этот вариант может остаться случайным образованием, предтермином и довольно быстро смениться на более удобный нейтральный эквивалент. Если мотивированный термин будет обладать метафоричностью и дополнительными коннотациями, то процесс его терминологизации может занять много времени, и его статус термина будет спорным.

Стилистически нейтральные термины, особенно если они образованы на интернациональной или греко-латинской основе, обладают рядом преимуществ перед мотивированными терминами. Во-первых, они соответствуют общему нейтральному стилю науки и научных текстов и не вызывают лишних ассоциаций, которые в некоторых ситуациях препятствуют их точному пониманию и, соответственно, эффективной коммуникации специалистов. Во-вторых, они будут общедоступны и универсальны для научного сообщества, каким и должно быть научное знание. В-третьих, они обладают большей деривационной и системной способностью, а соответственно, возможностью образовывать в дальнейшем терминологические ряды и терминологические гнезда [10, с. 120]. Например, мотивированный термин „Dialektlinie“ употребляется в немецкой диалектологии синонимично своему нейтральному эквиваленту „Isoglosse“ (от греч. ἴσος (isos) = gleich и γλῶσσα (glōssa) = Sprache), однако второй вариант стал основой для образования большого количества других терминов, в первую очередь благодаря своим системным и деривационным свойствам:

- Isoglossenbündel – пучок изоглосс;
- Isoglossencluster – пучок изоглосс;

- Isoglossensystem – система изоглосс;
- Isoglossenstruktur – структура изоглосс;
- Isoglossenverschiebung – передвижение изоглосс;
- Isoglossenvergleich – сравнение изоглосс;
- Grenzisoglosse – пограничная изоглосса и др.

В научной литературе по немецкой диалектологии встречается также прилагательное isoglossisch:

„Von Anfang überraschte der Befund, dass sich verschiedene Namenlandschaften isoglossisch scharf voneinander abgrenzen« («С самого начала поразило открытие, что разные области распространения имен очень отличаются друг от друга изоглоссами») [11, с. 156].

Стоит особо подчеркнуть, что мотивированность и стилистическая нейтральность являются лишь крайними полюсами одной оси, в которой есть и другие формы существования терминов. Так, с точки зрения формы вслед за В. М. Лейчиком мы подразделяем термины на:

- 1) полностью мотивированные (dialektsprecher – носитель диалекта);
- 2) частично мотивированные / слабомотивированные (dialektaler stufenleiter – диалектная шкала);
- 3) немотивированные (dialektkonvergenz – диалектная конвергенция);
- 4) ложномотивированные (dialektideal – диалектный идеал) [12, с. 40].

Согласно этой шкале каждый термин может обладать определенным объемом мотивированности и стилистической нейтральности. Более того, в процессе внедрения в научный обиход термин будет приближаться к полюсу «стилистическая нейтральность». Примером подобного «передвижения» может служить термин „Hochdeutsch“, который первоначально являлся мотивированным и обозначал «верхненемецкий диалект» (по аналогии „Niederdeutsch“ – «нижненемецкий диалект»). Позже за средневерхненемецким диалектом происходит закрепление статуса придворного языка (höfische Mundart) и впоследствии – языка класси-

ческой литературы [13, с. 29]. В настоящее время наблюдается общая тенденция в употреблении термина „Hochdeutsch“ в значении «литературный немецкий язык» синонимично „Standarddeutsch“ или „Standard“:

„Gemeint ist mit Schweizerdeutsch der Dialekt, nicht das Schweizer Hochdeutsch (Standarddeutsch)» («Под термином „Schweizerdeutsch“ подразумевается диалект, а не литературный язык швейцарского варианта немецкого языка» [14, с. 220].

В отдельных случаях «остаточная мотивация» прослеживается, что позволяет нам отнести термин „Hochdeutsch“ на современном этапе своего развития к частично мотивированным:

„Die hochdeutsche Standardsprache verfügt über eine voll ausgebaute Indikativ-Konjunktiv-Unterscheidung“ («В литературном немецком языке изъявительное наклонение очень отличается от сослагательного») [15, с. 51].

Еще одним примером нивелирования прозрачной семантики мотивированной основы является термин „Platt“ („Plattdeutsch“). Данное понятие изначально употреблялось для географического обозначения северо-немецкого плоскогорья, позднее значение было перенесено на речь жителей сельской местности, а в конце XIX в. „Platt“ стал применяться в качестве синонима „Dialekt“ [16, с. 16].

Как следует из примеров, граница между мотивированностью и немотивированностью не является четкой. По мере развития семантического объема понятия, для обозначения которого изначально была выбрана мотивирующая основа, наблюдается сниже-

ние его мотивированности. В крайних случаях такое «передвижение» может привести к полной потере связи с первоначальным значением и переходом термина в разряд ложномотивированных. Если переводчик встречает такие термины, необходимо в первую очередь обратить внимание на время публикации материала и отследить значение понятия в диахронии.

Позиция относительного того, какую основу предпочтительно использовать для создания нового термина, не является однозначной. С одной стороны, мотивированные термины не требуют дефиниции, поскольку значение термина сводится к сумме составляющих терминологических элементов. С другой стороны, общая тенденция к интернационализации терминологии доказывает приоритетность универсального научного знания (как и универсальных научных терминов) по сравнению с доступностью понимания терминологической единицы в рамках определенного языка. Наличие образности допускается лишь на начальных этапах становления терминологической единицы. В этом случае экспрессивность термина обратно пропорциональна его «терминологичности». Излишняя коннотация затрудняет эффективную коммуникацию специалистов, препятствует закреплению за новым словом статуса термина, а иногда служит причиной его замены более нейтральным вариантом (в частности, образованным на базе интернациональных терминологических элементов). Стилистическая нейтральность является тем признаком, которым должен обладать «зрелый» термин.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Блем И. В. Становление лингвистического терминоведения // И. В. Блем, В. Б. Меркурьева / Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 7 (90). С. 166–170.
2. Суперанская А. В. Общая терминология. Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 248 с.
3. Володина М. Н. Специфика терминологической номинации / М. Н. Володина // История отечественного терминоведения: в 3 т. Т. 3. Аспекты и отрасли терминологических исследований (1973–1993) : хрестоматия; под ред. А. В. Татарина. М. : Московский Лицей, 2003. С. 119–122.
4. Stellmacher D. Wer spricht Platt?: zur Lage des Niederdeutschen heute : eine kurzgefasste Bestandsaufnahme / D. Stellmacher – Leer : Schuster, 1987. 108 P.

5. Krause. A. Zur Akzeptanz von mundartlichen Elementen in Gaststätten-Namen / A. Krause, J. Sternkopf // Dialektologie zwischen Tradition und Neuansätzen : Beiträge der internationalen Dialektologentagung, Göttingen, 19.–21. Oktober 1998; hrsg von D. Stellmacher. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2000. P. 188–200.
6. Löffler H. Die Rolle der Dialekte seit der Mitte des 20. Jahrhunderts / H. Löffler // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. Berlin, New York : Walter de Gruyter, 2000. P. 2037–2047.
7. Киселева С. В. Когнитивные аспекты исследования терминологии на современном этапе (на материале английской экономической терминологии) / С. В. Киселева, Т. С. Росянова // Универсальное и культурно-специфичное в языках и литературах : сборник материалов 3-й международной научной конференции. Курганский государственный университет, 2016. С. 224–229.
8. Даниленко В. П. Русская терминология / В. П. Даниленко. М. : Издательство «Наука», 1977. 246 с.
9. Реформатский А. А. Терминология // Введение в языковедение : учебник для вузов / А. А. Реформатский; под ред. В.А. Виноградова. М. : Аспект Пресс, 2002. С. 115–126.
10. Сенина И. В. Аффикация как вид терминообразования на основе компонентов Dialekt/Mundart / И. В. Сенина, С. Ю. Позднякова // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2021. № 1. С. 118–131. DOI 10.51955/2312-1327_2021_1_118.
11. Nübling D. Spezifika niederdeutscher Familiennamen – Peculiarities of Low German Surnames: Ein Streifzug durch den „Deutschen Familiennamenatlas“ (DFA) / D. Nübling // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. Bd. 86, Heft 2. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2019. P. 155–173. DOI 10.25162/ZDL-2019-0005.
12. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. 3-е изд. М. : Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.
13. Сенина И. В. Лингвистическая терминология в контексте становления и развития диалектологии немецкого языка / И. В. Сенина, В. Б. Меркурьева. Иркутск : Издательство ИГУ, 2020.
14. Ammon U. Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt / U. Ammon. Berlin, München, Boston : Walter de Gruyter, 2015. 1295 p.
15. Weber T. Modus im Niederdeutschen / T. Weber, S. Pröll // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. Bd. 86, Heft 1. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2019. P. 51–86. DOI 10.25162/ZDL-2019-0002.
16. Меркурьева В. Б. Диалект и литературный язык в немецкоязычных драмах (отношения комплементарности и изоморфизма). Иркутск : издательство ИГЛУ, 2004. 346 с.

REFERENCES

1. Blem I. V. Formation of linguistic terminology // I. V. Blem, V. B. Merkurieva / Bulletin of the Irkutsk State Technical University. 2014. No. 7 (90). P. 166–170. (In Russ.)
2. Superanskaya A. V. General terminology. Questions of theory / A. V. Superanskaya, N. V. Podolskaya, N. V. Vasilyeva. M. : Book house “LIBROKOM”, 2012. 248 p. (In Russ.)
3. Volodina M. N. Specifics of terminological nomination / M. N. Volodina // History of domestic terminology: in 3 volumes. V. 3. Aspects and branches of terminological research (1973–1993): reader; ed. A. V. Tatarinova. M. : Moscow Lyceum, 2003. P. 119–122. (In Russ.)
4. Stellmacher D. Wer spricht Platt?: zur Lage des Niederdeutschen heute : eine kurzgefasste Bestandsaufnahme / D. Stellmacher – Leer : Schuster, 1987. 108 p.
5. Krause. A. Zur Akzeptanz von mundartlichen Elementen in Gaststätten-Namen / A. Krause, J. Sternkopf // Dialektologie zwischen Tradition und Neuansätzen : Beiträge der internationalen Dialektologentagung, Göttingen, 19.–21. October 1998; hrsg von D. Stellmacher. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2000. P. 188–200.
6. Löffler H. Die Rolle der Dialekte seit der Mitte des 20. Jahrhunderts / H. Löffler // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. Berlin, New York : Walter de Gruyter, 2000. P. 2037–2047.
7. Kiseleva S. V. Cognitive aspects of the study of terminology at the present stage (based on English economic terminology) / S. V. Kiseleva, T. S. Rosyanova // Universal and culturally specific in languages and literatures : collection of materials 3rd international scientific conference. Kurgan State University, 2016. P. 224–229. (In Russ.)
8. Danilenko V. P. Russian terminology / V. P. Danilenko. M. : Nauka Publishing House, 1977. 246 p. (In Russ.)

9. Reformatsky A. A. Terminology // Introduction to linguistics: a textbook for universities / A. A. Reformatsky; ed. V. A. Vinogradov. M. : Aspect Press, 2002. P. 115–126. (In Russ.)
10. Senina I. V. Affixation as a type of term formation based on Dialekt/Mundart components / I. V. Senina, S. Yu. Pozdnyakova // Crede Experto: transport, society, education, language. 2021. No. 1. P. 118–131. DOI 10.51955/2312-1327_2021_1_118. (In Russ.)
11. Nübling D. Spezifika niederdeutscher Familiennamen – Peculiarities of Low German Surnames : Ein Streifzug durch den „Deutschen Familiennamenatlas“ (DFA) / D. Nübling // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. bd. 86, Heft 2. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2019. P. 155–173. DOI 10.25162/ZDL-2019-0005.
12. Leichik V. M. Terminology: subject, methods, structure. 3rd ed. M. : LKI Publishing House, 2007. 256 p. (In Russ.)
13. Senina I. V. Linguistic terminology in the context of the formation and development of dialectology of the German language / I. V. Senina, V. B. Merkurieva. Irkutsk : IGU Publishing House, 2020. (In Russ.)
14. Ammon U. Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt / U. Ammon. Berlin, München, Boston : Walter de Gruyter, 2015. 1295 p.
15. Weber T. Modus im Niederdeutschen / T. Weber, S. Pröll // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. bd. 86, Heft 1. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2019. P. 51–86. DOI 10.25162/ZDL-2019-0002.
16. Merkuryeva V. B. Dialect and literary language in German-language dramas (relationships of complementarity and isomorphism). Irkutsk : IGLU publishing house, 2004. 346 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

Сенина И. В., кандидат филологических наук;
Бережных Н. Ю., кандидат филологических наук;
Новолодская Н. С., без ученой степени.

Information about the authors:

Senina I. V., Candidate of Philology;
Berezhnykh N. J., Candidate of Philology;
Novolodskaya N. S., no academic degree.

Статья поступила в редакцию 30.02.2022; одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 23.09.2022.

The article was submitted 30.02.2022; approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 23.09.2022.

Научная статья
УДК 37.013:004.77

**АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ
О КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАХ ЦИФРОВОЙ ПЕДАГОГИКИ**

Леонид Трофимович Бородавко¹, Сергей Юрьевич Чимаров²
^{1,2} Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия
¹ serg120756@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные аспекты адаптации области педагогической деятельности к достижениям современного информационного общества, диктующего объективный ход трансформации педагогики в ее дигитальное внешнее выражение и наполнение педагогического процесса соответствующим цифровым контентом. Акцентируя внимание на отдельных концептуальных установлениях теоретических положений коннективизма и конструктивизма, а также личностно-ориентированной стороне цифровой педагогики, авторы наиболее подробно останавливаются на шести ее областях: профессиональное участие; цифровые ресурсы; преподавание и обучение; оценка; расширенное обучение; содействие цифровым компетенциям. Наряду с отмеченным в статье проводится уточнение педагогического потенциала технологического инструментария для преподавательского состава. Вместе с тем центральной идеей статьи является обращение внимания на нецелесообразность чрезмерного увлечения обилием технологических решений в ущерб подлинному смыслу педагогики, заключающемуся в приоритете процесса передачи обучаемым необходимых знаний и навыков, в котором конкретные средства и технологические новации являются вторичными по отношению к миссии педагогического диалога между различными сторонами педагогического взаимодействия.

Ключевые слова: образование, цифровая педагогика, цифровая компетенция, социальная сеть, онлайн-доступ, педагогический инструментарий

Для цитирования: Бородавко Л. Т., Чимаров С. Ю. Анализ современных научных положений о концептуальных основах цифровой педагогики // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 148–155.

Original article

**ANALYSIS OF MODERN SCIENTIFIC PROVISIONS ON THE CONCEPTUAL
FOUNDATIONS OF DIGITAL PEDAGOGY**

Lionid T. Borodavko¹, Sergey Yu. Chimarov²
^{1,2} St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia
¹ serg120756@gmail.com

Abstract. The article discusses the topical aspects of adapting the field of pedagogical activity to the achievements of the modern information society, which dictates the objective course of the transformation of pedagogy into its digital external expression and filling the pedagogical process with appropriate digital content. Focusing on individual conceptual establishments of the theoretical provisions of connectivism and constructivism, as well as the personality-oriented side of digital pedagogy, the authors dwell in most detail on six of its areas: professional participation; digital resources; teaching and learning; grade; advanced training; promotion of digital competencies. Along with the above, the article clarifies the pedagogical potential of technological tools for the teaching staff. At the same time, the central idea of the article is to draw attention

© Бородавко Л. Т., Чимаров С. Ю., 2022

to the inexpediency of excessive enthusiasm for a clip of technological solutions to the detriment of the true meaning of pedagogy, which consists in the priority of the process of transferring the necessary knowledge and skills to students, in which specific means and technological innovations are secondary to the true mission of pedagogical dialogue. between different sides of pedagogical interaction.

Keywords: education, digital pedagogy, digital competence, social network, online access, pedagogical tools

For citation: Borodavko L. T., Chimarov S. Yu. Analysis of modern scientific provisions on the conceptual foundations of digital pedagogy // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 3 (97). P. 148–155.

Фактор функционирования современного социума в парадигме информационного общества XXI в. predetermined порождение сущностных изменений в различных областях деятельности человека. Обозначенное в полной мере относится к предметному полю педагогики, ее содержанию и цифровому «обрамлению», внешне выраженному многообразием лексических конструкций. Выявляя устойчивую связь между потребностями общества и утверждением в его укладе цифровой экономики, отдельные исследователи апеллируют к целесообразности «вооружения» обучаемых как субъектов педагогического процесса новыми компетенциями, приобретение которых сопряжено с форсированным развитием «цифровой грамотности», «цифрового образования», «цифровой дидактики» и т. п., а также осознанием каждым индивидом последствий «цифрового следа» и «цифровой тени» [1, с. 1], в том числе и возможных рисков в условиях организации процесса обучения на платформах искусственного интеллекта. Как нам представляется, отмеченные понятия однозначно укладываются в формат «цифровой педагогики» и ее разновидности в виде «сетевой педагогики», при обращении последней к «онлайн»-схеме социального взаимодействия.

По мнению представителей американской педагогической науки (Д. Р. Фрост, М. К. Голд и К. Д. Харрис), под «цифровой педагогией» следует понимать обширную область педагогической деятельности, основанной на применении ареала цифрового инструментария, соответствующих платформ и методик, которые способствуют адаптации: во-первых, академической практики к процессу формирования цифровых экосистем;

во-вторых, самих обучаемых к реалиям глобального сетевого мира» [2, с. 2]. Данный вывод соответствует теории коннективизма (англ. «Connectivity Theory» – теория связности) и одному из ключевых его принципов, в соответствии с которым «обучение сводится к процессу формирования сети подключения специализированных узлов и источников информации [3, с. 62]. Наряду с отмеченным коннективизм предполагает учет нашего текущего технологического потенциала и восприятие процесса познания как следствие связи с цифровыми информационными и образовательными ресурсами. Кроме того, коннективизм воспринимается некоторыми специалистами как расширение существующих дидактических концепций с учетом: во-первых, личностного роста в условиях функционирования масштабной онлайн-среды, оперативного доступа к желаемой информации, а также укрепления возможности имитации как одной из сильных сторон онлайн-среды; во-вторых, возможности установления связи с кем-либо, а значит произвольного наполнения сетевого пространства не только нашими учениками, но и иными индивидами самого разного толка; в-третьих, неограниченных возможностей искусственного интеллекта, в том числе связанных с ним рисков [4, с. 13].

Исходя из установок теории коннективизма как теории связности, цифровая педагогика предъявляет высокий уровень требований к личности современного педагога, который по определению призван владеть компетенциями онлайн-доступа к ведущим коллегам в предметной области своей педагогической и научной деятельности с целью приобщения к накопленному ими опыту. Указанное требование наиболее обстоятель-

но представлено в концепции американского ученого Э. Хиппеля, именуемой «Технологическая инновация» и основанной на теории диффузии инноваций Э. Роджерса. Как следует из содержания данной концепции, в каждой сфере деятельности существуют так называемые «ведущие пользователи», миссия которых заключается в инициировании инновационных решений, ведущих к значительным изменениям в конкретной области [5]. Руководствуясь указанным положением концепции Э. Хиппеля, мы констатируем существенное расширение спектра возможностей педагогических и научных работников по облегченному онлайн-доступу к опыту и достижениям своих коллег, при условии освоения указанной категорией работников инструментария цифровой педагогики и новых технологий своего взаимодействия с сетевым миром.

Содействуя поддержанию комфортной обстановки для доступа индивидов к платформам цифровой педагогики и дидактическому потенциалу сети Интернет, цифровая педагогика предполагает реализацию сетевого обучения в вариациях совместного и персонального доступа обучаемых к знаниям, корреспондирующим процессу приобретения ими необходимых навыков и умений. Данная модель практического воплощения указанного способа обучения базируется на дистанционных технологиях и предполагает вовлечение участников образовательного процесса в систему координат единой виртуальной среды [6, с. 198]. По нашему мнению, непременным условием включения в образовательный процесс техник и технологий дистанционного способа решения дидактических задач является его тождественность контактному способу общения педагога и обучаемых.

Воспринимая современные тенденции развития педагогики как философии образования и науки, а также их ориентацию на восприятие сетевого потенциала эпохи тотальной дигитализации общества и возросшую роль «новых медиа» в виде социальных сетей, некоторые ученые вводят в научный оборот дефиницию «социально-сетевая пе-

дагогика». Следует отметить, что указанное понятие означает междисциплинарный подход, основанный на решении актуальных вопросов обучения с учетом действующей парадигмы взаимодействия в социальных сетях, которые целесообразно воспринимать в качестве «контейнеров коммуникационных практик» [7, с. 137].

Общая характеристика концептуальных основ современной модели цифровой педагогики представлена в работе финских ученых Й. Х. Вяята и Х. Руокамо [8], акцентирующих внимание на факторе возросшего интереса к практике цифровой педагогики и необходимости обращения к дистанционному обучению с использованием цифровых платформ в условиях глобальной пандемии COVID-19. Как следует из выводов отмеченных специалистов, сформулированных ими на основе проведенного анализа массива научных публикаций с 2014 по 2019 гг., модель цифровой педагогики необходимо рассматривать с позиции трех измерений: 1) педагогическая ориентация; 2) педагогические практики; 3) цифровые педагогические компетенции, предоставляемые педагогу. При этом результирующий вектор педагогической направленности в ее цифровом выражении маркируется в двух ипостасях: социально-конструктивистском и личностно-ориентированном, что корреспондирует логике размышлений Л. С. Выготского относительно взаимообусловленности внешнего варианта деятельности с ее внешним планом и действия фактора «включенности инструментальной структуры деятельности человека в систему взаимоотношений с другими людьми» [9, с. 198–199].

Мы считаем, что социально-конструктивистская сторона цифровой педагогики ориентирована на приобщение к процессу социо-психологического моделирования цифровой личности индивида, объективно вовлеченного в мир виртуальных идей и наделенного возможностью в целях своей цифровой социализации постигать существующий миропорядок и получать новый объем знаний с использованием технологий, основанных на достижениях информа-

ционного общества. Следует заметить, что конструктивизм как базовая дидактическая теория, основы которой были разработаны в работах Ж. Пиаже и Л. С. Выготского, исходит из возможности участия всех в процессе формирования (конструирования) знания для каждого конкретного случая. При этом конечная цель конструктивно проводимого обучения заключается в активном вовлечении обучаемых в педагогический процесс, и как следствие, в определении единственно возможного пути к высшим формам мышления.

Как следует из анализа концепции конструктивизма в ее «преломлении» к цифровой педагогике, который провел чешский ученый Б. Брдишка, конструктивистски ориентированная «новая педагогика» (в ее цифровом значении) свидетельствует о возникновении так называемой гибридной педагогики, сочетающей комбинированные формы обучения, новые онлайн-формы оценки знаний обучаемых и подтверждающей возросшее значение самостоятельного онлайн-образования в неформальной среде цифрового измерения [10, с. 12].

Целеполагание личностно-ориентированного аспекта цифровой педагогики аккумулирует: во-первых, стремление педагога к формированию у обучаемых целостной личности человека, сочетающей реалии окружающего его мира с системой дигитальных отношений, обращенной не только к ситуации межличностной коммуникации, но и к условиям функционирования цифрового пространства сети Интернет, которая «усиливает малые усилия многих за счет мощных усилий некоторых» [11, с. 54]; во-вторых, усилия обучаемых по овладению инструментарием познания цифровой действительности через каналы инфосферы, а также адаптацию к проявлению эвентуальных угроз и вызовов информационного общества. Таким образом, представляется оправданным утверждение о наступлении симбиоза между личностными качествами человека и степенью его погружения в область цифровых отношений, что несомненно закрепляет значимость развития нового

направления педагогической науки. Указанный нами тезис подтверждается отдельными исследованиями «функционального симбиоза» человека и глобальной информационной сети, обусловленного обстоятельством того, что «техника и технология запускают процесс формирования новых моделей социальной организации» [12, с. 95]. Отмеченное суждение свидетельствует о целесообразности специального рассмотрения ряда компетенций, присущих педагогу цифрового мира, а также его способности к адекватной постановке педагогических задач в цифровой среде личностно-ориентированного обучения [13].

Потребность в овладении педагогических работников компетенциями цифрового обмена несомненна и наглядным образом представлена в проекте, именуемом «Европейская структура цифровой компетенции педагогов» (англ. «Digital Competence of Educators» – «DigCompEdu») [13]. Отмеченный проект разработан в целях установления эталонной базы цифровых компетенций преподавателей, а соответствующие «метафоре рецепта» (англ. «the recipe metaphor») его основные положения являются общей системой отсчета для разработки последующих проектов, ориентированных на дальнейшее развитие цифровой педагогики, и рекомендованы к использованию в шести областях:

1. Профессиональное участие: цифровая компетентность педагогов выражается в их способности использовать инновационные цифровые технологии не только для совершенствования процесса преподавания, но и для своего профессионального взаимодействия с коллегами, учащимися, другими заинтересованными сторонами, для их индивидуального профессионального развития и ради обеспечения коллективного блага.

2. Цифровые ресурсы: в распоряжение педагогического сообщества в настоящее время предоставлено большое число цифровых (образовательных) ресурсов, которые потенциально могут быть использованы для обучения. В этой связи особо проявляется роль следующих компетенций: 1) эффектив-

ная идентификация тех ресурсов, которые наилучшим образом соответствуют целям обучения, группе обучаемых и стилю преподавания; 2) структурирование массива учебного материала, установление его связи с другим материалом и необходимости модификации с использованием соответствующих цифровых ресурсов; 3) ответственное использование и управление цифровым контентом; 4) соблюдение правил авторского права при использовании, изменении и совместном использовании цифровых ресурсов; 5) защита контента и данных конфиденциального содержания, включая итоги цифровых экзаменов и оценок обучаемых.

3. Преподавание и обучение: исходя из педагогической стратегии или подхода к организации учебного процесса, цифровая компетентность педагога заключается в эффективном управлении использованием цифровых технологий на различных этапах и в различных условиях учебного процесса. При этом фундаментальная компетенция в области обучения должна коррелировать замыслу различных этапов процесса обучения: разработка, планирование и внедрение использования необходимых цифровых технологий.

4. Оценка: указанная область характеризуется наличием препятствий или «узких мест» на пути к инновациям в образовании. В этой связи при интеграции цифровых технологий в педагогический процесс следует учитывать реальные возможности цифровых технологий, с точки зрения оптимизации существующих стратегий оценивания. В то же время цифровые технологии способствуют проведению непосредственного мониторинга успеваемости обучаемых, облегчению обратной связи и предоставлению педагогам возможности оценивать и адаптировать применяемые ими стратегии обучения.

5. Расширенное обучение: одной из ключевых сильных сторон цифровых технологий в образовании является их потенциал для поддержки ориентированных на учащихся педагогических стратегий и стимулирования активного вовлечения учащихся в процесс обучения и их ответственности за

него. Таким образом, цифровые технологии могут быть использованы для содействия активному участию обучаемых, например при: 1) изучении темы; 2) экспериментировании с различными вариантами или решениями; 3) понимании взаимосвязей; 4) поиске творческих решений или создании артефакта и размышления над ним. Кроме того, цифровые технологии могут способствовать дифференциации в учебной аудитории и персонализированному обучению посредством предоставления учебных мероприятий, адаптированных к уровню компетентности, интересам и потребностям каждого отдельного обучаемого. Вместе с тем важно проявлять заботу в отношении недопущения цифрового неравенства обучаемых по причине разного уровня их доступа к цифровым технологиям или их разных цифровых навыков.

6. Содействие цифровым компетенциям обучаемых: цифровая компетентность является одной из сквозных компетенций, которые педагоги должны прививать обучаемым. В свою очередь, параметры цифровой компетентности учащихся представлены в «Европейской структуре цифровых компетенций для граждан» (англ. «DigComp»).

Определяя педагогический потенциал технологического «инструментария для преподавателей» (англ. «the Toolkit for Educators»), проект «DigCompEdu» предписывает следующие рекомендации по использованию программного обеспечения и приложений (англ. «Software / App»):

1. Twitter (обмен мгновенными сообщениями для создания сетей пользователей, которые могут регулярно общаться с помощью коротких сообщений или «твитов»): отслеживание # (хэштега) по соответствующей теме исследования (в группах или индивидуально) и анализ его направленности. Обсуждение первоисточника (например, ретвитов) и его достоверности.

2. Skype (бесплатные голосовые и видеозвонки через сеть Интернет между абонентами): получение практики по иностранному языку.

3. Zoom (интернет-голосовые и видеозвонки между абонентами, с возможно-

стью их записи): предоставление обучаемым решения ситуационных задач (например, поручение обучаемым разыграть собеседование при приеме на работу; поддержание панели интервью в одном или нескольких местах; запись беседы и ее обсуждения, с точки зрения установления потенциальных претендентов на вакантное место).

4. Youtube (бесплатный веб-сайт для обмена видео): видеозапись ситуационной задачи (практического задания) и отправление частной ссылкой на YouTube для домашней практики / упражнений с обратной связью / чтобы наверстать упущенное.

5. Whatsapp (бесплатное приложение для голосовых/видеозвонков и отправки текстов, документов/изображений и других медиафайлов по защищенной сети): создание закрытой команды для обмена идеями.

6. Moodle (обучающая платформа, предназначенная для создания персонализированной среды обучения): передача упражнения для «заполнения пробелов», которое обучаемые должны выполнить в Moodle.

7. Microsoft Powerpoint (программный пакет для создания электронных презентаций): визуальное рассмотрение заданий, проектов и др. с последующим их обсуждением.

8. Google drive/Dropbox/onedrive/icloud (бесплатное облачное хранилище): создание онлайн-портфолио работ, которые могут добавляться/редактироваться обучаемыми и педагогом в режиме реального времени. Наряду с отмеченным инструментарием, проект «DigCompEdu» содержит рекомендации по использованию в педагогическом процессе следующих технологических решений: 1) документы и таблицы Google (бесплатное веб-приложение, в котором документы и электронные таблицы можно создавать, редактировать и хранить в сети Интернет); 2) формы Google (бесплатное веб-приложение, в котором можно создавать, редактировать и хранить формы в сети Интернет); 3) Evernote (бесплатное приложение, позволяющее упорядочивать заметки участников педагогического процесса); 4) Microsoft Word и Publisher (программное обеспечение

для создания электронных листовок/плакатов и др.); 5) Prezi (бесплатный онлайн-инструмент для создания электронных презентаций); 6) iMovie (бесплатное приложение для редактирования видео для устройств Apple); 7) Movie maker (программный пакет для создания и редактирования видео); 8) Kahoot (бесплатное приложение для создания викторин); 9) Powtoon (программное обеспечение для создания анимированных видеороликов); 10) Mentimeter (онлайн-инструмент для создания презентаций с голосованием, опросами, облаками слов, вопросами с несколькими вариантами ответов, викторинами); 11) Pinterest (веб-сайт, на котором обучаемые и педагоги могут прикреплять изображения и идеи в одном месте, например, на доске объявлений); 12) Audacity (бесплатное программное обеспечение для многодорожечного аудиоредактора и записи); 13) Canva (бесплатный онлайн-инструмент для создания электронных листовок/плакатов и др.); 14) Padlet (бесплатная онлайн-доска объявлений, которую можно использовать для отображения информации по любой теме); 15) Slideshare (служба онлайн-обмена профессиональным контентом, включая презентации, инфографику, документы и видео); 16) Camtasia (программное обеспечение для создания видеуроков/презентаций с помощью скринкастов/плагинов).

Подводя итог изложенному, мы приходим к следующим выводам:

1. Потребности цифровой педагогики предопределяют смещение акцента от ставшего уже традиционным фактора применения инструментов и навыков информационно-коммуникативных технологий к режиму работы всех субъектов педагогического процесса в системе координат цифрового мира, с учетом особенностей формирования цифровой личности как самих педагогов, так и обучаемых.

2. Несмотря на дискуссионность вопроса относительно точного определения цифровой педагогики, ясно одно: цифровая педагогика является достаточно новым понятием, а сама ее дефиниция в широком смысле

заклучает в себе активизацию использования комплекса электронных элементов на современных цифровых платформах в целях совершенствования и даже трансформации накопленного опыта обучения.

3. Цифровая парадигма организации педагогического процесса должна быть по-прежнему ориентирована на слово «пе-

дагогика» и прямо обращена в первую очередь к процессу передачи обучаемым знаний и навыков, в котором конкретные средства и технологические решения являются производными от подлинно педагогического смысла коммуникации между различными субъектами педагогического взаимодействия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Toktarova V. I., Semenova D. A. Digital pedagogy : analysis, requirements and experience of implementation // Journal of Physics : Conference Series. 2020. Article Number 1691. P. 1–6.
2. Frost D. R., Gold M. K., Harris K. D. Curating Digital Pedagogy in the Humanities // Digital Pedagogy in the Humanities: Concepts, Models, and Experiments. New York : City University of New York (CUNY), 2020. P. 1–61.
3. Воронкин А. С. Философия психолого-дидактических концепций обучения в информационном обществе // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2012. № 2 (4). С. 55–65.
4. Bořivoj V. Analýza počátečního stavu realizace dílčího úkolu vládou sledované Strategie digitálního vzdělávání. Praha : PPUČ, 2017. 22 p.
5. Hippel E. Democratizing Innovation. Cambridge, Massachusetts : The MIT Press, 2005. 205 p.
6. Соколова А. С. Сетевое и дистанционное обучение в современной России: различие понятий // Грамота. 2016. № 5(67). С. 197–199.
7. Де Мартино М., Коваленко С. А., Ткач Г. Ф., Изидори Э. Образование в условиях развития социальных сетей: между сплоченностью и критической социальной философией новых медиа // Вестник РУДН. Серия : Социология. 2022. Т. 22. № 1. С. 137–149
8. Väättäjä J.H., Ruokamo H. Conceptualizing dimensions and a model for digital pedagogy // Journal of Pacific Rim Psychology Volume. 2021. Volume 15. P. 1–12.
9. Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. М. : Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1960. 500 с.
10. Bořivoj V. Analýza počátečního stavu realizace dílčího úkolu vládou sledované Strategie digitálního vzdělávání. Praha : PPUČ, 2017. 22 p.
11. Сименс Дж. Коннективизм: теория обучения для цифровой эпохи // Интерактивное образование. 2018. № 6. С. 50–55.
12. Сивиринов Б. С. Техника и социум в будущем: симбиоз или киборгизация? // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 3 (205). С. 93–99.
13. Bekiaridis G., Hajjajm A., Martinez I. Digital Pedagogy Cookbook. Toolkit for Educators. 2021. 56 p. URL: http://digitalpedagogycookbook.eu/wp-content/uploads/2021/01/Toolkit_EN.pdf (дата обращения: 21.06.2022).

REFERENCES

1. Toktarova V. I., Semenova D. A. Digital pedagogy: analysis, requirements and experience of implementation // Journal of Physics: Conference Series. 2020. Article Number 1691. P. 1–6.
2. Frost D. R., Gold M. K., Harris K. D. Curating Digital Pedagogy in the Humanities // Digital Pedagogy in the Humanities: Concepts, Models, and Experiments. New York: City University of New York (CUNY), 2020. pp. 1–61.
3. Voronkin A. S. Philosophy of psychological and didactic concepts of education in the information society // Philosophical problems of information technologies and cyberspace. 2012. No. 2 (4). P. 55–65. (In Russ.)

4. Bořivoj B. Analýza počátečního stavu realizace dílčího úkolu vládou sledované Strategie digitálního vzdělávání. Praha : PPUČ, 2017. 22 p.
5. Hippel E. Democratizing Innovation. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2005. 205 p.
6. Sokolova A. S. Network and distance learning in modern Russia: the difference between concepts // Gramota. 2016. No. 5(67). С. 197–199. (In Russ.)
7. De Martino M., Kovalenko S. A., Tkach G. F., Izidori E. Education in the context of the development of social networks: between cohesion and critical social philosophy of new media. Vestnik RUDN University. Series : Sociology. 2022. V. 22. No. 1. P. 137–149. (In Russ.)
8. Väättäjä J. H., Ruokamo H. Conceptualizing dimensions and a model for digital pedagogy // Journal of Pacific Rim Psychology Volume. 2021. Volume 15. P. 1–12.
9. Vygotsky L. S. Development of higher mental functions. M. : Publishing House of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR, 1960. 500 p. (In Russ.)
10. Bořivoj B. Analýza počátečního stavu realizace dílčího úkolu vládou sledované Strategie digitálního vzdělávání. Praha : PPUČ, 2017. 22 p.
11. Siemens J. Connectivism : Learning Theory for the Digital Age // Interactive Education. 2018. No. 6. P. 50–55. (In Russ.)
12. Sivirinov B. S. Technology and society in the future: symbiosis or cyborgization? // The standard of living of the population of Russian regions. 2017. No. 3 (205). P. 93–99. (In Russ.)
13. Bekiaridis G., Hajjajm A., Martinez I. Digital Pedagogy Cookbook. Toolkit for Educators. 2021. 56 p. URL: http://digitalpedagogycookbook.eu/wp-content/uploads/2021/01/Toolkit_EN.pdf (date of access: 21.06.2022).

Информация об авторах:

Бородавко Л. Т., доктор педагогических наук, доцент;
Чимаров С. Ю., доктор исторических наук, профессор.

Information about the authors:

Borodavko L. T., Doctor of Pedagogy, Associate Professor;
Chimarov S. Yu., Doctor of History, Professor.

Статья поступила в редакцию 07.07.2022; одобрена после рецензирования 15.07.2022; принята к публикации 23.09.2022.

The article was submitted 07.07.2022; approved after reviewing 15.07.2022; accepted for publication 23.09.2022.

**К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ТЕХНИКО-ТАКТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ И БОЕВЫХ ПРИЕМОВ БОРЬБЫ,
ИСПОЛЪЗУЕМЫХ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ В СИТУАЦИЯХ,
СВЯЗАННЫХ С ЗАДЕРЖАНИЕМ ПРАВОНАРУШИТЕЛЯ В ВОДНОЙ СРЕДЕ**

Антон Сергеевич Гричанов¹, Станислав Вячеславович Малетин²

^{1,2} Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

¹ g-ton@mail.ru

² maletin-stanislav@mail.ru

Аннотация. В материалах статьи рассматриваются особенности образовательного процесса сотрудников полиции в рамках физической подготовки, касающиеся совершенствования технико-тактических действий и боевых приемов борьбы в типовых ситуациях оперативно-служебной деятельности, связанных с задержанием правонарушителя в водной среде. Обосновывается несомненная актуальность обладания сотрудниками полиции сформированными навыками и умениями технико-тактических действий и боевых приемов борьбы, необходимыми для задержания правонарушителя в различных условиях водной среды. Рассматривается специфика физической подготовки сотрудников органов внутренних дел в образовательных организациях МВД России. Утверждается, что технико-тактические действия сотрудников полиции при осуществлении ими задержания правонарушителя в условиях водной среды не в полной мере рассмотрены и раскрыты с точки зрения научно-методической составляющей образовательного процесса в образовательных организациях МВД России. Представлены основные результаты исследовательской работы, обоснована актуальность и востребованность методики совершенствования боевых приемов борьбы в воде по дисциплине «Служебно-прикладная физическая подготовка».

Ключевые слова: технико-тактические действия, сотрудники полиции, образовательные организации МВД России, боевые приемы борьбы, образовательный процесс, оперативно-служебная деятельность

Для цитирования: Гричанов А. С., Малетин С. В. К вопросу о необходимости совершенствования технико-тактических действий и боевых приемов борьбы, используемых сотрудниками полиции в ситуациях, связанных с задержанием правонарушителя в водной среде // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 156–162.

Original article

**ON THE NEED TO IMPROVE THE TACTICAL AND COMBAT TECHNIQUES
USED BY POLICE OFFICERS IN SITUATIONS INVOLVING THE DETENTION
OF AN OFFENDER IN THE AQUATIC ENVIRONMENT**

Anton S. Grichanov¹, Stanislav V. Maletin²

^{1,2} Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia

¹ g-ton@mail.ru

² maletin-stanislav@mail.ru

Abstract. The article discusses the features of the educational process of police officers in the framework of physical training, concerning the improvement of technical and tactical actions and combat methods of struggle in typical situations of operational and service activities associated with the detention of an offender in the aquatic environment. The author substantiates the undoubted relevance of the possession by police

officers of the formed skills and abilities of technical and tactical actions and combat methods of struggle, necessary for the arrest of an offender in various conditions of the aquatic environment. The specificity of physical training of employees of internal affairs bodies in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia is considered. It is argued that the technical and tactical actions of police officers when they arrest an offender in a water environment are not fully considered and disclosed from the point of view of the scientific and methodological component of the educational process in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The main results of research work are presented, the relevance and demand of the methodology for improving combat techniques of fighting in water in the discipline «Service-applied physical training» is justified.

Keywords: technical and tactical actions, police officers, educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, fighting techniques, educational process, operational and official activities

For citation: Grichanov A. S., Maletin S. V. On the need to improve the tactical and combat techniques used by police officers in situations involving the detention of an offender in the aquatic environment // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 3 (97). P. 156–162.

Решение проблем качественной подготовки всесторонне развитых специалистов правоохранительных органов имеют высокую актуальность в связи с происходящими изменениями в социокультурной среде страны. Современные реалии правоохранительной деятельности обуславливают необходимость решения проблем, связанных с ростом противодействия преступных элементов с использованием различных условий обстановки и обстоятельств. Это, в свою очередь, предполагает наличие высоких показателей физической и психологической подготовленности сотрудников полиции, которые выполняют свои оперативно-служебные обязанности по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности [1, с. 153]. Зачастую они оказываются в нестандартных ситуациях и экстремальных условиях, когда необходимо решать одновременно несколько задач, требующих своевременных и правильных действий [2, с. 297]. При этом многогранность влияния сбивающих факторов должна быть нивелирована уже на начальном этапе создающейся ситуации.

Профессиональная подготовка сотрудников полиции отчасти призвана решить обозначенный комплекс проблем, в первую очередь формированием умений и навыков, необходимых в ходе задержания вооруженного и невооруженного правонарушителя. Правоприменительная практика свидетельствует о совершении ошибочных действий сотрудниками полиции в таких ситуациях, наличии неуверенных и хаотичных защит-

ных и контратакующих действий [3, с. 125; 4, с. 114]. Анализ совершенных ошибок подтверждает предположение того, что низкий уровень физической подготовленности, отсутствие навыков технико-тактических действий вместе с недостаточной психологической готовностью к активным действиям становятся решающими факторами в обеспечении личной безопасности сотрудника полиции в складывающейся нестандартной обстановке. В связи с этим особое значение приобретает совершенствование способов применения боевых приемов борьбы и приемов рукопашного боя в условиях возникновения нестандартных ситуаций и обстоятельств.

В этой связи профессиональная подготовка сотрудников полиции, осуществляемая в образовательных организациях МВД России, является для них наиболее приоритетным образовательным этапом [5, с. 119; 6, с. 180]. Прошедшие обучение сотрудники обладают сформированными профессионально важными двигательными навыками и умениями; способны решать любые оперативно-служебные задачи, связанные с поиском и преследованием правонарушителя в различных погодных условиях, по пересеченной местности, в условиях ограниченного пространства, ограниченной видимости, в том числе и в водной среде. Особый акцент в образовательном процессе делается на формирование умений навыков эффективно и правомерно применять в практической деятельности физическую

силу, боевые приемы борьбы, а также приемы рукопашного боя. Следует помнить, что в соответствии с Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» на правоохранительные органы возлагаются обязанности по задержанию лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, совершивших побег из-под стражи, лиц, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания, а также предоставляется право на применение физической силы и специальных средств с учетом создавшейся обстановки, характера и степени опасности действий лиц, в отношении которых применяются физическая сила и специальные средства.

Наряду с совершенствованием законодательства, регламентирующего правоохранительную деятельность, претерпевает изменение и нормативное регулирование служебно-прикладной физической подготовки специалистов в этом направлении. При этом актуальными остаются вопросы задержания правонарушителей в наиболее сложных условиях. Одним из таких условий задержания правонарушителей с применением боевых приемов борьбы является водная среда. На наш взгляд, технико-тактические действия сотрудников полиции при осуществлении ими задержания в условиях водной среды не в полной мере рассмотрены и раскрыты с точки зрения научно-методической составляющей процесса обучения сотрудников полиции в образовательных организациях МВД России. При этом изучение любых служебно-прикладных упражнений и тактико-технических действий по обеспечению личной безопасности тесно связано с формированием навыков производства задержания и сопровождения правонарушителя, которые являются логическим завершением применения сотрудником полиции физической силы [7, с. 153].

Это послужило основанием проведения нашего исследования, касающегося отбора и анализа наиболее эффективных боевых приемов борьбы, применяемых при задержании правонарушителей, которые возможно было бы выполнять в водной среде с учетом ее

биомеханических характеристик – преследование и задержание на мелкой части, а также на глубине (в безопорном положении, в том числе при задержке дыхания).

Соотносительно географического и исторического расположения через многие субъекты нашей огромной страны протекают реки, имеются множество озер и прочих водных объектов. Поэтому велика вероятность столкнуться с ситуацией, когда при преследовании и задержании лиц, совершивших противоправные действия, применение болевых приемов и сковывание наручниками сотрудниками полиции будет осложняться тем, что все действия придется выполнять на мелких либо на глубоких участках водоема [8, с. 56].

В соответствии с разделом VI Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации утвержденного приказом МВД России № 450 от 1 июля 2017 г. (далее – Наставление), в содержание занятий по служебно-прикладной физической подготовке включаются упражнения по плаванию. Это позволяет более подробно остановиться на совершенствовании у сотрудников навыков в плавании и служебно-прикладным упражнениям в воде, которые, согласно пункту 46 Наставления, направлены на формирование и развитие общей, специальной выносливости и закаливанию организма.

В пункте 48 Наставления более подробно раскрывается примерное содержание, в которое включаются следующие разделы служебно-прикладного плавания:

- плавание на дистанцию 100 метров;
- обучение сотрудников наиболее ценным в служебно-прикладном отношении способам плавания;
- обучение сотрудников простейшим прыжкам в воду;
- обучение сотрудников нырянию;
- обучение сотрудников оказанию помощи утопающему;
- обучение сотрудников боевым приемам борьбы в воде.

Не смотря на широкий спектр рассматриваемых разделов, отсутствует понима-

ние того, какие именно технико-тактические действия и боевые приемы борьбы будут эффективны при задержании сотрудниками полиции правонарушителя в водной среде.

Анализ результатов, полученных в ходе опроса практических сотрудников подразделений сил специального назначения Управления Росгвардии и Алтайского линейного управления МВД России на транспорте, выявил эффективность применения болевых приемов на руки и удушающих захватов при задержании в водной среде. При этом большая часть респондентов отметили, что именно удушающие захваты приводят к потере сознания и обездвиживанию в противоборстве с правонарушителем. Знания и умения применять данные приемы, а также способность освобождения от подобного рода захватов существенным образом повышает шансы сотрудника полиции в противоборстве с правонарушителем на водной поверхности, особенно на глубине в отсутствии опоры и плотности водной среды.

Действия сотрудника полиции при силовом задержании правонарушителя в водной среде отличаются своими качественными и техническими характеристиками от обычного задержания на твердой поверхности. Вода имеет высокую плотность, вследствие чего любые удары, особенно на глубине, становятся малоэффективными, перемещения и уходы с линии атаки будут медленными и тягучими. Видимость под водой, в зависимости от водоема, порой сводится к нулевому значению. Во многом приходится действовать «на ощупь». Безусловно, на эффективность задержания правонарушителя влияет целый комплекс внешних факторов, включающий в себя илистое дно, сопротивляемость воды, изменение точки опоры либо резкое ее отсутствие, мокрое и соответственно тяжелое специальное обмундирование сотрудника полиции, зимнее время года или с отрицательными температурами воздуха, наличие течения в водоеме. При этом сотрудник полиции в ходе задержания может оказаться полностью на поверхности воды, т. е. плыть за правонарушителем, стоять на дне (груд-

те) водоема, а также полностью находиться под водой [9, с. 12; 10, с. 149].

В образовательных организациях МВД России содержание раздела «Прикладное плавание», входящего в дисциплину «Служебно-прикладная физическая подготовка», представлено рядом последовательных элементов:

1. Защитно-атакующие действия. Предполагается, что в период обучения курсанты и слушатели будут отрабатывать удары руками, боковые удары локтями. Вместе с этим необходимо совершенствовать отработку защитных действий с помощью уклонов, блоков, подставки предплечий с последующим переходом на выполнение броска с дальнейшим удушением или болевым приемом;

2. Приемы задержания и сопровождения. Раздел предусматривает проведение загибов рук за спину различными способами, в том числе с использованием болевых приемов и дальнейшим сопровождением.

3. Защитные действия от ударов ножом. Один из актуальных элементов раздела, включающий в себя отработку подставок, проведение отбивов руками и ногами с переходом на болевой прием с последующим обезоруживанием и задержанием.

4. Освобождение от захватов рук, одежды на груди, обхватов за шею. Раздел «Прикладное плавание» акцентирует внимание на нюансы применения расслабляющих ударов руками и ногами в воде, проведение ряда удушающих и болевых приемов в создавшейся ситуации противоборства, а также выполнения защитных действий от удушающих приемов.

5. Освобождение от обхватов туловища. Приемы борьбы и рукопашного боя предоставляют широкие возможности использования таких бросков как бросок через бедро, спину, а также различных ударов локтями с дальнейшим переходом на загибы рук за спину в ситуациях единоборства с правонарушителем в ограниченном пространстве водной среды.

Все перечисленные приемы входят в сферу базовых и составляют основу подготовки обучающихся, направленной на

формирование всесторонней готовности сотрудника полиции к задержанию и обезоруживанию правонарушителя в нестандартных условиях водной среды.

Проведенное нами исследование предполагало получение экспериментальных данных об эффективности используемой методики подготовки обучающихся по разделу «Прикладное плавание» на базе плавательного бассейна и борцовского комплекса Барнаульского юридического института МВД России. Основные экспериментальные данные были получены в течение 2020–2021 учебного года. С началом учебного года был выбран третий курс факультета заочного обучения Барнаульского юридического института МВД России. Согласно утвержденному тематическому плану по дисциплине «Служебно-прикладная физическая подготовка» у обучающихся данного факультета запланировано изучение раздела «Прикладное плавание» с определенной периодичностью и частотой проведения практических занятий. Отсутствие существенных отличий между тремя учебными группами обусловило нахождение обучающихся в равных условиях.

В ходе педагогического наблюдения были получены результаты, говорящие о том, что целесообразно отрабатывать приемы задержания в условиях, приближенных к реальным, акцентируя внимание на выполнение болевого воздействия на лучезапястный, локтевой и плечевой суставы с дальнейшим контролем складывающейся обстановки. Первоначальные практические занятия необходимо проводить в спортивном зале в спортивной форме. На последующих занятиях в ходе совершенствования этих приемов в водном пространстве бассейна целесообразно использовать полевую форму полиции. Особое внимание при этом должно уделяться устойчивости обучающегося в боевой стойке в ходе выполнения отвлекающего или расслабляющего ударов, отработке правильного и крепкого захвата, болевого приема; эффективному взаимодействию в процессе сопровождения и конвоирования.

Полученные результаты анкетирования данной группы обучающихся, главной целью которого было выяснение целесообразности и частоты применения изучаемых приемов, входящих в раздел «Прикладное плавание», позволили более полно представить складывающуюся картину образовательной деятельности. Так, более 85 % обучающихся отметили приоритет выполнения защитно-атакующих действий с помощью ударов руками и защиты от ударов с последующим проведением приемов задержания, основывающихся на болевых приемах, в ситуациях обнаружения и преследования правонарушителя в мелкой части водоема. Действия в глубокой части водоема, по мнению 90 % обучающихся, требуют хорошо развитого умения держаться на воде, проведения приемов освобождения от захватов и обхватов, болевых приемов. При этом анкетиремые подчеркивали необходимость наличия практических навыков для возможности оказания помощи как своим коллегам, так и правонарушителю. На основании полученных результатов можно говорить о том, что наглядность и простота приемов борьбы, изучаемых в рамках раздела «Прикладное плавание», позволяет совершенствовать профессиональные навыки сотрудников полиции, касающиеся реализации технико-тактических действий, для эффективного задержания правонарушителей, готовности к действиям в различных условиях водной среды в ходе выполнения оперативно-служебных задач.

Обобщая выводы проведенного исследования, следует отметить важность актуализации и внедрения в образовательный процесс образовательных организаций МВД России новых педагогических разработок, направленных на формирование всесторонней готовности сотрудников полиции осуществлять оперативно-служебные задачи в условиях возникновения нестандартных ситуаций и обстоятельств. Анализ результатов касающихся особенностей организации и проведения практических занятий по разделу «Прикладное плавание», говорит о том, что занятия по

физической подготовке на воде и под водой с применением элементов рукопашного боя и боевых приемов борьбы позволят совершенствоваться имеющиеся у обучающихся знания, умения и навыки, необходимые для

выполнения эффективных и правильных действий в ситуациях задержания правонарушителя, обеспечения личной безопасности сотрудника полиции в водной среде, а также оказания помощи утопающему.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Линеви́ч В. Л. Проблемы воспитания молодежи в эпоху цифровизации // Современные тенденции развития молодежной среды: проблемы, вызовы, перспективы : материалы межвузовской научно-практической конференции. 2021. С. 153–156.
2. Шмелев О. Б., Линеви́ч В. Л. Специфика профессиональной подготовки сотрудников полиции в современном обществе // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы : сборник материалов IV Международной конференции. Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя. 2020. С. 297–299.
3. Башлакова Г. И., Гайдук С. А. К вопросу о приемах задержания правонарушителей в воде // Борьба с преступностью: теория и практика : тезисы докладов IV Международной научно-практической конференции. 2016. С. 125–128.
4. Струганов С. М. Роль и значение формирования основ личной безопасности у сотрудников органов внутренних дел при решении оперативно-служебных задач // Правоохранительные органы: теория и практика. 2019. № 1. С. 114–117.
5. Заречнев Д. О., Гричанов А. С. К вопросу об инновационной модели образования // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2012. № 1 (22). С. 119–121.
6. Тюкин В. Г., Гричанов А. С. К вопросу формирования нравственно-волевых качеств обучающихся в учебно-тренировочном процессе образовательных организаций МВД России // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2019. № 1 (36). С. 180–182.
7. Гричанов А. С. Совершенствование педагогического мастерства преподавателей вузов МВД России на основе компетентностного подхода // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 5 (54). С. 153–154.
8. Башлакова Г. И. Результаты применения педагогической модели формирования профессионально значимых навыков задержания правонарушителей в воде // Вышэйшая школа : навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс. 2018. № 2 (124). С. 56–60.
9. Миллер Д. Подводный спецназ: история, операции, снаряжение, вооружение, подготовка боевых пловцов. Минск : Харвест, 1998. 53 с.
10. Юзвак С. А., Таранин М. А. Самооборона на воде «Акватлон» как элемент подготовки работников органов внутренних дел Российской Федерации // Альманах современной науки и образования. 2015. № 8 (98). С. 149–151.

REFERENCES

1. Linevich V. L. Problems of youth education in the era of digitalization // Modern trends in the development of the youth environment: problems, challenges, prospects : materials of the interuniversity scientific and practical conference. 2021. P. 153–156. (In Russ.)
2. Shmelev O. B., Linevich V. L. The specifics of professional training of police officers in modern society // Vocational education of employees of internal affairs bodies. Pedagogy and psychology of service activity: state and prospects : collection of materials of the IV International Conference. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. V. Ya. Kikotya. 2020. P. 297–299. (In Russ.)
3. Bashlakova G. I., Gaiduk S. A. On the question of the methods of detention of offenders in the water // Crime control: theory and practice : abstracts of the IV International scientific and practical conference. 2016. P. 125–128. (In Russ.)
4. Struganov S. M. The role and importance of the formation of the foundations of personal security among employees of internal affairs bodies in solving operational tasks // Law enforcement agencies: theory and practice. 2019. No. 1. P. 114–117. (In Russ.)

5. Zarechnev D. O., Grichanov A. S. To the question of the innovative model of education // Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 1 (22). P. 119–121. (In Russ.)

6. Tyukin V. G., Grichanov A. S. To the question of the formation of moral and volitional qualities of students in the educational and training process of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 1 (36). P. 180–182. (In Russ.)

7. Grichanov A. S. Improving the pedagogical skills of teachers of higher educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the basis of a competency-based approach // World of Science, Culture, Education. 2015. No. 5 (54). P. 153–154. (In Russ.)

8. Bashlakova G. I. The results of the application of the pedagogical model for the formation of professionally significant skills for detaining offenders in the water. 2018. No. 2 (124). P. 56–60. (In Russ.)

9. Miller D. Underwater special forces: history, operations, equipment, weapons, training of combat swimmers. Minsk : Harvest, 1998. 53 p. (In Russ.)

10. Yuzvak S. A., Tarantin M. A. Self-defense on the water “Aquatlon” as an element of training employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation // Almanac of modern science and education. 2015. No. 8 (98). P. 149–151. (In Russ.)

Информация об авторах:

Гричанов А. С., кандидат педагогических наук, доцент;
Малетин С. В., кандидат педагогических наук.

Information about the authors:

Grichanov A. S., Candidate of Pedagogy, Associate Professor;
Maletin S. V., Candidate of Pedagogy.

Статья поступила в редакцию 28.02.2022; одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 23.09.2022.

The article was submitted 28.02.2022; approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 23.09.2022.

Научная статья
УДК 378.016:614.88

**УЧЕТ РЕКОМЕНДАЦИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СОВЕТА
ПО РЕАНИМАЦИИ 2021 ГОДА В ПРЕПОДАВАНИИ ДИСЦИПЛИНЫ
«ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ» ОБУЧАЮЩИМСЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
СИСТЕМЫ МВД РОССИИ**

Эдуард Робертович Исхаков

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, iskhakov1964@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам внедрения научных достижений медицины, в частности результатов исследований по повышению эффективности сердечно-легочной реанимации в преподавание дисциплины «Первая помощь» в образовательных организациях системы МВД России. Рассмотрены изменения в приемах оказания сердечно-легочной реанимации пострадавшим. Данные действия были изложены в Рекомендациях Европейского совета по реанимации и были выработаны на состоявшемся конгрессе 25–26 марта 2021 года в г. Антверпене (Бельгия). Установлены следующие положения в рекомендациях, которые необходимо внедрить в обучение при изучении темы учебной дисциплины «Первая помощь», связанной с проведением сердечно-легочной реанимации: особенность проведения компрессии грудной клетки без применения искусственного дыхания; алгоритм действий с использованием мобильных устройств связи для информационной поддержки со стороны спасательных служб и скорой медицинской помощи; установление дополнительных признаков остановки сердца на основе оценки особенностей дыхания; продолжительность времени на выполнение двух выдохов в пострадавшего; запрет на прекардиальный удар; предполагаемая частота дыхания при выполнении только искусственной вентиляции легких; особенность реанимационного цикла для детей. Данные положения рекомендаций по проведению сердечно-легочной реанимации необходимо применять в обучении навыкам оказания первой помощи через соответствующие дидактические методы на занятиях по изучению дисциплины «Первая помощь».

Ключевые слова: первая помощь, сердечно-легочная реанимация, педагогика, обучение, рекомендации Европейского совета

Для цитирования: Исхаков Э. Р. Учет рекомендаций европейского совета по реанимации 2021 года в преподавании дисциплины «Первая помощь» обучающимся образовательных организаций системы МВД России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 163–168.

Original article

**EUROPEAN RESUSCITATION COUNCIL GUIDELINES
FOR RESUSCITATION 2021 IN TEACHING «FIRST AID»
IN EDUCATION ORGANIZATIONS OF THE MIA OF RUSSIA**

Eduard R. Iskhakov

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ufa, Russia, iskhakov1964@mail.ru

Abstract. This article is about the questions of in-putting scientific researches in resuscitation in increasing of effectiveness cardio-pulmonary resuscitation in teaching activity such subject as “First Aid” in educational organizations of the Ministry of internal affairs of Russia. The new features of the methods of cardio-pulmonary resuscitation were discussed. These actions were presented in the recommendation of European Resuscitation council and were produced during Congress which was 25–26 March 2021 in Antwerpen (Belgium). The next items were estimated in Recommendation which are necessary to introduce

© Исхаков Э. Р., 2022

in educational process of teaching for the topics of subject “First Aid” concerns making cardio-pulmonary resuscitation: the features of compressions of the thorax without using external lung ventilation; algorithm of actions with utilizing mobile phone devices for information supporting from emergency medical and risky services estimation of the additional signs of cardio arrest on the basis of evaluation of the breathing features; time period for making two exhalations to casualty; prohibition for pre-cardiac hit; supposing frequency of external breathing there lung external ventilation of the lung only; the features of the cycle resuscitation for children. These points of the Recommendation of making cardio-pulmonary resuscitation are necessarily to use in the educational process for receiving skills of the first aid via appropriate didactic methods during trainings on the classes “First Aid”.

Keywords: first aid, cardio-pulmonary resuscitation, pedagogy, education, European council Guidelines

For citation: Iskhakov E. R. European resuscitation council guidelines for resuscitation 2021 in teaching «first aid» in education organizations of the MIA of Russia // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 3 (97). P. 163–168.

Осуществление сердечно-легочной реанимации является первоочередным делом при спасении жизни пострадавших [1; 2]. Актуальным при этом является обучение эффективным действиям сотрудников полиции на основе современных научно-практических достижений [3; 4]. В 2021 году приняты новые рекомендации по сердечно-легочной реанимации Европейского совета по реанимации, которые необходимо, на наш взгляд, учитывать при проведении обучения по учебной дисциплине «Первая помощь». В настоящий момент за основу оказания первой помощи при сердечно-легочной реанимации (далее – СЛР) приняты рекомендации 2015 года [5]. Рекомендации принимаются по данным научных исследований, проведенных специалистами, и их выполнение считается наиболее эффективным, по мнению авторов. При этом предыдущие рекомендации по действиям СЛР, рекомендованные другими руководствами считаются потерявшими актуальность и должны быть скорректированы исходя из современных положений. Большой интерес для преподавателей представляют вопросы: Что внедрить в образовательный процесс? Какими новыми приемами и методами должны овладеть обучающиеся в рамках преподавания темы, связанной с сердечно-легочной реанимацией в рамках дисциплины «Первая помощь»?

Проанализированы материалы конгресса Европейского совета по реанимации (ERC – European Resuscitation Council), состоявшегося 25–26 марта 2021 года в г. Антверпене

(Бельгия), по результатам которого были приняты рекомендации, так называемые «гайдлайны» (Guidelines – руководства для практического применения врачами) [6]. Конгресс проходил в формате онлайн по направлениям трех секций: научные доклады, спонсированные доклады и рекомендации. Материалы докладов и предложенные рекомендации были в том числе изложены в специальном выпуске специализированного журнала для врачей анестезиологов-реаниматологов «Resuscitation». Русскоязычный вариант обзора данного конгресса имеется в сети Интернет.

В рамках докладов и представленных материалов обсуждались вопросы по оказанию первой помощи при остановке сердца (cardiac arrest), предназначенные в качестве отдельных рекомендаций как для лиц, не имеющих медицинского образования, так и для врачей. Рекомендации представляют интерес для лиц без медицинского образования, в том числе для обучаемых образовательных организаций системы МВД России, которые не имеют медицинского образования, однако, как сотрудники полиции обязаны оказывать первую помощь, в том числе и проводить сердечно-легочную реанимацию.

В представленных рекомендациях и материалах было указано, что реанимация, проводимая только компрессией грудной клетки, имеет такую же эффективность, как и общепринятая методика сердечно-легочной реанимации, которая проводится как осуществление приемов компрессии и ис-

кусственного дыхания. С учетом инфекционной опасности в современной ситуации (не только по коронавирусу, но и по другим инфекциям, которые можно получить в результате контакта с пострадавшим), на занятиях необходимо объяснять и отрабатывать приемы СЛР с возможностью не применять искусственное дыхание. В материалах показано, что на настоящий момент в Европейских странах апробирована методика оказания СЛР гражданскими людьми, не имеющими специальной медицинской подготовки по оказанию первой помощи или необходимых знаний и умений по СЛР, под руководством специалиста, который находится на расстоянии от места происшествия. Руководство осуществляется через связь мобильных электронных устройств. Такая методика доказала свою эффективность, поэтому Советом рекомендован такой алгоритм действий для тех, кто не уверен в своих знаниях и умениях в правильности проведения СЛР по алгоритму «check-call-copress», который заключается в следующем: «проверьте признаки жизни – позовите на помощь – начинайте компрессию грудной клетки».

На занятиях по изучению данной темы преподавателю следует отрабатывать у обучающихся умения и навыки связываться с соответствующими службами: Министерством по чрезвычайным ситуациям (далее – МЧС), скорой медицинской помощью (далее – СМП), – и проводить реанимационные мероприятия под их руководством. Хотя это требует и организационных мер со стороны руководства МЧС и скорой медицинской помощи. То есть на лекционных и практических занятиях необходимо хотя бы информировать о существовании такой методики и способах ее осуществления, а именно: связаться с диспетчером СМП, врачом бригады СМП, спасателями МЧС и выполнять их указания, получаемые посредством мобильной связи. На практическом занятии следует отрабатывать такие умения и навыки.

В 6 странах Европы (Португалии, Англии, Франции, Италии, Дании, Северной Ирландии) внедрено обучение в школах

детей с 12 лет основам сердечно-легочной реанимации с применением автоматического наружного дефибриллятора (AED). В российских реалиях применить дефибриллятор имеет право не просто врач, а врач прошедший специализацию и сертификацию по реаниматологии, что, естественно, ограничивает возможности спасения при происшествях. Сотрудникам полиции, как и всем людям без специальной подготовки по реаниматологии, запрещено применять дефибриллятор, и в программе по «Первой помощи» отсутствует обучение по данному вопросу. Следует заметить, что в европейских странах, в отличие от России, аппараты для дефибрилляции сердца имеются в общественных местах, посещаемых большим количеством людей, в составе аптечки первой помощи для применения в том числе и лицами без медицинского образования. Обучение данному приему пока не представляется возможным в условиях образовательных организаций системы МВД России, здесь необходимо принципиальное принятие решения органами законодательной и исполнительной власти.

К современным изменениям рекомендаций 2021 года, в отличие от рекомендаций по СЛР 2015 года, относится рассмотрение действий «Как распознать острую остановку кровообращения?». Ранее предоставлялось 10 секунд на определение отсутствия или наличия сознания, дыхания, кровообращения у пострадавшего и после этого начинались приемы СЛР. Согласно рекомендациям 2021 года при подходе к пострадавшему лица, осуществляющего первую помощь и наличии у пострадавшего агонального дыхания (судорожных движений грудной клетки и рта, «булькающего дыхания», при отсутствии ответов и реакции на вопросы – это считается признаками остановки сердца), на выявление данного состояния уйдет гораздо меньше 10 секунд.

Так, в ряде имеющихся учебно-практических пособий для образовательных организаций системы МВД России уделяется внимание действиям, направленным на обеспечение проходимости дыхательных путей

(согласно имеющимся предыдущим рекомендациям), что удлиняет промежуток времени начала СЛР [8; 9]. Это в свою очередь негативно сказывается на состоянии головного мозга [10].

Поэтому оказывающему помощь необходимо первым делом набрать номер телефона служб спасения «112» или службы СМП «03», поставить аппарат на громкую связь, приступить к компрессии грудной клетки и общаться с ответившим по телефону, уже осуществляя приемы СЛР. Этому сотрудников полиции надо обучать на занятиях, однако нужно быть готовым к непониманию данных действий со стороны спасателей, СМП и отсутствию реальной помощи с их стороны.

Базовый алгоритм СЛР не изменился по сравнению с 2015 годом: проводится 30 компрессий, затем 2 выдоха в пострадавшего. В ряде российских учебно-методических и учебно-практических пособий по СЛР приводится информация о том, что вначале производится 2 выдоха, а затем уже 30 компрессий. Однако по сравнению с 2015 годом изменился подход к качеству компрессий грудной клетки: частота компрессий – 100–120 в одну минуту, глубина продавливания – около 5 сантиметров, но не более 6. Компрессии должны идти без остановки, нельзя прекращать компрессии более чем на 5 секунд, т. е. 2 выдоха в пострадавшего должны быть произведены за время меньше, чем 5 секунд. Этому тоже надо обучать во время занятий по «Первой помощи».

Изменения коснулись такого приема СЛР, как прекардиальный удар (*precordial thump*). Теперь не рекомендуется использовать прекардиальный удар даже специалистам-медикам. Ранее его разрешалось применять только медицинским работникам, а люди без медицинского образования не имели права этого делать, несмотря на то, что в ряде учебных пособий по первой помощи данный прием описывался. Сейчас не рекомендуется производить прекардиальный удар во время СЛР никому.

По новым рекомендациям не следует ни медикам, ни людям без медицинского об-

разования применять компрессию грудной клетки при СЛР методом «*fist pacing*» – путем постукивания кулаком по груди (ранее он практиковался, хотя и крайне редко, для людей, имеющих астеническое («хрупкое») телосложение, с недостаточным весом, и детей). Этот прием в российских учебных пособиях практически не описывался.

По новым рекомендациям стало обязательным стаскивать и укладывать пострадавшего для проведения СЛР с кровати (дивана) на пол. Теперь СЛР можно проводить на кровати, диване, тахте, там, где произошла остановка сердца. Ранее же рекомендовалось обязательное укладывание пострадавшего на пол.

Частота дыхания рекомендована 10 раз в одну минуту. В ряде учебных пособий предлагается частота дыхания для искусственной вентиляции легких 16–18 в одну минуту либо не указывается [11; 12].

Для детей новые рекомендации предлагают начало СЛР с проведения 5 выдохов в пострадавшего, а затем применения реанимационного цикла состоящего из 15 компрессий и 2 выдохов.

Таким образом, новые рекомендации Европейского совета по реанимации 2021 года имеют изменения в алгоритме и содержании действий по сердечно-легочной реанимации при острой остановке сердца у пострадавших, которые необходимо учитывать при проведении занятий по учебной дисциплине «Первая помощь» с обучающимися в образовательных организациях системы МВД России, и для этого применять соответствующие дидактические приемы.

Несмотря на то, что материалы конгресса предоставляют рекомендации в основном для врачей (преимущественно реаниматологов), они затрагивают и вопросы СЛР, проводимой лицами без медицинского образования, так называемыми волонтерами (по западной терминологии) – лицами без медицинского образования и прошедшими специальную подготовку по оказанию первой помощи, к которым относятся и сотрудники полиции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баранов А. В. Организация оказания первой помощи в Архангельской области // Неотложная медицинская помощь: журнал им. Н. В. Склифосовского. 2020. Т. 9. № 2. С. 259–263.
2. Биркун А. А. Доступность обучения сердечно-легочной реанимации для населения Российской Федерации : анализ информационных ресурсов русскоязычного сегмента сети интернет // Социальные аспекты здоровья населения. 2018. № 5 (63). С. 8.
3. Скобелева М. В. Проблемы обучения дисциплине «первая помощь» при подготовке специалистов для правоохранительных структур // Преподаватель высшей школы: традиции, проблемы, перспективы : материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Тамбов : Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, 2017. С. 349–352.
4. Марченко Д. В. Преподавание дисциплины «Первая помощь» в современном вузе: проблемы и перспективы // Современные проблемы профессионального образования: опыт и пути решения : материалы Пятой Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2020. С. 349–352.
5. Perkins G. D., Handley A. J., Koster R. W., Castrén M., Smyth M. A., Olasveengen T., Monsieurs K. G., Raffay V., Gräsner J. T., Wenzel V., Ristagno G., Soar J. Adult basic life support and automated external defibrillation section Collaborators. European Resuscitation Council Guidelines for Resuscitation 2015 : Section 2. Adult basic life support and automated external defibrillation. Resuscitation. 2015.
6. European Resuscitation Council Guidelines for Resuscitation 2021 // Resuscitation. 2021. Vol. 161. P. 1–432.
7. The ERC Guidelines Congress, 25–26 March, 2021, Antwerpen, Belgium. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8WhK4XA0zvo&t=2378s> (дата обращения: 13.05.2022).
8. Памятка по оказанию первой помощи для сотрудников органов внутренних дел : учебно-наглядное пособие / О. А. Мальцева и др. Орел : ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2017. 44 с.
9. Остробородов В. В. Первая помощь : учебно-практическое пособие. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2019. 156 с.
10. Шишкин И. В., Лобанов С. А., Насырова Е. В., Мансурова З. Р. Влияние гипоксии на микроциркуляторное русло и гликозаминогликаны мозжечка // Морфология. 2018. Т. 153. № 3. С. 322–323.
11. Лисихина Н. В., Рублева Т. Ю. Основы первой помощи в деятельности сотрудников органов внутренних дел. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2019. 176 с.
12. Действия сотрудников полиции по оказанию первой помощи лицам, находящимся в состоянии, угрожающем их жизни и здоровью : учебное пособие / Т. Г. Погодина, В. Е. Лапшин, М. В. Соболева, Н. Н. Матаева; под ред. Т. Г. Погодиной. Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2018. 120 с.

REFERENCES

1. Baranov A. V. Organization of first aid in the Arkhangelsk region. N. V. Sklifosovsky. 2020. V. 9. No. 2. P. 259–263. (In Russ.)
2. Birkun A. A. Availability of training in cardiopulmonary resuscitation for the population of the Russian Federation: analysis of information resources of the Russian-speaking segment of the Internet // Social aspects of public health. 2018. No. 5 (63). P. 8. (In Russ.)
3. Skobeleva M. V. Problems of teaching the discipline “first aid” in the training of specialists for law enforcement structures // Teacher of higher education: traditions, problems, prospects: materials of the VIII All-Russian scientific and practical conference with international participation. Tambov : Tambov State University named after G. R. Derzhavin, 2017. P. 349–352. (In Russ.)
4. Marchenko D. V. Teaching the discipline “First Aid” in a modern university: problems and prospects // Modern problems of vocational education: experience and solutions : materials of the Fifth All-Russian scientific and practical conference with international participation. 2020. P. 349–352. (In Russ.)
5. Perkins G. D., Handley A. J., Koster R. W., Castrén M., Smyth M. A., Olasveengen T., Monsieurs K. G., Raffay V., Gräsner J. T., Wenzel V., Ristagno G., Soar J. Adult basic life support and automated external defibrillation section Collaborators. European Resuscitation Council Guidelines for Resuscitation 2015 : Section 2. Adult basic life support and automated external defibrillation. Resuscitation. 2015.

6. European Resuscitation Council Guidelines for Resuscitation 2021 // Resuscitation. 2021 Vol. 161. P. 1–432.

7. The ERC Guidelines Congress, 25–26 March, 2021, Antwerpen, Belgium. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8WhK4XA0zvo&t=2378s> (date of access: 13.05.2022).

8. Memo on first aid for employees of the internal affairs bodies: a teaching aid / O. A. Maltseva et al. Orel : OryuI MIA of Russia named after V. V. Lukyanov, 2017. 44 p. (In Russ.)

9. Ostroborodov V. V. First Aid : a training manual. Barnaul : Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. 156 p. (In Russ.)

10. Shishkin I. V., Lobanov S. A., Nasyrova E. V., Mansurova Z. R. Influence of hypoxia on the microvasculature and cerebellar glycosaminoglycans // Morphology. 2018. V. 153. No. 3. P. 322–323. (In Russ.)

11. Lisikhina N. V., Rubleva T. Yu. Fundamentals of first aid in the activities of employees of internal affairs bodies. Krasnoyarsk : SibYuI MIA of Russia, 2019. 176 p. (In Russ.)

12. The actions of police officers to provide first aid to persons in a state that threatens their life and health : textbook / T. G. Pogodina, V. E. Lapshin, M. V. Soboleva, N. N. Mataeva; ed. T. G. Pogodina. Nizhny Novgorod : Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. 120 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Исхаков Э. Р., доктор медицинских наук, профессор.

Information about the authors:

Iskhakov E. R., Doctor of Medicy, Professor.

Статья поступила в редакцию 24.02.2022; одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 23.09.2022.

The article was submitted 24.02.2022; approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 23.09.2022.

Научная статья
УДК 378.634.048.2(470)

**ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ
ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ АДЪЮНКТОВ
В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Людмила Владимировна Кузнецова¹, Евгений Александрович Федяев²

^{1,2} Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

¹ mikalv_09@mail.ru,

² fea55@mail.ru,

Аннотация. Предметом исследования является процесс совершенствования педагогической подготовки адъюнктов, обучающихся по направлению 40.07.01 «Юриспруденция». Целью исследования является обоснование организационно-методических условий, посредством которых максимально обеспечивается подготовка адъюнктов к преподавательской деятельности. В статье проанализированы основные организационно-методические условия повышения уровня педагогической подготовки адъюнктов к преподавательской деятельности на основе инновационного подхода к формам и средствам обучения, использования эффективности самостоятельной подготовки обучающихся на примере учебной дисциплины «Введение в педагогическую профессию». Авторами подробно рассматриваются такие условия, как формирование мотивации адъюнктов к преподавательской деятельности и педагогического мышления, создание инновационной образовательной среды на занятиях. Существенное внимание уделено использованию комплексного подхода в применении методов обучения на занятиях педагогической направленности, их гибкости и динамичности.

Основным выводом проведенного исследования является то, что подготовке адъюнктов к преподаванию юридических дисциплин способствует в большей степени освоение дисциплин психолого-педагогической направленности. Авторами обосновывается необходимость педагогической подготовки адъюнктов по направлению «Юриспруденция» в рамках выделенных организационно-методических условий, которые находят свою реализацию при освоении других учебных дисциплин и обеспечивают готовность к преподавательской деятельности.

Ключевые слова: адъюнкты, педагогическая подготовка, профессионально-ориентированное обучение, образовательный процесс, организационно-методические условия, инновационные формы обучения, мотивация, педагогическое мышление, инновационная образовательная среда, образовательные технологии

Для цитирования: Кузнецова Л. В., Федяев Е. А. Организационно-методические условия педагогической подготовки адъюнктов в системе высшего юридического образования // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 169–178.

Original article

**ORGANIZATIONAL AND METHODOLOGICAL CONDITIONS OF PEDAGOGICAL
TRAINING OF ADJUNTS IN THE SYSTEM OF HIGHER LEGAL EDUCATION**

Ludmila V. Kuznetsova¹, Evgeny A. Fedyaev²

^{1,2} Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia

¹ mikalv_09@mail.ru,

² fea55@mail.ru,

Abstract. The subject of the research is the process of improving the pedagogical training of adjuncts studying in the direction 40.07.01 “Jurisprudence”. The purpose of the study is to substantiate the organizational

© Кузнецова Л. В., Федяев Е. А., 2022

and methodological conditions, through which the preparation of adjuncts for teaching is maximized. The main organizational and methodological conditions for increasing the level of pedagogical training of adjuncts for teaching activities are analyzed on the basis of an innovative approach to the forms and means of teaching, using the effectiveness of self-training of students on the example of the academic discipline "Introduction to the teaching profession". The authors consider in detail such conditions as the formation of the motivation of adjuncts to teaching and pedagogical thinking, the creation of an innovative educational environment in the classroom. Significant attention is paid to the use of an integrated approach in the application of teaching methods in the classroom of a pedagogical orientation, their flexibility and dynamism.

The main conclusion of the study are that the preparation of adjuncts for teaching legal disciplines is facilitated to a large extent by the development of disciplines of a psychological and pedagogical orientation. The authors substantiate the need for pedagogical training of adjuncts in the direction of jurisprudence within the framework of the identified organizational and methodological conditions, which find their implementation in the development of other academic disciplines and ensure readiness for teaching.

Keywords: adjuncts, pedagogical training, professionally oriented education, educational process, organizational and methodological conditions, innovative forms of education, motivation, pedagogical thinking, innovative educational environment, educational technologies

For citation: Kuznetsova L. V., Fedyaev E. A. Organizational and methodological conditions of pedagogical training of adjuncts in the system of higher legal education // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 3 (97). P. 169–178.

Своеобразие подготовки адъюнктов по направлению подготовки 40.07.01 «Юриспруденция» определяется условиями их будущей профессиональной деятельности, сложным переплетением педагогической, организационной и специальной функций преподавателя юридических дисциплин образовательных организаций высшего образования МВД России. Повышение профессионального уровня специалистов для органов внутренних дел является одной из приоритетных задач, стоящих перед государством и Министерством внутренних дел Российской Федерации, что предопределяет содержание, структуру и основные условия профессиональной подготовки преподавателей образовательных организаций МВД России.

Гипотезу исследования составил тезис, что организационно-методические условия педагогической подготовки адъюнктов составляют основу формирования готовности обучающихся к преподавательской деятельности в образовательных организациях высшего образования МВД России.

Целью статьи является обоснование организационно-методических условий подготовки адъюнктов по направлению «Юриспруденция», способствующих формированию профессиональной компетентности преподавателей образователь-

ных организаций высшего образования МВД России.

Учитывая актуальные профессиональные задачи системы образования МВД России, заключающиеся в создании качественно новой развивающейся образовательной среды, высокий уровень профессиональной подготовки преподавателей является необходимым требованием в модели выпускника адъюнктуры. При разработке модели профессиональной подготовки адъюнктов образовательных организаций высшего образования МВД России необходимо учитывать несколько обстоятельств. Во-первых, необходимо учитывать уровень педагогической подготовки преподавателей, особенно начинающих, положительные моменты и недостатки в их готовности к преподавательской деятельности. Во-вторых, переосмыслить организацию образовательного процесса кадров высшей квалификации в соответствии с современными требованиями к преподавателям высшей школы.

В ходе исследования данной проблемы была обоснована роль педагогической подготовки будущих преподавателей юридических дисциплин в целостной системе подготовки кадров высшей квалификации к преподавательской деятельности за счет своевременного вооружения педагогическими знаниями, умениями и навыками, раз-

вития средствами педагогики необходимых качеств личности, а также в предоставлении возможности приобрести преподавательский опыт педагогическими средствами.

В данной статье мы рассмотрели организационно-методические условия, обеспечивающие педагогическую подготовку будущих преподавателей. Выделяемые организационно-методические условия педагогической подготовки адъюнктов обеспечивают содержание и методику осуществления образовательного процесса, а также организационное взаимодействие преподавателей и обучающихся. Именно это позволяет не только содержательно и технологически обеспечить педагогическую подготовку будущих преподавателей, но и сформировать его педагогическое мышление.

Основой образовательного процесса адъюнктов по программе подготовки научно-педагогических кадров является, на наш взгляд, устойчивая положительная мотивация к профессии преподавателя. Схожие положения обосновываются и другими исследователями [1, с. 205–206; 2, с. 7–11; 3, с. 38–47]. Мотивационная составляющая профессионально ориентированного обучения адъюнктов осуществляется с учетом юридической направленности педагогической подготовки будущих преподавателей.

Становление личности преподавателя определяется мотивами и профессиональными интересами, ориентированными на получение педагогического опыта, положительное отношение к предстоящей профессии (намерение освоить соответствующие компетенции, осознание значимости труда и профессии педагога, наличие положительного эмоционального отношения к будущей педагогической деятельности) [4, с. 9–10].

«Мотивационная сфера личности включает систему мотивов (мотивацию) в ее определенном построении (иерархии). Основными функциями мотивов являются побуждение, направление и регуляция поведения и деятельности личности» [5, с. 121]. В соответствии с этим утверждением формирование положительного отношения к будущей преподавательской деятельности, развитие

разнообразных познавательных мотивов и интересов создает личную заинтересованность в педагогической подготовке.

Результаты опроса относительно мотивации адъюнктов к преподавательской деятельности четко демонстрируют прямую зависимость уровня подготовки адъюнктов от овладения педагогическими навыками. Анализируя различные подходы к организации обучения будущих преподавателей, мы убеждаемся, что повышение качества подготовки к преподавательской деятельности возможно при создании и реализации определенной модели формирования готовности обучающихся к преподавательской деятельности на основе изучения дисциплин психолого-педагогической направленности. Подробней об этом мы писали и раньше [6, с. 49]. Именно данные дисциплины являются, на наш взгляд, базовыми при подготовке будущих преподавателей образовательных организаций юридической направленности. Кроме того большинство адъюнктов в силу специфики деятельности органов внутренних дел имеют юридическое образование и лишь за редким исключением дополнительно и педагогическое. Указанное обстоятельство дополнительно подчеркивает важность овладения психолого-педагогическими компетенциями. Проведенный опрос о необходимости овладения указанными знаниями, приобретения соответствующих умений и навыков преподавания юридических дисциплин дал следующие результаты: 82 % (2015 г.); 91 % (2016 г.); 93 % (2017 г.); 85 % (2018 г.); 97 % (2019 г.); 97 % (2020 г.) адъюнктов 2 курса обучения ответили положительно.

Участвующие в опросе адъюнкты отмечали, что данные дисциплины создают условия для формирования мотивации будущих педагогов к реализации педагогических функций, оценки своих возможностей в образовательном процессе. Согласно опросу решение о выборе профессии педагога до поступления в адъюнктуру сотрудники полиции принимали при наличии определенного стажа практической работы: 63 % – после 3 лет; 12 % – 4 лет; 25 % – 5 лет (в среднем по

годам обучения 2015–2020 гг.). Только 4 % обучающихся в адъюнктуре, участвующих в опросе, приняли решение о поступлении в адъюнктуру еще в процессе обучения в институте в качестве курсанта (слушателя) вследствие проявления необычно высокого интереса к научно-исследовательской работе. Среди причин выбора профессии педагога интервьюируемые называют: интерес к преподавательской работе; интерес к изучению выбранных специальных предметов (профиль подготовки); стремление сменить профиль деятельности; улучшить условия своей работы.

Таким образом, содержание и методика преподавания психолого-педагогической дисциплины направлен на развитие педагогических качеств личности преподавателя, формирование умения выполнять сложные педагогические задачи, что влечет за собой удовлетворение от проделанной работы и, соответственно, оказывает влияние на развитие мотивации и стремление овладевать профессией педагога.

Одной из основных учебных дисциплин указанной направленности является «Введение в педагогическую профессию», она формирует ценностное отношение к профессии педагога через его конкретно-историческую обусловленность. Изучение данной дисциплины на первом курсе адъюнктуры вполне обосновано, так как обеспечивает интегративный подход к организации преемственности уровней профессиональной подготовки адъюнктов на базе психолого-педагогических и специальных (профильных) дисциплин. Содержание данной дисциплины способствует ознакомлению будущих преподавателей с образовательными функциями, актуализирует роль профессии педагога и формирует у адъюнкта восприятие себя как субъекта образовательной деятельности через формирование целостных представлений о гуманистическом и творческом характере выбранной профессии.

Содержание дисциплины «Введение в педагогическую профессию» строится из нескольких блоков, представляющих собой разработанную систему методических

средств развития профессиональных качеств педагога. Часть тем определяет роль и назначение педагогической профессии, ее виды и специфику. Содержание данных тем обусловлено потребностями педагогической деятельности, необходимостью осознания сущности педагога, его значимости в современном обществе и государстве.

Развитие профессиональных мотивов и личностного осознания обучающимися выбора профессии преподавателя осуществляется через использование современных педагогических технологий. Опыт проведения занятий по данной дисциплине показывает, что наиболее приемлемой и эффективной в данном случае формой является эссе. Использование указанного метода обучения позволяет не просто изложить свое мнение о роли и месте педагога в процессе профессиональной подготовки специалистов, но и одновременно позволяет развивать творческое мышление, расширяет горизонты восприятия современной действительности; позволяет задуматься о месте и роли педагога в собственной жизни, о нравственных ценностях, появляется определенная потребность в формировании образа педагога.

Эссе по теме «Роль и назначение педагогической профессии в современном мире» может содержать примерные темы, рекомендуемые обучающимся: «Роль и место педагога в современном мире»; «Педагог в моей жизни»; «Я – в педагогической профессии»; «Педагог в современном мире – кто это?»; «Мечтал ли я стать педагогом?», либо давать возможность предложить собственную. Достаточно часто обучающиеся выбирают тему «Педагог в моей жизни», и в большей степени это связано с конкретными личностями, которые сыграли в их предыдущем образовательном опыте значительную роль (выбор профессии, формирование профессионально важных, нравственных качеств, образец для подражания).

Последующие темы вводят обучающихся в мир педагогики и становления педагогической мысли в различные периоды развития общества. Изучение данных тем рекомендуется с использованием самосто-

ательной работы обучающихся: подбор и анализ информации, подготовка докладов с последующим коллективным обсуждением, что позволяет приобретать навыки дискуссии; отстаивание и аргументация своей точки зрения, умение держаться перед аудиторией, что способствует развитию интереса к профессии преподавателя. В данном случае роль преподавателя проявляется как консультационно-корректирующая.

Следует отметить, что профессиональная мотивация определяется содержанием образовательных задач и условиями их реализации, позволяющими использовать различные типы и виды учебных занятий, отражающих внутреннее побуждение, направленное на будущую педагогическую деятельность, овладение профессиональной компетентностью, потребностью обучающихся в постоянном совершенствовании своих педагогических знаний [7, с. 315]. Вовлечение адъюнктов в процесс профессиональной подготовки вызывает у обучающихся положительные эмоциональные и интеллектуальные переживания и мотивирует их к ответственной профессиональной подготовке для последующей самореализации в должности преподавателей.

Следующим организационно-методическим условием является развитие интеллектуальной сферы обучающихся, формирование педагогического мышления. Педагогическая профессия непосредственно связана с личностью педагога, его индивидуальными и профессиональными качествами, способствующими личностному самовыражению и саморазвитию (готовность к профессионально-личностному росту, самореализации в педагогической среде).

Специфика обучения адъюнктов в исследуемом нами случае состоит в том, что они должны стать преподавателями юридических дисциплин. Тем не менее мы ведем речь прежде всего о педагогическом мышлении, поскольку осуществляется подготовка к преподавательской деятельности. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 40.07.01 «Юриспруден-

ция» предусматривает при реализации программы подготовки научно-педагогических кадров ориентир на конкретный вид (виды) профессиональной деятельности. Содержание психолого-педагогических дисциплин формируется в зависимости от потребностей обучающихся, для которых ориентиром является будущая педагогическая деятельность, она в свою очередь выступает прикладным видом профессиональной работы будущих преподавателей.

В процессе обучения очень важно обеспечивать осознанный подход к процессу педагогической подготовки за счет получаемых знаний (о сущности образования, тенденциях его развития, современных подходах к подготовке сотрудников полиции, современных технологиях обучения, особенностях педагогической деятельности в образовательных организациях МВД России).

Осуществляя анализ понятия «мышление» с позиции философии, логики и педагогики, Н. М. Вострикова выделяет различные его аспекты, одним из которых является «формирование умений работы с информацией, ее осмысление, преобразование, тем самым формирование общеучебных умений, способов деятельности» [8, с. 256]. Умение работать с полученной информацией учит синтезировать теоретические знания, полученные при изучении научной, психолого-педагогической и специализированной литературы (педагогика и психология высшей школы, технология профессионально-ориентированного обучения, уголовный процесс, криминалистика, уголовное право и т. д.), превращать их в собственное внутреннее состояние и формирует способность переводить полученные знания в практическую деятельность [9, с. 208–210].

Важным моментом в данном рассуждении является непосредственная зависимость педагогического мышления и профессиональной деятельности преподавателей. На данный аспект указывает Е. Р. Зинкевич, просматривая цепочку «мышление», «профессиональное мышление» и «педагогическое мышление», уровни развития педагогического мышления и прямую зависимость

уровня педагогической деятельности от уровня педагогического мышления. «Педагогическое мышление – это вид профессионального мышления, выражающийся в совокупности личностных качеств, специальных знаний и умений, необходимых для осуществления педагогической деятельности и ценностного отношения к ней. На разных уровнях своего развития педагогическое мышление особым образом воплощается в успешности и продуктивности» [10, с. 80–81].

Формирование педагогического мышления будущих преподавателей юридических дисциплин является одним из необходимых условий подготовки их к педагогической деятельности. Осуществляется это за счет выполнения ими заданий, направленных на расширение круга его источников, методов работы с различной информацией, включения обучающихся в разнообразные виды деятельности, самостоятельный сбор и систематизация информации, полученной вне целенаправленно-организованного обучения. Педагогическое мышление проявляется в способности анализировать, сравнивать, обобщать педагогический опыт, оценивать полученные результаты образовательной деятельности.

Реализация данного условия включает в себя развитие когнитивного аспекта мышления с помощью заданий, способствующих переосмыслению полученных фактов в контексте изучаемого материала, заданий, направленных на овладение критериями научности, систематизацию, поиск индивидуальных решений педагогических ситуаций, корректировку педагогических знаний, установление причинно-следственных связей (в частности, задания на составление логических схем, сравнительных таблиц).

На теоретических занятиях, проводимых с использованием инновационных технологий (лекции-диалоги, лекции-конференции и т. д.), отрабатываются умения адъюнктов анализировать, аргументировать, дискутировать, что способствует развитию интереса к педагогической деятельности, стимулирует потребность в исследовательской дея-

тельности при самостоятельном изучении педагогического материала.

В результате полученные педагогические знания, приобретаемые адъюнктами по программам подготовки научно-педагогических кадров, становятся утвердившимися суждениями, позволяющими сознавать свою роль как преподавателя в подготовке специалистов для правоохранительной системы, и окончательно закрепляются как личностно-значимые и профессионально-направленные. Изложенное положение способствует формированию педагогического мышления преподавателей, так как позволяет осмысленно осваивать педагогическую деятельность.

Опыт показывает, что начинающие преподаватели испытывают определенные трудности в реализации педагогической деятельности, так как их теоретические и практические навыки оказываются недостаточными для эффективной преподавательской работы. Сочетание теории и практики является необходимым элементом педагогической подготовки преподавателей. Между тем в современных учебных планах чрезмерно объем теоретический материал. Например, применительно к содержанию учебной дисциплины «Введение в педагогическую профессию» в большей степени предполагается теоретическое изучение содержания (лекции – 16 ч.; семинары – 10 ч.; практические занятия – 4 ч.). Исходя из анализа установленного объема учебно-методических материалов, мы пришли к выводу о необходимости применения практико-ориентированных технологий обучения при проведении всех видов занятий, что позволяет в полной мере включить обучающихся в образовательный процесс, предоставляет возможность сформировать отдельные навыки практической педагогической работы.

Создание на занятиях инновационной образовательной среды, осуществляемой на основе моделирования предметного и методического содержания будущей педагогической деятельности, мы, как и другие исследователи, также относим к необходимым организационно-методическим усло-

виям педагогической подготовки адъюнктов [11, с. 55–56; 12, с. 50–51; 13, с. 222]. Целе-направленное использование возможностей инновационной образовательной среды позволяет обучающимся осваивать способы познания, приобретать опыт преподавания за счет оптимизации форм и методов интерактивного обучения, погружения в будущую профессиональную деятельность (изучение теоретического материала на основе индивидуальной исследовательской деятельности, доведение результатов до своих коллег, совместное обсуждение теоретических и методических аспектов).

Данное условие направлено на развитие готовности и способности обучающихся применять формируемые знания в области организации и функционирования образовательного процесса к конкретным педагогическим ситуациям (при проведении учебных занятий, организации и осуществлении методического обеспечения образовательного процесса), актуализировать изучаемый опыт при прохождении педагогической практики, включать его содержание в собственный профессиональный опыт.

Реализация личностно-деятельностного потенциала обучающихся посредством взаимодействия в образовательном процессе инновационных технологий с традиционными технологиями обучения расширяет возможности образовательного процесса. Л. С. Подымова, Л. И. Духова, рассматривая необходимость создания инновационной образовательной среды для профессионального развития педагога, уделяют большое внимание личностному самоопределению субъектов образовательной среды; по их мнению, «инновационная образовательная среда – это система условий и возможностей для развития личности» [14, с. 7].

Иными словами, содержание и методика проведения лекций и семинаров требует другого уровня обучения, следовательно, проведение занятий возможно с использованием практико-ориентированных технологий в сочетании с предоставлением обучающимся большей самостоятельности. При этом преподаватель выступает в роли

субъекта образовательного процесса, который осуществляется на основе совместного участия преподавателя и обучающихся. Это способствует проявлению индивидуальности, обмену идеями, способами действия, приобретению умений работать парами или в группе, формированию чувства ответственности. Используемые в обучении субъектно-деятельностные образовательные технологии способствуют развитию сотрудничества и навыков совместного творчества в педагогической подготовке адъюнктов, увеличивают возможности участников образовательного процесса, ориентируют их на «личностную и профессиональную индивидуальность участника процесса образования» [15, с. 13].

Адъюнкт как полноценный субъект образовательного процесса проектирует совместно с преподавателем учебную деятельность, обеспечивающую ему позицию выбора и разработки содержания учебной дисциплины через самостоятельное освоение лекционного материала с последующим совместным обсуждением. Самостоятельное освоение теоретического материала дает возможность каждому обучающемуся совершенствовать собственные знания, умения и навыки, углублять их с помощью совместного обсуждения с преподавателем.

Учитывая это, при осуществлении контактной работы мы опираемся, прежде всего, на методы, способствующие активному участию адъюнктов в образовательном процессе. Проблемный метод изложения лекционного и практического материала (различные виды лекций, привлечение адъюнктов к подготовке и проведению занятий с обязательным выделением основных проблем и последующим обсуждением, обязательное участие каждого обучающегося в работе через вопросы или рецензирование) позволяет повышать активность будущих педагогов на занятиях. Частично-поисковые методы (подготовка докладов с их последующим обсуждением, написание эссе) и исследовательский метод (самостоятельная постановка целей и задач, выделение отдельных проблем при изучении материала по теме

лекции и т. д.) позволяют осознанно воспринимать изучаемый материал и пробовать свои силы в педагогической деятельности.

Данный подход позволяет обеспечить погружение обучающихся в реальную ситуацию с обозначением профессиональной задачи, которая предусматривает демонстрацию приобретаемых педагогических навыков. Лекционные занятия, носящие в основном теоретический аспект, знакомят обучающихся с основными идеями, понятиями, теориями и подходами к анализу педагогических умений и процессов. Учитывая особенности обучения кадров высшей квалификации, лекции по дисциплинам психолого-педагогического цикла (более высокий уровень подготовленности обучающихся, приоритет практико-ориентированного обучения, высокая мотивация на освоение профессии преподавателя) направлены на реализацию потенциала педагогических дисциплин, способствующих формированию профессионального мастерства будущего преподавателя.

Через практические занятия идет отработка необходимых приемов и методов, тем самым происходит усвоение конкретных способов реализации профессиональных действий в образовательном процессе. На практических занятиях отрабатываются применение теоретических знаний, осуществление анализа педагогических ситуаций, решение педагогических задач, формирование персональных умений педагогической работы.

Таким образом, профессиональная подготовка будущих преподавателей в адъюнктуре предполагает такой подход к организации обучения, который соединяет в себе качественную теоретическую подготовку с практическим применением знаний на практике или в ситуации, приближенной к реалиям педагогической деятельности. В процессе нашей работы мы использовали разного рода ситуации из преподавательской практики, что помогало формировать практический опыт обучающихся в разрешении предстоящих педагогических проблем, их анализе и оценке, что, безусловно, способствует про-

фессиональной подготовке будущих преподавателей. Продемонстрированный подход открывает широкие возможности индивидуализации обучения адъюнктов, готовит их к самостоятельной работе, прививает навыки анализа информации и способствует формированию умений правильно ее подавать.

В условиях изучения педагогических дисциплин, таких как «Педагогика высшей школы», «Технология профессионально-ориентированного обучения», происходит дальнейшее изучение и апробация усвоенных профессиональных действий преподавателей. Каждая дисциплина включает самостоятельную работу обучающихся (выявление условий реализации метода, эффективных приемов освоения учебного материала и т. д.). Таким образом, каждая учебная дисциплина содержит теоретическую, практическую и исследовательскую составляющую.

Следовательно, совершенствование педагогической подготовки адъюнктов по направлению юриспруденция осуществляется с помощью заданий, направленных на расширение проблемного поля обучения. Осуществляется это за счет использования знаний для обоснования и конкретизации теоретических положений; использования проблемных вопросов, активизирующих самостоятельность обучающихся и направленных на увеличение объема педагогических и специальных знаний; углубления содержания изучаемых вопросов, базирующихся на основе постановки и выявления противоречий; выполнения творческих заданий с опорой на самостоятельное осмысление и обоснование получаемых выводов; организации на основе конкретных педагогических ситуаций упражнений, моделирования реальных педагогических ситуаций.

Таким образом, одним из направлений повышения уровня подготовки адъюнктов к преподавательской деятельности является реализация организационно-методических условий педагогической подготовки. Это достигается усвоением содержания учебных дисциплин психолого-педагогической направленности, в частности введения в педагогическую профессию, использованием ин-

новационных образовательных технологий и побуждением обучающихся к саморазвитию и самообучению. На основании анализа профессиональной подготовки обучающихся в адъюнктуре нами определено, что организационно-методические условия педагогической подготовки будущих преподавателей создают основу для последующего освоения психолого-педагогических и специальных

дисциплин, приобретения опыта педагогической деятельности. Эффективность в применении инновационных образовательных технологий зависит от многих условий, отражающих внутреннее побуждение, необходимость преодоления инерции мышления, что обеспечивает должный уровень педагогической подготовки адъюнктов к преподавательской деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мелетичев В. В. Теоретические и методические аспекты формирования профессиональной мотивации педагогической деятельности у адъюнктов технических военных вузов / В. В. Мелетичев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 13. № 36.
2. Бабакова Т. А. Педагогика высшей школы / Т. А. Бабакова. Петрозаводск : Петрозаводский государственный университет, 2009. 252 с.
3. Данченко С. А. Мотивация труда у людей социономических профессий / С. А. Данченко, Е. О. Шкрабалюк // Вестник Морского государственного университета. 2008. № 29.
4. Зеер Э. Ф. Психология становления педагога профессиональной школы / Э. Ф. Зеер, Н. С. Глуханюк, О. Н. Шахматова и др.; Екатеринбург : Урал. проф.-пед. ун-т, 1996. 147 с.
5. Зеер Э. Ф. Психология профессионального образования : учебное пособие / Э. Ф. Зеер. М. : Издательство Московского психолого-социального института. Воронеж : Издательство НПО «МОДЭК», 2003. 480 с.
6. Кузнецова Л. В. Дисциплины психолого-педагогической подготовки как основа формирования универсальных компетенций обучающихся по программе подготовки научно-педагогических кадров / Л. В. Кузнецова // Полицейская деятельность. 2019. № 2.
7. Леньков С. Л. Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел / С. Л. Леньков, Н. Е. Рубцова // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы : сборник научных трудов II Международной конференции. Москва : Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 2018.
8. Вострикова Н. М. Понятие «мышление» в психолого-педагогической литературе / Н. М. Вострикова // Сибирский педагогический журнал. Красноярск, 2012. № 8.
9. Радугина А. Л. Психология и педагогика : учебное пособие для вузов / А. Л. Радугина. 2 изд. М. : Центр, 2002. 256 с.
10. Зинкевич Е. Р. Уровневая характеристика педагогического мышления врачей-преподавателей медицинских вузов / Е. Р. Зинкевич // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 41.
11. Кириллова Т. В. Совершенствование подготовки научно-педагогических кадров в Академии ФСИН России / Т. В. Кириллова // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2017. № 3 (13).
12. Груздев М. В. Становление «новой дидактики» педагогического образования в условиях глобального технологического обновления и цифровизации / М. В. Груздев, И. Ю. Тарханова // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 3 (108).
13. Авдеева Л. Н. Дистанционное обучение как неотъемлемая составляющая инновационной образовательной среды / Л. Н. Авдеева, О. Ю. Колпачева, Н. А. Сиволобова // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 2 (87).
14. Подымова Л. С. Инновационная образовательная среда как средство развития профессионализма педагога / Л. С. Подымова, Л. И. Духова // Высшее образование сегодня. 2018. № 1.
15. Головятенко Т. А. Субъектно-деятельностные технологии в развитии кадрового потенциала образовательной организации / Т. А. Головятенко // Высшее образование сегодня. 2018. № 1.

REFERENCES

1. Meletichev V. V. Theoretical and methodological aspects of the formation of professional motivation of pedagogical activity among adjuncts of technical military universities / V. V. Meletichev // News of the Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen. 2007. Vol. 13. No. 36. (In Russ.)
2. Babakova T. A. Pedagogy of higher education / T. A. Babakova. Petrozavodsk : Petrozavodsk State University, 2009. 252 p. (In Russ.)
3. Danchenko S. A. Labor motivation in people of socioeconomic professions / S. A. Danchenko, E. O. Shkrabalyuk // Bulletin of the Maritime State University. 2008. No. 29. (In Russ.)
4. Zeer E. F. Psychology of becoming a professional school teacher / E. F. Zeer, N. S. Glukhanyuk, O. N. Shakhmatova et al.; Yekaterinburg : Ural. prof.-ped. un-t, 1996. 147 p. (In Russ.)
5. Zeer E. F. Psychology of vocational education : textbook / E. F. Zeer. Moscow : Publishing House of the Moscow Psychological and Social Institute. Voronezh : NPO MODEK Publishing House, 2003. 480 p. (In Russ.)
6. Kuznetsova L. V. Disciplines of psychological and pedagogical training as a basis for the formation of universal competencies of students in the program of training scientific and pedagogical personnel / L. V. Kuznetsova // Police activity. 2019. No. 2. (In Russ.)
7. Lenkov S. L. Vocational education of employees of internal affairs bodies / S. L. Lenkov, N. E. Rubtsova // Vocational education of employees of internal affairs bodies. Pedagogy and psychology of official activity: state and prospects : collection of scientific papers of the II International Conference. Moscow : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. V. Ya. Kikotya, 2018. (In Russ.)
8. Vostrikova N. M. The concept of “thinking” in psychological and pedagogical literature / N. M. Vostrikova // Siberian Pedagogical Journal. Krasnoyarsk, 2012. No. 8. (In Russ.)
9. Radugina A. L. Psychology and Pedagogy : textbook for universities / A. L. Radugina. 2nd ed. M. : Center, 2002. 256 p. (In Russ.)
10. Zinkevich E. R. Level characteristics of pedagogical thinking of doctors-teachers of medical universities / E. R. Zinkevich // Bulletin of SUSU. 2012. No. 41. (In Russ.)
11. Kirillova T. V. Improving the training of scientific and pedagogical personnel at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia / T. V. Kirillova // Penitentiary law: legal theory and law enforcement practice. 2017. No. 3 (13). (In Russ.)
12. Gruzdev M. V. Formation of the “new didactics” of pedagogical education in the context of global technological renewal and digitalization / M. V. Gruzdev, I. Yu. Tarkhanova // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2019. No. 3 (108). (In Russ.)
13. Avdeeva L. N. Distance learning as an integral part of the innovative educational environment / L. N. Avdeeva, O. Yu. Kolpacheva, N. A. Sivolobova // World of science, culture, education. 2021. No. 2 (87). (In Russ.)
14. Podymova L. S. Innovative educational environment as a means of developing the professionalism of a teacher / L. S. Podymova, L. I. Dukhova // Higher education today. 2018. No. 1. (In Russ.)
15. Golovyatenko T. A. Subject-activity technologies in the development of the personnel potential of an educational organization / T. A. Golovyatenko // Higher education today. 2018. No. 1. (In Russ.)

Информация об авторах:

Кузнецова Л. В., доктор педагогических наук, профессор;
Федяев Е. А., без ученой степени.

Information about the authors:

Kuznetsova L. V., Doctor of Pedagogy, Professor
Fedyayev E. A., no academic degree.

Статья поступила в редакцию 25.02.2022; одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 23.09.2022.

The article was submitted 25.02.2022; approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 23.09.2022.

ПАМЯТКА АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ»

Редколлегия принимает для рассмотрения и публикации научные статьи, по своему содержанию отражающие современные проблемы права и государства, их исторический аспект, актуальные вопросы юриспруденции, правоохранительной деятельности, развития и совершенствования высшего юридического образования, методики обучения и воспитания в образовательных организациях системы МВД России, о связи юридической науки и практики, а также обзоры и комментарии законодательства, очерки и материалы, оформленные в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7-2021 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Статьи в журналах и сборниках». Научные специальности, по которым могут публиковаться материалы:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки).
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки).
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки).
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки).
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (романо-германские языки) (филологические науки).

Заявки и рукописи представляются в Уфимский ЮИ МВД России с приложением электронного варианта на электронном носителе, либо по электронной почте: vestnik_cyi@mvd.ru.

Структура статьи

Тип статьи указывается отдельной строкой слева в начале статьи.

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК) располагается следом на отдельной строке слева.

Название статьи на русском и английском языках.

Сведения об авторе приводятся на русском и английском языках (имя, отчество, фамилия, наименование и адрес организации (учреждения), подразделения, где работает или учится автор (указать полностью, в том числе город и страну), адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы), ORCID (при наличии) контактные телефоны). Если авторов более одного, указать одного как ответственного за переписку. Дополнительные сведения (ученая степень, ученое звание, должность и др.) под заголовком «Информация об авторе» указать в конце статьи.

Аннотация (100–150 слов) и ключевые слова (6–10) слов или словосочетаний, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3) на русском и английском языках.

Пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», размещается в конце текста. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница. Нумерация в порядке цитирования источников в тексте статьи. Дополнительно привести перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице («References»). Нумерация записей в дополнительном перечне затекстовых библиографических ссылок должна совпадать с нумерацией записей в основном перечне затекстовых библиографических ссылок.

Рукопись статьи должна представлять собой распечатку текста на одной стороне листа формата А 4 (210 x 297 мм) в текстовом редакторе Microsoft Word с использованием шрифта Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – одинарный. Страницы рукописи должны иметь строго выдержанные поля: по 2,5 см каждое. По объему текст не должен превышать 27 000 знаков с пробелами машинописного текста через одинарный интервал. Допускается деление основного текста статьи на тематические рубрики и подрубрики. С учетом данных об авторе, используемого библиографического списка ссылок на использованные источники, аннотации и ключевых слов объем текста должен быть в пределах от 7 до 10 страниц, т. е. от 17 000 знаков на 7 страницах до 27 000 знаков на 10 страницах с учетом пробелов, библиографических ссылок, включая таблицы, графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы, которые группируются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG,

разрешение – не менее 300 dpi. Надписи и подписи к иллюстративному материалу приводят на языке текста статьи и, как правило, повторяют на английском языке.

Оригинальность статьи должна составлять не менее 60 %.

При использовании в тексте различных аббревиатур необходимо приводить их расшифровку, а в скобках – аббревиатуру с последующим использованием ее без расшифровки. Например, уголовно-исполнительная система (далее – УИС).

Статья должна быть подписана автором (авторами) на последней странице второго экземпляра следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Сведений, составляющих государственную и служебную тайну, не имеется».

Публикуемые статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Авторы несут ответственность за недостоверные сведения, содержащиеся в их материалах.

К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя.

Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка по следующей форме:

**Заявка
на опубликование научной статьи в научно-практическом журнале
«Вестник Уфимского юридического института МВД России»**

Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи _____

(название статьи)

в рубрике _____

Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте института в сети Интернет.

Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке материалов к публикации не использовались литературные источники и документы, имеющие гриф ДСП, «секретно», а также служебные материалы других организаций.

Согласен на обработку своих персональных данных в соответствии со ст. 6 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ.

Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией.

О себе сообщаю следующую информацию:

ФИО (полностью): _____

Должность: _____

Место работы: _____

Ученая степень: _____

Ученое звание: _____

Адрес: _____

Телефон для связи: _____

E-mail: _____

Электронный вариант статьи на _____ страницах прилагается.

Дата, подпись, расшифровка подписи.